

03

03(23)-2020

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ
РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ
ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО,
ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ISSN 2411-4855

**ФГБОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (23)

2020

Воронеж

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 3 (23) 2020

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71182 от 27.09.2017
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Научное периодическое издание. Воронеж.
Воронежский государственный технический университет.
Издаётся с января 2015 года

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Редакционный совет

Председатель – *Колодяжный С.А.*, д-р техн. наук, профессор.

Редакционная коллегия

Енин А.Е., заслуженный архитектор РФ, канд. архитектуры, проф., ВГТУ (главный редактор); *Есаулов Г.В.*, заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Барсуков Е.М.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Большаков А.Г.*, д-р архитектуры, проф., Иркутский технический университет; *Донцов Д.Г.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Капустин П.В.*, канд. архитектуры, доц., ВГТУ; *Кармазин Ю.И.*, заслуженный работник высшей школы, д-р архитектуры, проф., ВГТУ; *Колесникова Т.Н.*, д-р архитектуры, проф., ОрелГТУ; *Азизова-Полуэктова А.Н.*, канд. архитектуры, ВГТУ (ответственный секретарь); *Колодяжный С.А.*, д-р техн. наук, проф., ВГТУ; *Леденева Г.Л.*, канд. архитектуры, проф., ТГТУ; *Мелькумов В.Н.*, заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, проф., ВГТУ; *Метленков Н.Ф.*, канд. архитектуры, проф., МАРХИ; *Птичникова Г.А.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Ракова М.В.*, директор департамента архитектуры и градостроительства Нижнего Новгорода; *Фирсова Н.В.*, канд. архитектуры, д-р геогр. наук, доц., ВГТУ; *Чесноков Г.А.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Шубенков М.В.*, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Luca Zavagno*, PhD, Assistant Professor Department of Arts, Humanities and Social Sciences Faculty of Arts and Sciences Eastern Mediterranean University via Mersin10, Turkey Famagusta.

Выходит 4 раза в год.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 394006 г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, ком. 1522

Тел./факс: +7(473)236-94-90, E-mail: af@vgasu.vrn.ru

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ: 394026 Воронеж, Московский проспект, 14

16+

© ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный технический
университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

□ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

П.А. Попов, А.С. Танкеев, Н.С. Шебуняева КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО АНСАМБЛЯ ГАРДЕНИНСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ВОРОНЕЖЕ. ПЕРВЫЙ «ДОМ ГАРДЕНИНА» («ДОМ БОРОДИНА», «ПОЛУРОТКА»)	4
Г.В. Алтунин ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СЕЛЕ МАЛОЕ СКУРАТОВО ЧЕРНСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	16
Т.И. Задворянская, Р.Н. Пулавцев, С.А. Юдин КОСМИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ФЕНОМЕН АРХИТЕКТУРНОЙ МЫСЛИ	27
П.В. Капустин О ТЕРМИНЕ "ПРЕДПРОЕКТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ"	34
Т.В. Толстова, Г.А. Чесноков, Л.В. Кригер ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ГОРОДЕ ТАМБОВЕ	42
М.С. Молодых, Я.В. Сердюк ТИПЫ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ТЕНДЕНЦИИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ С УЧЁТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ РАЗВИТИЯ СРЕДЫ	53
А.А. Шаталов, И.М. Немухина, Л.А. Черепова ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ КОРРЕКТИРОВКА ПРОПОРЦИЙ ФАСАДА СУЩЕСТВУЮЩЕГО ЗДАНИЯ	61
П.В. Капустин К ПОНИМАНИЮ АР-ДЕКО КАК ГЛОБАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ	68
□ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	
В.П. Шевелев, Л.В. Морозова ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАРКОВ	81
М.С. Молодых, О.В. Воропаева СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	90
А.М. Подколзин, Г.А. Чесноков АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДА КУРСКА	100

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 728.03(470.324):72.02

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО АНСАМБЛЯ ГАРДЕНИНСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ВОРОНЕЖЕ. ПЕРВЫЙ «ДОМ ГАРДЕНИНА» («ДОМ БОРОДИНА», «ПОЛУРОТКА»)

П.А. Попов, А.С. Танкеев, Н.С. Шебуняева

Попов П.А., канд. ист. наук, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел.: +79081419604, e-mail: pavelporov3000@mail.ru
Танкеев А.С., канд. арх., профессор кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел.: +79300118411, e-mail: Ast1111@yandex.ru
Шебуняева Н.С., студентка группы БРАН-151 кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел.: +79204078590, e-mail: n-shebunyaeva@mail.ru

Постановка задачи. Комплексные научные исследования и разработка эскизных чертежей для реставрации жилых домов в усадьбе Гардениных XVIII в.

Результаты и выводы. В публикуемой первой части исследования проведено изучение дома № 10 (10а) в Фабричном переулке. В составе корпусов сильно перестроенного первого «Дома Гарденина» впервые выявлена постройка редкой архитектуры рубежа XVIII и XIX вв. – «Дом Бородина». Даны предложения по использованию и реставрации здания и реновации участка.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, усадьба Гардениных, дом Бородина, реставрация, музей истории городского быта.

Введение

В Гарденинский историко-архитектурный комплекс входит ряд строений в Фабричном переулке: Тихвино-Онуфриевская церковь – № 8, жилые дома – № 10 (10а) и № 12 и при них частично сохранившиеся службы, а также суконная фабрика (так называемый «Арсенал») на улице С. Разина, 43. Он является одним из двух старейших усадебных комплексов Воронежа вместе с ансамблем усадьбы Тулиновых на ул. Вайцеховского. Комплекс истари находился в центре внимания местных краеведов, историков, архитекторов и столичных искусствоведов и культурологов. Возрастает его ценность как одного из ключевых охраняемых объектов архитектурного наследия. Однако в XXI в. центральный ансамбль – дом № 10 (по новой нумерации 10а) и дом № 12 – терпит бедствие. Дома расселены как аварийные и сильно разрушаются. Для выведения их из катастрофической ситуации требуются срочные предложения по их использованию и реставрации. Поэтому необходимы комплексные исследования на качественно новом уровне. Ранее уже создавались проекты реставрации. Однако они не рассматривали ансамбль в целом и не давали многих ответов на неясные вопросы о периодизации строительства ансамбля, о первоначальном облике и стилистике зданий.

Многие результаты представленных исследований отличаются от исторических данных, встречающихся в научной литературе. Они позволили сделать новый взгляд на архитектуру обоих зданий.

Возникновение усадьбы. Краткая историография

Купец Потап Никитич Гарденин (ок. 1689 – 1746), президент губернского магистрата (с 1744), был основателем династии суконных фабрикантов. Считается, что его двор, находившийся вблизи Успенской церкви, был расселен в Петровскую эпоху в связи со строительством в Воронеже флота.

Поэтому он занял другое, поистине красивейшее, место – плато над Чернавским логом – и основал здесь сохранившуюся усадьбу.

Построил жилой дом, церковь и здания для собственной суконной фабрики, которую открыл в 1729 г. после раздела мануфактуры с компаньонами.

В период 1735–1746 гг. на средства П.Н. Гарденина возводится Тихвино-Онуфриевская церковь. В 1908 г. священник В.П. Горьковский описал ее историю, используя прошение П.Н. Гарденина епископу Иоакиму от 1735 г. Купец заявлял о желании построить церковь и упоминал свой дом, сообщая, что живет далеко от других городских церквей. В 1922 г. краевед Ю.И. Успенский предположил, что жилой дом строился одновременно с церковью и что речь шла будто бы о нынешнем доме № 12 с сохранившимся красивым декором стиля барокко. Это утверждение с разными вариациями долго господствовало в краеведческой литературе. Его повторил архитектор Н.В. Троицкий, затем историк А.Н. Акиншин, который впервые объединил постройки Гардениных в «Гарденинский историко-архитектурный комплекс» и уточнил, что дом наверняка строили раньше церкви. Так вырисовался период строительства между концом 1720-х гг. (открытие фабрики) и 1735 г. (первое упоминание дома) [6; 7, с.143-144; 10].

Ныне старейшим «Домом Гарденина» считается не дом № 12, а ранний объем дома № 10 (10а), приближенного к церкви. П.А. Попов в 2010–2014 гг. на основе сравнительного анализа планов Воронежа установил, что первый дом показан именно на этом месте около 1750 г., а дома № 12 тогда еще не было. Автор не ушел от датировки первого дома периодом 1720-х – 1740-х гг. Однако, не располагая подробными натурными исследованиями, он не мог назвать точных границ оставшегося южного крыла дома и указал только на размеры ряда кирпичей, которые соответствуют первой половине XVIII в. [7, с. 141–142; 9; 10].

Дом № 10 (10а): история по архивным данным

Судя по плану Воронежа, составленному около 1750 г., первым «Домом Гарденина» тогда владел один из сыновей П.Н. Гарденина – Андрей Потапович (ок. 1722 – 1776). Дом имел Г-образную конфигурацию, и она сохранялась на планах города вплоть до плана 1799 г.

По документам начала XIX в. участок дома, уже обособленный от бывшей усадьбы Гардениных, принадлежал дворянину Тимофею Селиверстовичу Бородину. Одинодворец по происхождению, он сумел разбогатеть благодаря «иконному художеству», записался в купечество, а в 1809 г. получил дворянство. Имел в Воронеже несколько каменных домов, в том числе на нынешней ул. Сакко и Ванцетти, № 76, 80.

Т.С. Бородин умер в 1816 г. После него домом возле Тихвино-Онуфриевской церкви распоряжались наследники. После судебных разбирательств дом в 1837 г. был выделен дочери – Н.Т. Бородиной, в замужестве купчихе Веневитиновой [4]. Однако дочь в том же году продала усадьбу купцу, городскому голове Ивану Матвеевичу Нижегородцеву [5, л. 30].

Касательно усадьбы И.М. Нижегородцева сохранился ряд фиксационных документов. Владелец сдавал помещения для расквартирования кантонистов – воспитанников крупного военного учебного заведения. Архивные материалы 1837–1838 гг. свидетельствуют о ряде реконструктивных работ, которые уже привели к кардинальному изменению объемно-пространственной композиции первого «Дома Гарденина». Вероятно, еще до Нижегородцева его предшественники Бородины начали реконструировать усадьбу под казарму кантонистов.

В РГВИА имеются чертежи планов и фасадов 1837 г. (рис. 1, 2, выявлены В.А. Митиным). Видно, что восточное крыло дома исчезло. Южное крыло осталось в глубине участка на прежнем месте, поэтому есть основания трактовать его как *старейший (первый) корпус* дома, причем второй этаж, видимо, надстроен. Дом дополнен новыми корпусами. Наложение планов усадьбы 1799 и 1837 гг. на современную архитектурную подоснову показывает, что *второй двухэтажный корпус* построили с южной стороны от первого на

одной оси с ним и в одной высоте, перпендикулярно переулку (до линии проезжей части). На восточном фасаде второго корпуса есть ризалит с характерными проемами, завершенный треугольным фронтоном. С северной стороны к первому «Дому Гарденина» примыкает *третий корпус* – одноэтажный с двухэтажным ризалитом. Здесь ризалит имеет венчающий фронтон и трехчастные проемы в двух этажах по подобию ризалита второго корпуса, однако габариты ризалита, в том числе фронтона, отличаются, что может свидетельствовать о разновременном сооружении второго и третьего корпусов.

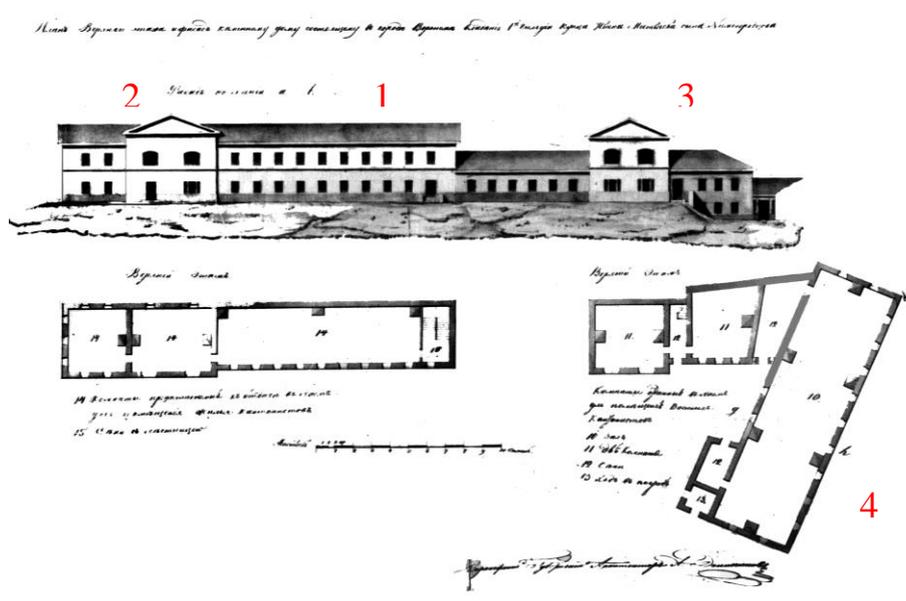

Рис. 1. Усадьба И.М. Нижегородцева с помещениями для кантонистов. Восточный фасад трех корпусов и план вторых этажей четырех корпусов. 1837 г. РГВИА. Нумерация корпусов проставлена авторами статьи

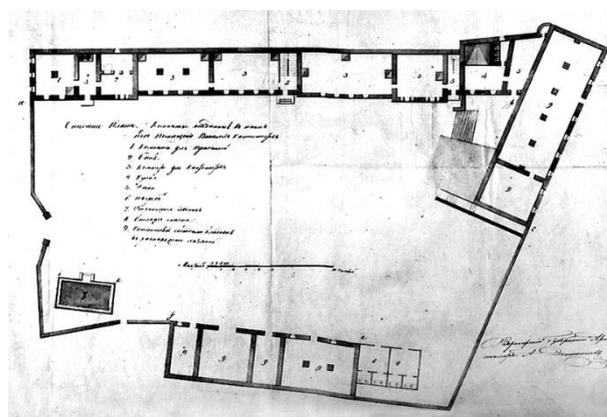

Рис. 2. Усадьба И.М. Нижегородцева. План усадьбы и первых этажей строений. 1837 г. РГВИА

Четвертый корпус – угловой, с залом для кантонистов на втором этаже, протяженным фасадом выходил на современную ул. Замкина (существовал с конца XVIII в., был показан на плане города 1799 г.). В целом все здание к этому времени приобрело вид длинной казармы, оформленной с преобладанием элементов классицизма [1, 2].

В ГАВО нами выявлена опись усадебных построек 1838 г. В ней значится «каменный двухэтажный дом», где нижний этаж со сводом, железная крыша окрашена «мумиею на масле», внутри дом оштукатурен, его размеры – «в длину 21 1/3 сажень, широтою 4 сажня и высотой 9 1/2 аршин», в верхнем этаже – 21 окно, 6 печей «из неполивных кафель», в нижнем – 15 окон, 4 печи «из неполивных кафель», 1 русская печь, очаг с 2 чугунными котлами и печь в бане. Этажи соединяла деревянная лестница. Сравнение с планами 1837 г. показывает, что имеются в виду первый и второй корпуса, объединенные в один дом.

Третий корпус записан как «дом каменный одноэтажный с мезонином, под железною крышею», в нижнем этаже кухня со сводами, «в длину 17 1/3 сажень, шириною 12 аршин», в

верхнем этаже – 5 окон, 7 печей «из неполивных кафель» и 1 русская печь, в нижнем – 9 окон, очаг с 3 чугунными котлами. Нижний пол был вымощен плитками. Четвертый корпус – каменный двухэтажный дом с 2 «выходами со сводами» (ныне от него остался один подвал).

В усадьбе также были: каменный каретный сарай с кладовыми и конюшней, со сводами (теперь здание занято воскресной школой храма), каменная ограда с деревянными воротами, а при входе в дом с залом – ступени из «цокольных» камней [5, л. 8–12].

Однако архивные исследования вне контекста натуральных и камеральных архитектурных исследований не дают понять, в какие же периоды – при Т.С. Бородине, его наследниках или И.М. Нижегородцеве – состоялись реконструктивные работы, и сохранились ли стены первой половины XVIII в. в первом «Доме Гарденина». Подробный разбор планов 1837 г. был сделан В.А. Митиным в 2004 г. Он обратил внимание на интересные конструктивные особенности интерьеров, в особенности на столпы, по которым можно реконструировать сводчатые перекрытия. Но В.А. Митин не учел, что здание являлось казармой кантонистов, и писал о нем как о жилом купеческом доме [8]. Информация была дополнена в совместной работе с П.А. Поповым [9], однако многие вопросы оставались без ответа.

В 1858 г. здание, приобретенное в казну в запущенном состоянии, приспособили под здание арестантской полуроты. Оно надолго стало известно под названием «Полуротка». В конце XIX – начале XX в. здание принадлежало Исправительному арестантскому отделению гражданского ведомства. В 1912 г. оно зафиксировано в документах городской управы, показаны также запланированные «капитальные исправления» [3] (рис. 3, 4).

Проведя сравнительный анализ чертежей 1837 и 1912 гг., заключаем, что в течение второй половины XIX и начала XX в. протяженное здание унифицируется и окончательно

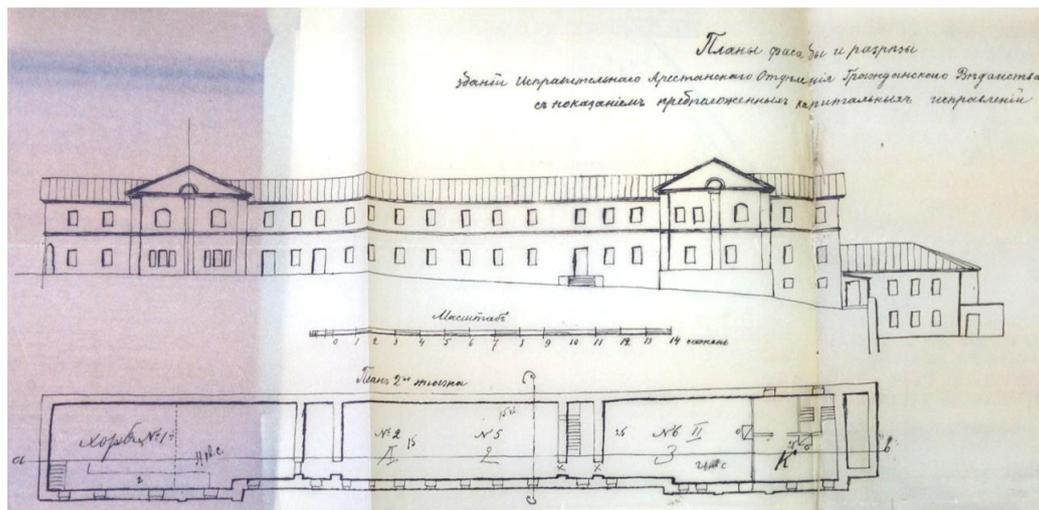

Рис. 3. Исправительное арестантское отделение. Восточный фасад и план второго этажа. 1912 г. ГАВО

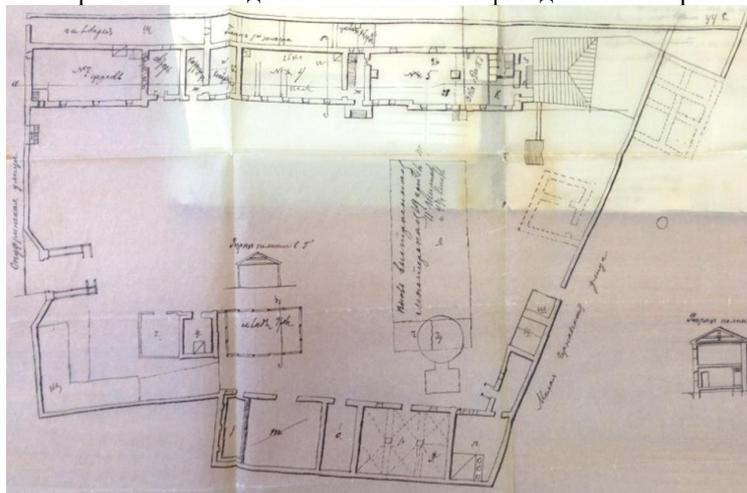

Рис. 4. Исправительное арестантское отделение. План участка и первых этажей. 1912 г. ГАВО

формируется в его нынешнем виде. Одноэтажная часть третьего корпуса надстраивается вторым этажом. На восточном фасаде реконструируется ризалит третьего корпуса: он расширяется, его новая часть акцентируется фронтоном и лопатками, а старый фронтон, высотные уровни которого не соответствуют общей композиции, ликвидируется. Второй корпус получает аналогичную среднюю лопатку. Очевидно, фасадные переделки соответствовали конструктивному изменению интерьеров. Судя по разрезу, все столпы и, соответственно, своды, разобраны, и устроено перекрытие из деревянных балок. Изменилось также расположение входов и лестниц. От бывшего четвертого корпуса остались развалины. Со стороны западного фасада пристроили «галерею» и бытовые помещения. В глубине двора в начале XX в. выстроили мастерскую (ныне жилой флигель).

Во втором корпусе показана церковь. Известно, что здесь с 1889 г. обустраивали домовую церковь во имя Св. Митрофана. Храм был окончательно освящен в 1897 г.

В 1987 г. дом № 10 приняли под охрану как «Жилой дом» XVIII в. Сегодня видна ценность богатого напластования культур: жилой купеческой, казарменной, храмовой.

Дом № 10 (10а): архитектурные исследования и итоги комплексных исследований

Натурные исследования проводились для дипломного проекта, выполненного в 2020 г. Н.С. Шербунаевой под руководством А.С. Танкеева и П.А. Попова. Они привели к архитектурным открытиям, к ранее не установленным фактам.

Прежде всего сделана ревизия гипотезы П.А. Попова 2014 г. о том, что южный объем здания может включать элементы барокко первого «Дома Гардениных» XVIII в. и детали классицизма, внесенные при перестройках в XIX в. [10, с.18]. Теперь вскрылись многие участки стен (рис. 5–8). Специально проведены зондаж стен и тщательный анализ кирпичной кладки. Выделен *второй корпус* (с ризалитом на восточном фасаде и с фронтонами на обоих фасадах) как имеющий однородную первичную кладку рубежа XVIII и XIX в., с единовременно выполненными элементами барокко и классицизма. Кладка хорошо различима по характерным систематическим вставкам ровно отколотых кирпичей на краях фасада. В то же время присутствует множество кирпичей, которые по примитивной формовке (большая кривизна) и особенно крупным габаритам (длиной до 290–300 мм, шириной до 140–152 мм) относятся примерно к середине XVIII в. В целом длина кирпичей от 270 до 300 мм, ширина – от 135 до 152 мм, толщина – от 62 до 75 мм. Однако при большой кривизне кирпичей нет достаточно узких лицевых швов кладки (есть от 14 до 31 мм), что свидетельствует о вторичном использовании более старых кирпичей при кладке нового дома. Следует предположить, что использованы кирпичи разобранного восточного крыла первого «Дома Гардениных» и, возможно, его флигелей.

Судя по вскрытым пропорциям и элементам фасадов, второй корпус не был задуман в усадьбе как подчиненная пристройка. Это дом самостоятельной, презентабельной, яркой и редкой архитектуры периода строгого классицизма. И его внутренняя планировка тоже сначала была рассчитана на жилье богатого человека, не на казарму.

Зная, что корпус построен после 1799 г. и что в 1816 г. умер владделец Т.С. Бородин, его следует трактовать именно как «Дом Бородина» (рис. 5–9). Исходя из стилистики, строительство не могло начаться позднее 1800-х гг., то есть последних лет периода строгого классицизма, когда уже утвердилось увлечение палладианством, но на пропорциональную пространственную основу классицизма еще было принято наносить некоторые старые привычные детали барокко. Иными словами, реконструируемые формы «Дома Бородина» демонстрируют ярко выраженную архитектуру переходного периода от барокко к классицизму. Обнаружено крайне редкое сочетание форм: неоднократное повторение мотива ниш, в которые помещены тройные или строенные окна как прямоугольных очертаний, так и с лучковыми перемычками и другими изгибами (изогнутость линий – признак барокко).

Рис. 5. «Дом Бородина». Восточный фасад. Фото 2019 г.

Рис. 6. «Дом Бородина». Фрагменты восточного фасада. Выявленная ниша с оконным проемом (красной линией показан контур проема), перемычка бывшего ложного проема фронтона. Фото 2019 г.

Рис. 7. «Дом Бородина». Западный фасад. Фото 2019 г.

Рис. 8. «Дом Бородина». Фрагменты западного фасада. Фото 2019 г.

На западном фасаде два трехчастных окна помещены в большие прямоугольные ниши. Тема ниш еще веселее прослеживается на главном восточном фасаде. На втором этаже очень крупные окна с лучковым завершением (реконструируются как строенные, рис. 10) помещены в ниши, повторяющие очертания оконного проема. На первом этаже в прямоугольной нише – тройное окно с прямоугольными проемами. Оно соосно верхним проемам. Справа от ризалита на восточном фасаде находим заложенные оконные проемы: в нижнем этаже – прямоугольные, также помещенные в ниши, в верхнем – лучковые. На обоих фасадах во фронтонах четко прослеживаются трехчастные окна по типу итальянских, с боковыми ложными окнами, у всех проемов перемычки изогнуты в духе барокко. На восточном фронтоне центральный проем имеет позднее искажение (переделан в полуциркульный), на западном – сохранил первоначальные очертания, но заложен, судя по клеймам кирпичей, во второй половине XIX в. Боковые окна на восточном фронтоне (под штукатуркой) имеют первичные очертания. На западном увеличена кривизна боковых линий.

Архитектурные аналоги имеем в Тульской области. В усадьбе Л.Н. Толстого Ясная Поляна – флигели начала XIX в. с крупными центральными строенными окнами и перемычками, близкими к полуциркульным. В усадьбе К.Г. Разумовского Молоденки – на фронтоне флигеля конца XVIII в. редкое сочетание (как в «Доме Бородина») тройного окна с лучковыми (не прямоугольными) перемычками. По всей России есть множество аналогов конца XVIII – начала XIX в. с излюбленными в то время тройными окнами, но уже выполненными полностью в классицизме – с темами прямоугольника и полуокружности. В Воронеже – утраченные здания архиерейского подворья, спроектированные в 1780-е гг. зодчим Дж. Кваренги; «Дом кантонистов», изначально построенный (и не достроенный) тем же Т.С. Бородиным (ул. Сакко и Ванцетти, 76), «Дом Тулиновых» (просп. Революции, 30), лютеранская кирха (ул. К. Маркса, 65) и др. Последние три памятника начала XIX в. относятся уже к позднему классицизму (ампиру) и не имеют никаких деталей барокко.

Таким образом, конкретные фасадные композиции «Дома Бородина» уникальны в архитектуре Воронежа, а в архитектурном наследии России чрезвычайно редки. Можно предположить, что неизвестный автор проекта старался выполнить фасады в сочетании со старыми барочными формами первого «Дома Гарденина», который тогда еще был цел, а также с трехчастными фронтонами второго «Дома Гардениных» (№ 12).

Крайний южный объем «Дома Бородина» (левый со стороны восточного фасада) отличается расположением проемов от правого объема. Получается, что нарушен один из основополагающих принципов классицизма – принцип симметрии фасадов? На первый взгляд, кладка стен в южном объеме даже не имеет перевязки с соседней поперечной стеной центрального объема. Тем не менее, кладка датируется примерно тем же периодом, и в ней есть такие же более ранние большемерные кирпичи середины XVIII в. Где же ответ на загадку? Оказывается, с востока на уровне первого этажа имеется первичная стена, которая имеет одинаковое заглубление со стеной, что справа от ризалита. Но по фасаду на уровне обоих этажей левого крыла видим позднюю обкладку, в результате большой выступ левого крыла нарушает симметрию дома. Можно предположить, что Бородин не успел полностью возвести дом, скончавшись во время строительства (как и в случае с «Домом кантонистов»). Но наследники вскоре могли достроить его уже с отклонениями от проекта. В нашем проекте в основном варианте предполагается реставрация левого крыла в его фактически сложившемся виде (учтем еще, что с конца XIX в. здесь была домовая церковь).

А что же осталось от ранней кладки первого «Дома Гарденина»? Точный ответ станет возможным только в случае полных натуральных исследований *первого корпуса*, включая архитектурно-археологические изыскания. Корпус подвергался многочисленным перестройкам. Штукатурка скрывает многие кладки. Тем не менее, удастся определить южный предел корпуса (так как есть отличия в расположении и конфигурации окон в сравнении с «Домом Бородина»), а также северный предел (ныне подъезд, общий с третьим корпусом), где в поперечной стене имеем фрагменты кладок XVIII–XX в. и где заложенный дверной проем, возможно, вел в дом из прихожей в XVIII в. (см. корпус 1 на рис. 9).

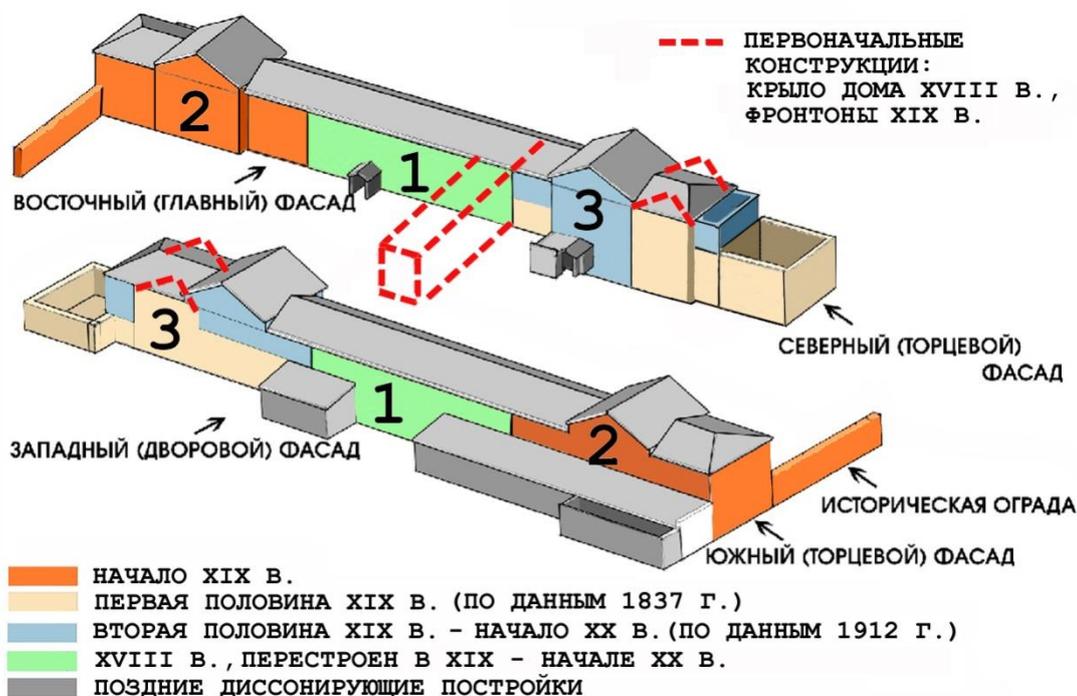

Рис. 9. Схема состава корпусов дома № 10 (10а). 1 – первый корпус (перестроенный первый «Дом Гарденина»), 2 – второй корпус («Дом Бородина»), 3 – третий корпус

Доступная для изучения кладка *третьего корпуса* существенно отличается от стен первых двух корпусов. Она выполнялась в три основных приема в период с 1820-х – 1830-х гг. по начало XX в. – позже «Дома Бородина». Это видно и по формовке кирпичей, и по их габаритам, и по приемам их кладки, и по клеймам кирпичных заводов. Не обнаружено кирпичей XVIII в., даже вторично использованных, даже в подвале. В подтверждение архивных данных прослеживается перенесение фронтонов на двух фасадах – в соответствии с реконструкцией ризалита на восточном фасаде, а также крыши. Из-за этого первоначальные проемы западного тройного окна утратили прежние оси симметрии относительно фронтона и даже этажей – оказались на уровне перекрытия (см. рис. 9–11).

Предложения по использованию и реставрации

Предлагается реставрация жилых домов № 10 и 12 с реновацией участка городской среды и организацией на их базе Музея истории городского быта (см. рис. 10–12). Общество Воронежа давно признала необходимость такого музея, с построением экспозиции по тематическому принципу и детальным показом бытовых предметов. Планы отведения Гарденинского комплекса под музейные нужды вынашивались руководством области и города еще в 1980-х гг. Однако музей успели создать только в «Арсенале», а храм возвращен епархии. Между тем, центральный ансамбль являет собой потенциально замечательную музейную площадку в тихом историческом центре, но вблизи транспортных потоков. Усадьба стала бы доступной всем. Принципы реновации исторической среды в зонах охраны памятников заставляют предусмотреть в идеальном варианте снос двухэтажного жилого дома № 12а середины XX в. Несмотря на небольшой объем, дом крайне неудачно разбил территорию Гарденинского комплекса, вклинился между домами № 10 и 12. Площадь территории и ее высокие ландшафтные качества позволили бы организовать экспозицию крупногабаритных раритетов под открытым небом (надгробные памятники, образцы архитектуры и др.). Экскурсионная тропа вела бы к храму по ступеням XIX в. мимо подвала четвертого корпуса и уцелевшей задней ограды XIX в. с клеймами на кирпичях.

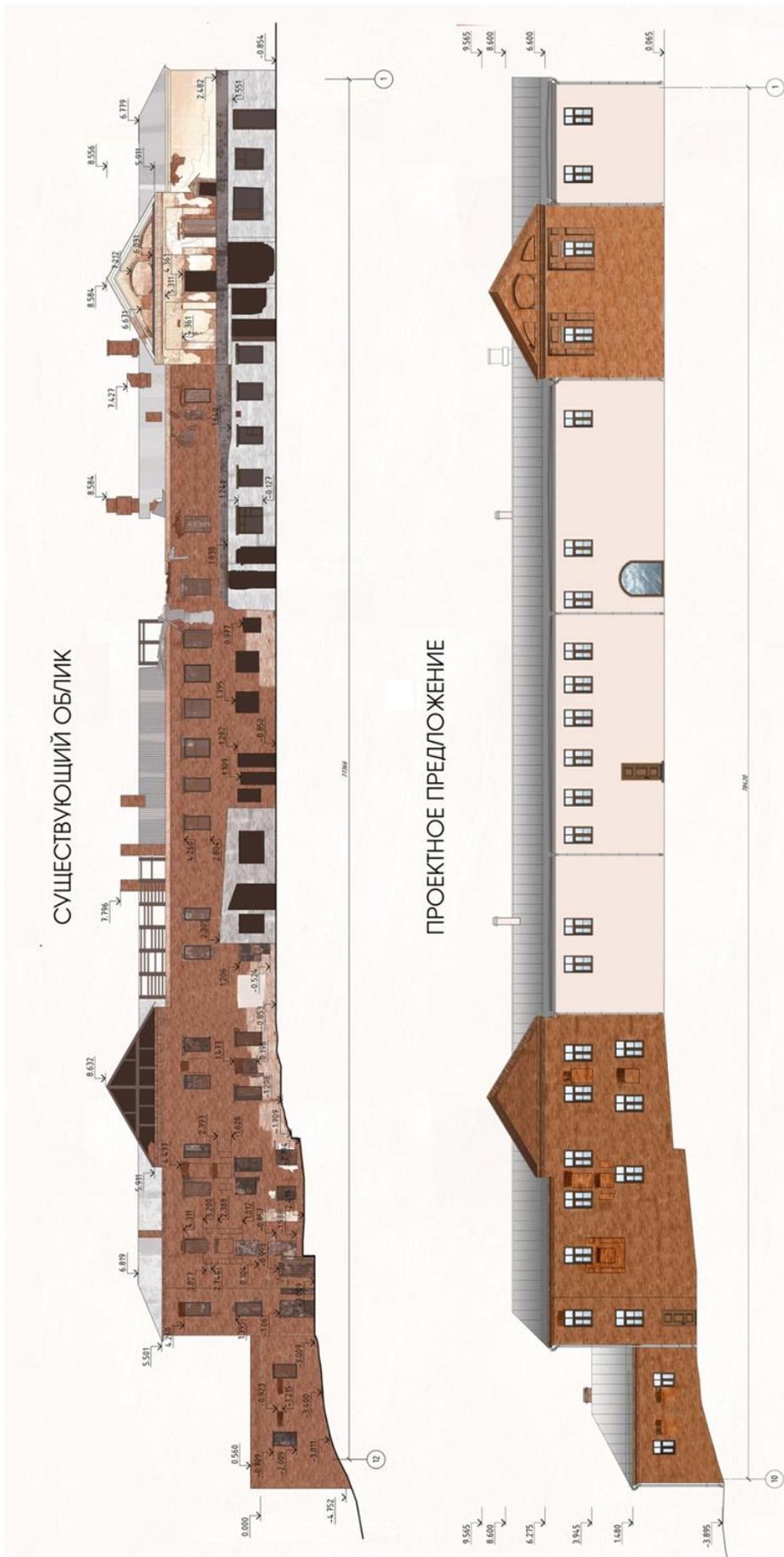

Рис. 11. Дом № 10 (10а). Западный фасад. Фиксация и предложение по реставрации с частичным раскрытием кирпичной кладки в «Доме Бродина» (справа) и в третьем корпусе (слева)
 Автор Н.С. Шебуняева

Сегодня муниципальная собственность домовладения № 12 позволяет предложить реальное музеефицирование в этой части ансамбля. Остальные наработки имеют сугубо теоретический характер. Надеемся, что они помогут владельцам дома № 10 (10а), уже выступавшим с историко-культурными инициативами. Дипломный проект предусмотрел организацию актового зала, которого сегодня так не хватает всем музеям Воронежа, – в той части здания, где утрачены интерьеры. Однако в «Доме Бородина» сохраняем печные конструкции XIX в., которые опираются на своды ныне засыпанного подвала.

Рис. 12. Схема генерального плана участка с объектами культурного наследия (ОКН) после реновации среды

Особое внимание уделено детальной проработке реставрации разновременных фасадов здания с учетом их специфики и ценностного уровня. Прежде всего проект предлагает полноценную реставрацию восточного фасада «Дома Бородина» – архитектурной изюминки объекта – с восстановлением всех установленных деталей начала XIX в. (рис.10). Утраченный декор частично воссоздается по аналогам (наличники с замковыми камнями). На западном фасаде стену с фронтоном оставляем неоштукатуренной для демонстрации подлинности кладки и ее форм, сочетающих барокко и классицизм, при этом раскрываем проемы, имеющие позднюю закладку. Неоднократно перестроенные первый и третий корпуса восстанавливаются в формах, сложившихся к началу XX в. Однако фрагмент западного фасада третьего корпуса получает раскрытие кладки – для гармонии с фрагментом «Дома Бородина» и для показа богатства напластований в их самом любопытном месте, где сложилась фееричная накладка разнохарактерных и разноуровневых проемов (рис. 11).

Заключение

Итак, комплексные научные исследования объекта позволяют предусмотреть необходимую дифференциацию его составляющих в проекте реставрации и вместе с тем его интеграцию в исторически сложившийся Гарденинский комплекс для восстановления высоких историко-архитектурных качеств уникального усадебного ансамбля.

Библиографический список

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп.9. Д. 2963.
2. РГВИА. Ф. 349. Оп.9. Д. 2964.
3. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2760.
4. ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1540.
5. ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 13738.

6. Акиншин А.Н. Гарденинский историко-архитектурный комплекс XVIII века в Воронеже // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). – Воронеж, 1981. – С. 98–108.
7. Историко-культурное наследие Воронежа: материалы свода памятников истории и культуры Российской Федерации. – Воронеж, 2000. – 576 с.
8. Митин В.А. Усадьбы Воронежа города Воронежа XVIII, XIX, XX веков. – Воронеж, 2004. – С. 29–31; Прил. – Ил. 60–64.
9. Митин В.А., Попов П.А. Центральная часть Гарденинского историко-архитектурного комплекса – уникальный памятник культуры Воронежа // Российская академия архитектуры и строительных наук. Вестник Центр. регион. отделения. – 2010. – Вып. 9. – С. 41–55.
10. Попов П.А. Дома Гардениных // Здравствуй, старый дом! Самые замечательные здания Воронежа. – Воронеж, 2014. – С. 6–23.

Bibliography list

1. Russian state military-historical archive (RGVIA). F. 349. Op. 9. D. 2963.
2. RGVIA. F. 349. Op. 9. D. 2964.
3. State archive of the Voronezh region (GAVO). F. I-19. Op. 1. D. 2760.
4. GAVO. F. I-167. Op. 1. D. 1540.
5. GAVO. F. I-167. Op. 1. D. 13738.
6. Akinshin A. N. Gardenins historical and architectural complex of the XVIII century in Voronezh // Voronezh region on the southern borders of Russia. - Voronezh, 1981. - pp. 98-108.
7. Historical and cultural heritage of Voronezh: materials of the Code of historical and cultural monuments of the Russian Federation. - Voronezh, 2000. - 576 p.
8. Mitin V. A. Estates of Voronezh of the city of Voronezh of the XVIII, XIX, XX centuries. - Voronezh, 2004. - pp. 29-31; Application. - 60-64.
9. Mitin V. A., Popov P. A. The Central part of the Gardeninsky historical and architectural complex is a unique cultural monument of Voronezh // Russian Academy of architecture and construction Sciences. Bulletin Of The Center region departments. - 2010. - Issue 9. - p. 41-55.
10. Popov P. A. Houses of the Gardenins // Hello, old house! : The most remarkable buildings in Voronezh. - Voronezh, 2014. - pp. 6-23.

A COMPREHENSIVE STUDY AND RESTORATION OF THE CENTRAL ENSEMBLE OF THE GARDENIN ARCHITECTURAL COMPLEX IN VORONEZH. THE FIRST "HOUSE OF GARDENIN" ("HOUSE OF BORODIN", "POLUROTKA")

P.A. Popov, A.S. Tankeev, N.S. Shebunyaeva

Popov P.A., Candidate of History, Associate Professor, Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VSTU, Russia, Voronezh, ph.: +79081419604, e-mail: pavelpopov3000@mail.ru
Tankeev A.S., Candidate of Architecture, Professor, Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VSTU, Russia, Voronezh, ph.: +79300118411, e-mail: Ast1111@yandex.ru
Shebunyaeva N.S., Student of bRAN-151 group, Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VSTU, Russia, Voronezh, ph.: +79204078590, e-mail: n-shebynyaeva@mail.ru

Statement of the problem. Comprehensive scientific research and development of draft drawings for the restoration of residential buildings in the Gardenins estate of the 18 century.

Results and conclusions. In the published first part of the study, a study of house no. 10 (10a) in Fabrichny lane was carried out. For the first time, the building of rare architecture of the turn of the 18th and 19th centuries was revealed in the buildings of the first heavily rebuilt "House of Gardenin" - "House of Borodin". Suggestions for the use and restoration of the monument are given.

Keywords: cultural heritage sites, the Gardenins manor, Borodin's house, restoration, museu

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СЕЛЕ МАЛОЕ СКУРАТОВО ЧЕРНСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Г.В. Алтунин

Алтунин Г.В., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, кафедра истории и теории архитектуры, магистрант по специальности история и теория архитектуры, e-mail: grin4eg89@mail.ru

Постановка задачи. В данной статье рассмотрена история села Малое Скуратово и возведения в нем церкви во имя Александра Невского. Приведены характеристики архитектурных особенностей храма и предоставлен вариант реставрации, разработанный автором статьи.

Результаты и выводы. Рассмотрена история возведения храма и процессы происшедших в нем перестроек и изменений. Приведен краткий анализ архитектурного облика и стилистики, характерной для периода возведения храма. На основе архивных материалов и натурных обмеров выполнен эскизный проект реставрации, предоставленный в статье в качестве предложения по реставрации. Приведена краткая характеристика современного состояния и возможность реставрации.

Ключевые слова: Малое Скуратово, храм Александра Невского, колокольня, трапезная, эклектика, псевдо-византийский стиль, архитектор А.П. Пирковский.

Введение

В 2021 г. исполняется 160 лет Манифесту об освобождении крестьян от крепостной зависимости, который был подписан 19 февраля 1861 г. В знак памяти этого события и в честь императора-освободителя Александра II бывшие крепостные крестьяне и другие благотворители сельца Малое Скуратово возвели здесь храм во имя Святого Благоверного и Великого князя Александра Невского. Тот факт, что сразу после получения свободы крестьяне решают возводить храм и к тому же подобным образом увековечить память царя-освободителя, показывает, насколько важное значение церковь играла в их жизни. Действительно, жизнь крестьянина была неразрывно связана с церковью - от рождения до смерти. В одном из своих трудов церковный историк А.И. Клибанов подметил: «Вся жизнь крестьянина прошла возле ограды сельской церкви». В церкви крестили, венчали, отпевали. Самые великие праздники - церковные. С возведением храма деревня или сельцо, входившие в состав прихода церкви того или иного села, сами становились духовным и общественным центром, к которому тяготели близлежащие населенные пункты. Точно так же и сельцо Малое Скуратово, бывшее до 1861 г. владельческим, с появлением в нем храма становится селом, а близ расположенные селения Есина Гась и Федуловские выселки входят в состав вновь образованного прихода церкви Александра Невского.

История села Малое Скуратово

Малое Скуратово находится на старой Московско-Киевской большой дороге на расстоянии 85 верст от губернского города Тулы и 17 верст от уездного города Черни. Местность равнинная, лишенная лесов и рек, отчего в некоторых источниках сельцо именуется Степное Скуратово. Другое встречаемое название – Ивановское – не нашло своего объяснения [1, с. 753]. По преданию, сельцо принадлежало одному из приближенных Иоанна Грозного -Малюте Скуратову (настоящее имя Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский) и свое название получило в следствии того, что было пожаловано его младшему сыну (по такому же принципу объясняется название близ расположенного села Большое Скуратово, якобы пожалованное старшему сыну Малюты Скуратова).

История сельца известна с последней четверти XVIII в., но тем не менее связана с родом знаменитого опричника. Только владели им потомки не самого Малюты Скуратова, а его брата – Ивана Лукьяновича Скуратова-Бельского. В конце XVII в. владельцем сельца был ротмистр П.А. Скуратов, затем его двоюродный брат подпоручик Александр Ильич Скуратов, его сын Дмитрий Александрович и дочь Софья Александровна. Последняя в браке с Иваном Осиповичем Дунаевским имела дочь Елизавету Ивановну, вышедшую замуж за князя Виктора Васильевича Кугушева. Так, сельцо Малое Скуратово перешло во владение князей Кугушевых, а история строительства в нем храма будет тесно связано с именем самого князя В.В. Кугушева¹ – одного из благотворителей. По его инициативе и на его средства были выстроены приделы в трапезном отделении храма в честь Св. праведной Елисаветы - небесной покровительницы его жены и в честь Св. мученика Виктора - небесного покровителя его сына Виктора. Устройству приделов предшествовали трагические события в жизни князя: 3 марта 1879 года в Санкт-Петербурге скончалась его жена Елизавета Ивановна, а спустя 22 дня, не перенеся ее смерти, покончил с собой их 27-летний сын Виктор. В виду того, что самоубийство было совершено человеком, находившемся в тяжелом психологическом состоянии после смерти матери, церковь не нашла препятствий в его отпевании по православному обычаю. Так, Виктор Викторович Кугушев с матерью Елизаветой Ивановной были отпеты в Преображенском всей гвардии соборе в Санкт-Петербурге, а тела их как умерших не от заразных болезней были доставлены в цинковых гробах и захоронены возле церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово с рядом с могилой умершего в 1875 г. другого сына князя Виктора Васильевича – Ивана Викторовича. Позже князь будет вести долгую переписку с иерархами Тульской епархии о возможности перезахоронить тела его родственников в склепе в самом храме, но получит отказ по причине неестественной смерти его сына Виктора [2, 3]. Впоследствии князь получит разрешение на возведение склепа-часовни над могилами близких рядом с храмом [4]. Сам князь Виктор Васильевич Кугушев умрет и будет похоронен там же в 1891 г. Его дочь Софья Викторовна (в замужестве Голубева) владела усадьбой в селе Малое Скуратово вплоть до 1906 г.

История возведения храма Александра Невского

Прихожане сельца Малое Скуратово были причислены сначала к приходам церквей в селах Большое Скуратово и Спасское Ершово, а с 1845 г. – села Знаменское-Девочкина. Но неудобство сообщения между населенными пунктами, особенно в половодье, побудило жителей сельца к постройке собственного храма. Так, было получено разрешение на строительство церкви Александра Невского в сельце Малое Скуратово, которое велось более 10 лет: храм был заложен 16 июля 1863 г., а окончен и освящен 29 декабря 1876 г.[5]. На церемонии закладки храма присутствовал епископ Тульский и Белевский Никандр, собственноручно заложивший первый камень [6, с. 40]. Работы по возведению храма велись под руководством чернского купца 2 гильдии Алексея Казмина Кочетова, который был и основным благотворителем, пожертвовавшим самую крупную сумму в размере 15826 рублей 90 копеек. Всего же по смете строительство церкви обошлось в 38 000 рублей [5, с. 217]. Среди жертвователей были люди различных сословий и материального положения. Так, императрица Мария Александровна, жена Александра II, пожертвовала 300 рублей во время поднесения ей хлеба-соли и копии плана церкви и икону Св. Александра Невского в серебряной чеканной ризе (выполненная Сазиковым) ко дню освящения храма, Иван Сергеевич Тургенев – 5 рублей [5, с. 214]. В расходных статьях на строительство храма можно найти интересные пункты, проливающие свет на конкретные личности, причастных к созданию архитектурного облика церкви: за создание плана и наблюдение за строительными работами архитекторам Перховскому (в брошюре А.К. Кочетова, посвященной церемонии закладки храма, приведено правильное написание фамилии архитектора – Пирковский Арсений Павлович [6, 7]) и Бочарникову было выплачено 145 рублей, за утверждение плана в Тульской Строительной Комиссии – 30 рублей; резчику Горелову за иконостас – 564 рублей

30 копеек; живописцу Турчанинову за 53 иконы в иконостасе – 988 рублей 14 копеек. Московский купец дворянин Павел Григорьевич Цуриков пожертвовал колокол весом 81 пуд, а купцы села Сергиевского Матвей Петрович Головин – весом 10 пудов, и Иван Петрович Окунев – весом 3 и 1 пуд [5, с. 215]. В Государственном Эрмитаже в фонде «Русское искусство и культура» в коллекции «Русские акварели и рисунки» под инвентарным номером ЭРР-7206 хранится «Проект церкви в с. Малое Скуратово Чернского уезда Тульской губернии в честь Манифеста 19 февраля 1861 г.», на котором имеется надпись: «Составил архитектор Тульской Казенной палаты титулярный советник Пирковский. 1862 г.» Данный документ дает представление о первоначальном облике храма и его планировочном решении, что позволит в процессе реставрационных работ вернуть памятнику первоначальный вид, задуманный архитектором (см. рис. 1, 2, 3). Стоит отметить, что А.П. Пирковский так же является автором церкви Иконы Божьей Матери Иверская в селе Теплое Крапивенского уезда Тульской губернии (поселок Теплое Тепло-Огаревского района Тульской области), заложенном в 1865 г. и освященном в 1874 г. Данный храм выстроен по тому же проекту, что и храм в Малом Скуратово и является его копией за исключением некоторых деталей декора.

Сведения о точной дате закрытия описываемого храма не установлены. Во времена советской власти зданию был нанесен значительный урон: частично утрачены покрытие и завершение центральной главы, заложены окна барабанов и входные порталы колокольни, отделка интерьеров не сохранилась.

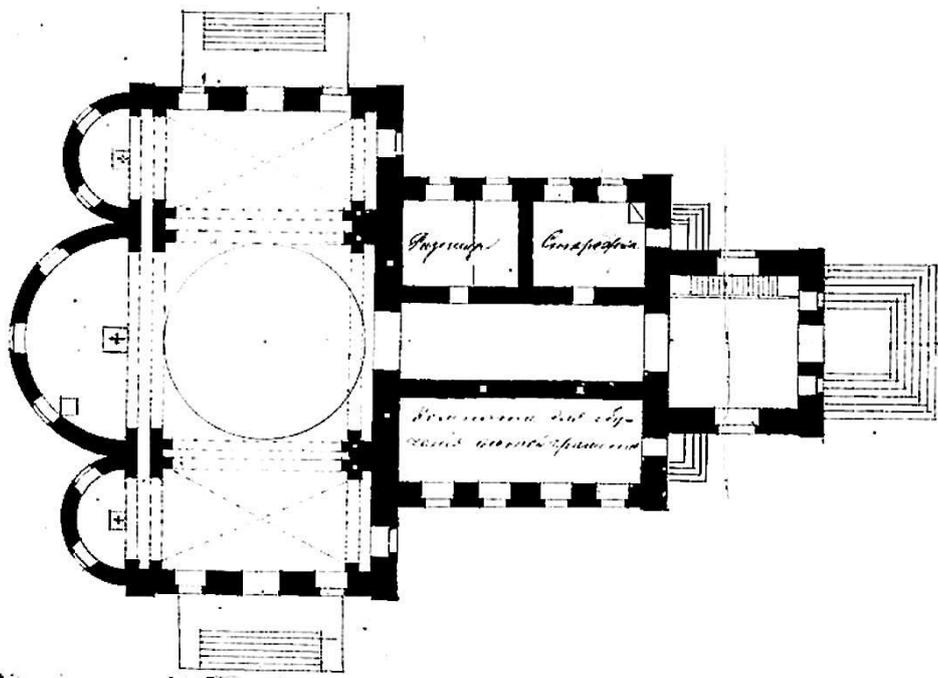

Рис. 1. Архивный чертеж плана церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово (Государственный Эрмитаж, фонд «Русское искусство и культура», коллекция «Русские акварели и рисунки», инвентарный номер ЭРР-7206)

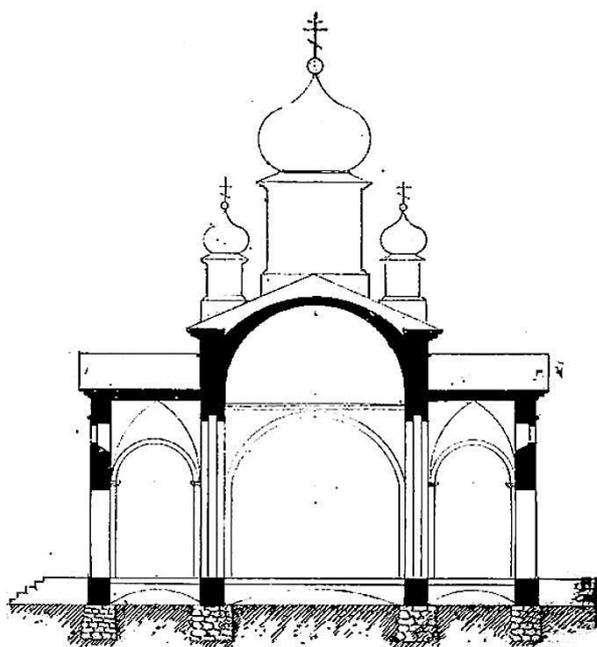

Рис. 2. Архивный чертеж разреза церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово (Государственный Эрмитаж, фонд «Русское искусство и культура», коллекция «Русские акварели и рисунки», инвентарный номер ЭРР-7206)

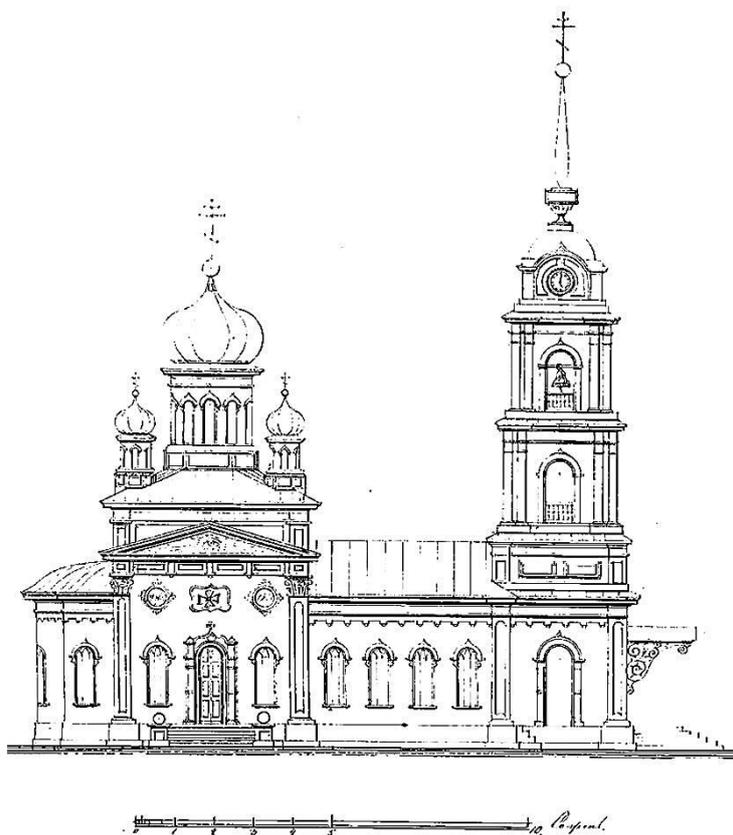

Рис. 3. Архивный чертеж фасада церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово (Государственный Эрмитаж, фонд «Русское искусство и культура», коллекция «Русские акварели и рисунки», инвентарный номер ЭРР-7206)

Архитектурные особенности храма Александра Невского

Изначально храм трехпрестольный: первый - во имя Св. Благоверного князя Александра Невского, освящен 29 декабря 1876 г. архиепископом Тульским и Белевским Никандром; второй - по правую сторону - во имя Св. Апостола Архипа, освящен 6 августа 1878 г. по

благословлению архиепископа Никандра местным священником Иоанном Русановым; третий - по левую сторону - во имя Святителя и Чудотворца Николая, освящен 8 сентября 1879 г. по благословлению архиепископа Никандра местным благочинным Павлом Знаменским. Позднее в трапезном отделении храма добавились еще два придела: по правую сторону - во имя Св. праведной Елисаветы, освящен 30 июня 1885 г., по левую сторону - во имя Св. мученика Виктора, освящен 5 июля 1889 г. Оба освящены местным благочинным Павлом Знаменским (см. рис. 4, 5).

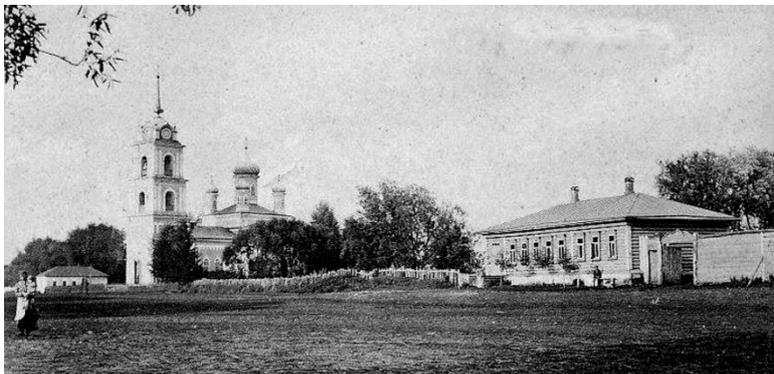

Рис. 4. Вид на церковь Александра Невского в селе Малое Скуратово

Рис. 5. Вид на церковь Александра Невского в селе Малое Скуратово

Храм эклектичен, так как сочетает в себе элементы сразу нескольких стилей. В качестве основного мотива было выбрано русско-византийское направление псевдорусского стиля - распространенном в тот период в гражданском и культовом строительстве. Выбор именно этого направления обусловлен не только всеобщим интересом к национальной архитектуре в середине XIX в., но и идеологической интерпретацией самого культового здания. А так как храм выстроен по случаю общероссийского события - отмены крепостного права, - и в честь русского святого Александра Невского, то и символически он должен нести идею подъема национальной русской самобытности, идентичности и независимости, которые отстаивал новгородский Великий князь в борьбе с европейскими феодалами. Подражание русской архитектуре прослеживается так же в применении декоративных шпиль в стенах - ширинках, которые устроены под фронтонами и на барабанах глав. Вместе с тем, южный и северный фасады основного объема храма декорированы пилястрами, завершенными капителями коринфского ордера, и фронтонами с изображением «Всевидающего Ока Господне». Мотив коринфского ордера повторяет карниз, протянувшийся по периметру стен всего здания, с ритмичным расположением дентикул, или сухариков. Так же в изначальном проекте можно заметить интересную деталь - оконные рамы имеют очертание в виде стрельчатой арки, напоминая окна готических храмов. Полуциркульные арочные окна имеют наличники

с декоративным килевидным завершением. Общая объемно-пространственная композиция храма характеризуется продольной организацией вдоль оси восток-запад и имеет трехчастное членение: основной объем, трапезная, колокольня. Объем основного пространства в плане представляет собой прямоугольник, вытянутый по оси север-юг и имеющий трехчастное членение. Центральная часть в плане представляет собой квадрат с длиной стороны, равной ширине прямоугольника, боковые объемы – прямоугольные, ширина которых вдвое меньше длины. Таким образом, центральная часть в виде куба возвышается над остальным объемом. Объемы соединены в единое пространство посредством арочных проемов. Храм трехапсидный; апсиды полуциркульные в плане; центральная апсида шире боковых и имеет три окна в отличие от боковых, в которых по два окна. Основной объем храма перекрыт впадушенными сводами с декоративным пятиглавием над центральной частью. Центральный барабан, венчающий кубический объем основного пространства храма, имеет 8 окон, 4 маленьких барабана имеют по 4 окна. Главы на барабанах луковичные.

С западной стороны к основному объему храма примыкает трапезная, перекрытая бочарным сводом, из которой осуществляется проход в ризницу и помещение сторожа. Примыкающая к трапезной комната для обучения детей не имела непосредственного сообщения с трапезной, а вход в нее осуществлялся с улицы. Впоследствии она была переоборудована под один из приделов храма, после того, как неподалеку было выстроено отдельное здание для училища. После устройства в комнате для обучения детей придела вход с улицы был заложен и организованы два арочных проема, соединяющих пространство придела и трапезной. Данные работы были произведены по инициативе князя В.В. Кугушева и вызвали недовольство прихожан храма, так как, по их мнению, они были выполнены им самовольно без общего согласования и нанесли повреждения всей конструкции здания. Однако, после обследования храма архитектором Бочарниковым было установлено, что данные изменения не представляют опасности для здания [7]. Пятиярусная четвериковая колокольня, с высоким шпилем и часовым механизмом в ярусе звона.

Выводы

В настоящий момент храм открыт для богослужений. Ведется частичная реставрация. С целью воссоздания первоначального облика храма автором статьи были изучены архивные материалы, включающие в себя архивные фотографии, чертежи, письменные дела, содержащие сведения о габаритах здания и его планировочном решении. На основе анализа перечисленных документов был выполнен эскизный проект реставрации, дающий общее представление о внешнем виде храма, каким он был до его закрытия после революции 1917 г (см. рис. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12). Результаты исследования могут быть полезны не только для реставрации храма Александра Невского в Малом Скуратове, но так же и церкви Иконы Божьей Матери Иверская в поселке Теплое Тепло-Огаревского района, так как оба храма были выстроены по одному проекту.

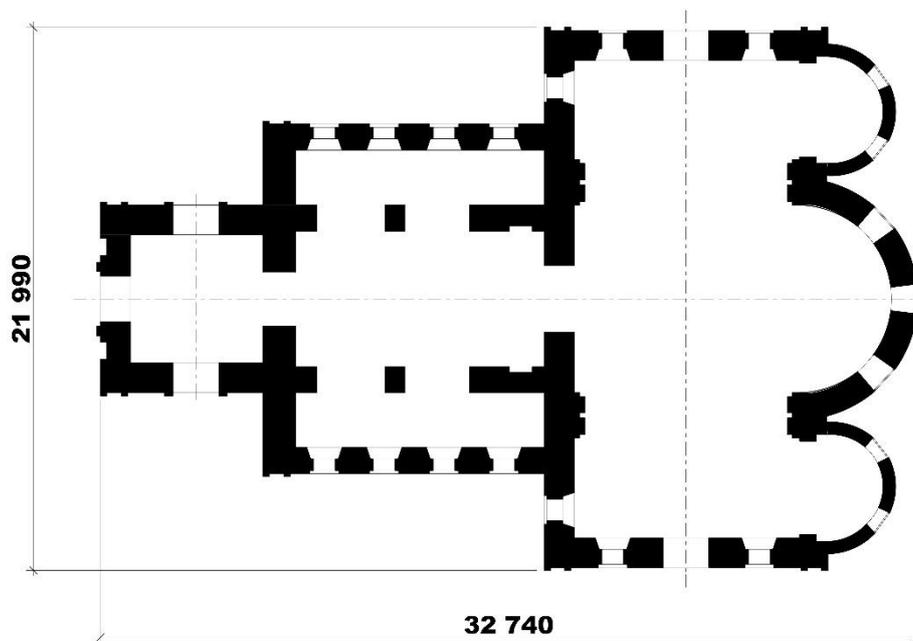

Рис. 6. Эскизный проект реставрации. План церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

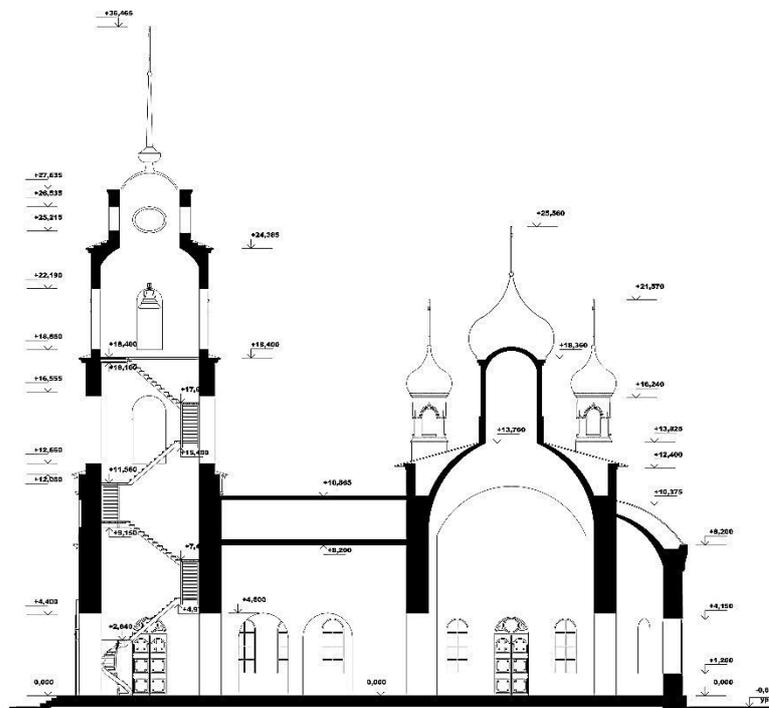

Рис. 7. Эскизный проект реставрации. Продольный разрез церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

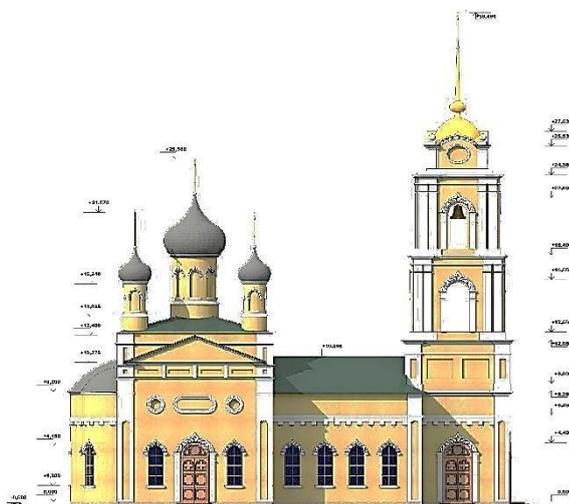

Рис. 8. Эскизный проект реставрации. Северный фасад церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

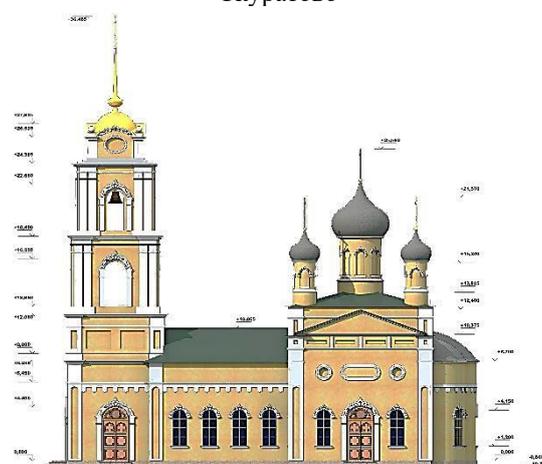

Рис. 9. Эскизный проект реставрации. Южный фасад церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

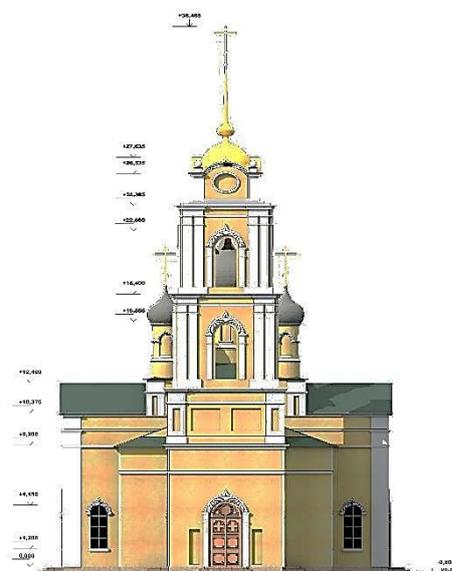

Рис. 10. Эскизный проект реставрации. Западный фасад церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

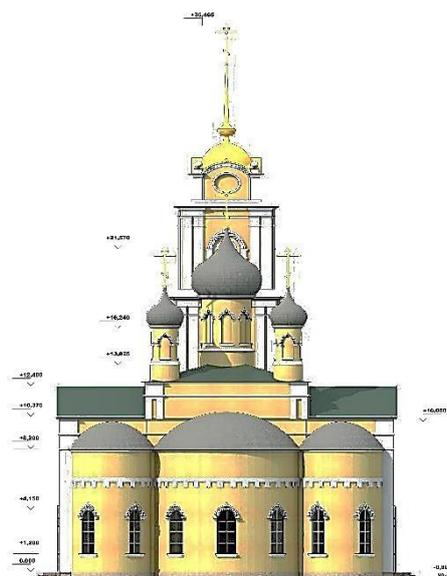

Рис. 11. Эскизный проект реставрации. Восточный фасад церкви Александра Невского в селе Малое Скуратово

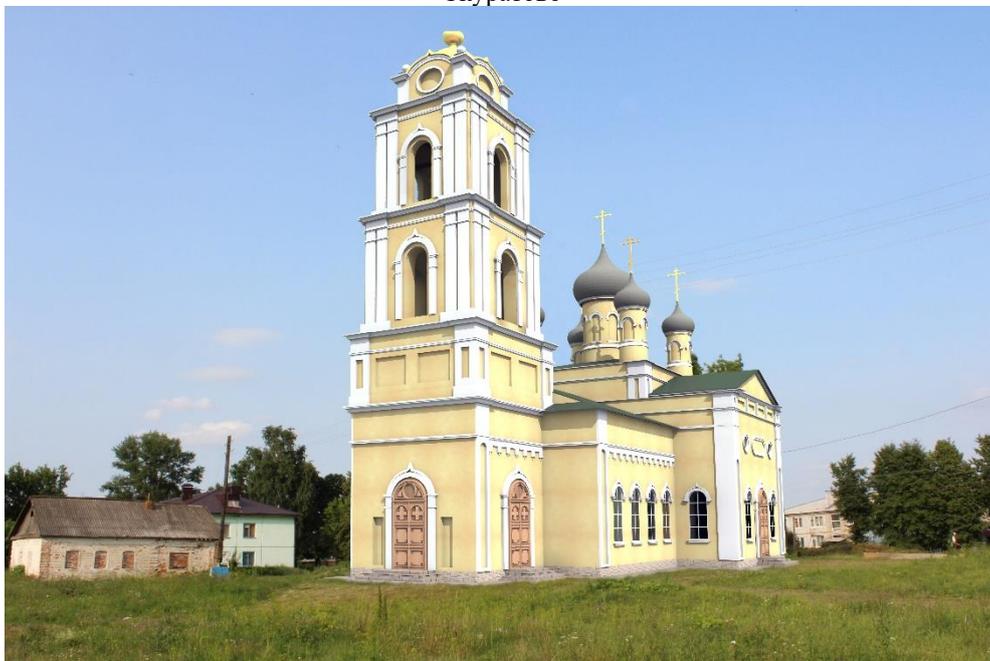

Рис. 12. Эскизный проект реставрации. Фотомонтаж

Примечания:

Кугушев Виктор Васильевич (13.09.1891 - 05.04.1917)- князь, поручик, надворный советник, служил чиновником особых поручений при Московском генерал-губернаторе, чиновником особых поручений Московской Казенной Палаты. Был женат на Елизавете Ивановне Дунаевской (1818 - 3.03.1879), за которой получил имение в селах Спасское (Ершово) и Малое Скуратово. С 1889 года проживал в селе Малое Скуратово, похоронен на кладбище у церкви Александра Невского.

Библиографический список

1. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. - Тула: Тип. Соколова и Фортунатова, 1895.
2. ГАТО. Ф. 3, Оп. 7, д. 1142. Дело по отношению канцелярии обер-прокурора Синода архиепископу Тульскому и Белевскому Никандру о выяснении возможности удовлетворения

прошению князя Кугушева о перезахоронении его сына в фамильный склеп при церкви села Малое Скуратово Чернского уезда.

3. ГАТО. Ф. 90 Оп. 1, Т. 41, д. 34173. Дело о переносе погребенных близ церкви с. Малое Скуратово Чернского у жены надворного советника князя Виктора Васильевича Кугушева Елизаветы Ивановны и сыновей Виктора и Ивана в склеп, построенный при той же церкви.

4. ГАТО. Ф. 3, Оп. 18, д. 3535. Дело о получении разрешения князем Виктором Васильевичем Кугушевым на строительство часовни на могиле жены и детей в селе малое Скуратово Чернского уезда.

5. ГАТО. Ф. 3, Оп. 19, д. 406. Дело о строительстве Александровской церкви в селе Малое Скуратово Чернского уезда и награждение пензенского мещанина Алексея Кочетова золотой медалью.

6. Кочетов А. К. Торжество закладки трехпрестольного храма в сельце Малом Скуратове 16 июля 1863 г. — Тула: тип. Н.И. Соколова, 1865.

7. ГАТО. Ф. 3, Оп. 7, д. 1608. Дело о недовольстве прихожан Александровской церкви села Малое Скуратово Чернского уезда перестройкой церкви старостой Виктором Кугушевым.

Bibliographic list

1. Malitsky P.I. Parishes and churches of the Tula diocese: extract from church parish annals. - Tula: Type. Sokolova and Fortunatova, 1895.

2. ГАТО. Ф. 3, Оп. 7, д. 1142. The case in relation to the Office of the Prosecutor General of the Synod, Archbishop of Tula and Belevsky, Nikander, on the possibility of satisfying the request of Prince Kugushev for the reburial of his son in the family crypt at the church of the village of Maloye Skuratovo, Chernsky district.

3. ГАТО. Ф. 90 Оп. 1, Т. 41, д. 34173. The case of the transfer of buried near the church with. Small Skuratovo of Chernsky u the wife of the court adviser to Prince Viktor Vasilyevich Kugushev Elizabeth Ivanovna and the sons of Victor and Ivan in a crypt built at the same church.

4. ГАТО. Ф. 3, Оп. 18, д. 3535. The case of obtaining permission by Prince Viktor Vasilyevich Kugushev to build a chapel on the grave of his wife and children in the small village of Skuratovo, Chernsky district.

5. ГАТО. Ф. 3, Оп. 19, д. 406. The case of the construction of the Alexander Church in the village of Maloye Skuratovo of the Black County and the award of the Penza tradesman Alexei Kochetov with a gold medal.

6. Kochetov A. K. The triumph of laying the three-altar church in the village of Small Skuratov July 16, 1863 - Tula: type. N.I. Sokolova, 1865.

7. ГАТО. Ф. 3, Оп. 7, д. 1608. The case of dissatisfaction of parishioners of the Alexander Church in the village of Maloye Skuratovo, Chernsky district, with the restructuring of the church by the headman Viktor Kugushev.

CHURCH IN THE NAME OF THE HOLY BLESSING AND GREAT PRINCE ALEXANDER NEVSKY IN THE VILLAGE SMALL SKURATOV CHERNY UEZDU TULA PROVINCE

G.V. Altunin

*Altunin G.V., St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Department of History and Theory of Architecture
Undergraduate major in history and theory of architecture, e-mail: grin4eg89@mail.ru*

Statement of the problem. This article discusses the history of the village of Small Skuratovo and the construction of a church in it in the name of Alexander Nevsky. The characteristics of the architectural features of the temple are given and a restoration option developed by the author of the article is provided.

Results and conclusions. The history of the construction of the temple and the processes of restructuring and changes taking place in it are considered. A brief analysis of the architectural

appearance and stylistics characteristic of the period of construction of the temple is given. On the basis of archival materials and field measurements, a preliminary design of the restoration was completed, which was presented in the article as a proposal for restoration. A brief description of the current state and the possibility of restoration are given.

Keywords: Small Skuratovo, Alexander Nevsky Church, Belfry, refectory, eclecticism, pseudo-Byzantine style, architect A.P. Pirkovsky.

КОСМИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ФЕНОМЕН АРХИТЕКТУРНОЙ МЫСЛИ

Т.И. Задворянская, Р.Н. Пупавцев, С.А. Юдин

Задворянская Т.И., ВГТУ, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, канд. арх., доц., тел. +79191868626; e-mail: zadvoryanskaya@gmail.com;

Пупавцев Р.Н., ВГТУ, доц., кафедра теории и практики архитектурного проектирования, e-mail: pupavtsev@mail.ru; тел. +79066727572;

Юдин С.А., студент гр. БАРХ-151, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел.: +7 9092146958; e-mail: sergeiyudin010697@mail.ru

Постановка задачи.

Цель статьи - рассмотреть феномен космической архитектуры как ресурс для синтеза инновационных решений задач формирования среды обитания человека не только в условиях освоения космоса, но и на Земле.

Результаты и выводы

Актуальность исследований в области космической архитектуры обусловлена ее значительным потенциалом в реализации целей формирования среды обитания человека. Космическая архитектура концентрирует весь багаж знаний, накопленный человечеством, все идеи, касающиеся создания пространства для жизни человека и работает на пике технологических возможностей, постоянно генерируя новые инновационные решения. Именно поэтому космическая архитектура выступает в роли флагмана архитектурной мысли и позволяет найти ответы на острые вопросы профессии.

Ключевые слова: космическая архитектура; среда обитания; инновации в архитектуре; принципы создания психологически комфортной среды обитания; марсианское жильё; технологии освоения космоса.

Введение

Не так давно люди рассматривали звездное небо в надежде совершать межзвездные экспедиции с целью воочию увидеть и изучить другие планеты. Это представлялось невозможным по техническим причинам и породило волну фантазий на тему жизни человека за пределами Земли. Многие творцы поражали мир своими идеями, среди них были и архитекторы, живущие с надеждой, что настанет момент, когда их мысли станут не просто очередным эскизом, а воплотятся далеко от нашей планеты. Со времен первых набросков прошло достаточно времени, и идея о жизни за просторами Земли стала переходить из раздела фантастических рассказов в реальный мир. Мы живем в тот период, когда космическая архитектура - это больше не одна из футуристических идей зодчих, а новое направление в развитии архитектурной мысли.

Исследования в области космической архитектуры актуальны не только для целей освоения космоса, но и представляют большую ценность для решения «земных» задач. Космическая архитектура в концентрированном виде аккумулирует представления, касающиеся создания «пространства для жизни» человека. Понятия «дом», «город» в контексте космической архитектуры обретают особый глубокий смысл. Поднимаются вопросы психоэмоционального содержания этих категорий, привычные термины «качество среды», «комфорт» выходят за рамки функции и формы, а точнее сказать, значительно расширяют их. Процессуальность среды, технология пространства рассматриваются на пике возможностей. Связь с выживанием в экстремальных физических и психологических условиях процессов жизнедеятельности человека и характеристик пространства позволяет найти ответы на острые вопросы современной урбанистики и архитектуры.

Благодаря направленности космической архитектуры на пересмотр правил и догм современного проектирования, появляется возможность выйти на новые принципы создания комфортной психологической среды для человека и общества.

Вместе с этим нам открывается широкое поле возможностей для развития функционально-технических аспектов, трансформации существующих идей, поиска инноваций для решения острых проблем формирования среды обитания человека.

Категории задач космической архитектуры

Задачи космической архитектуры можно разделить на 3 основных категории: функционально-процессуальную; психоэмоциональную; инновационно-технологическую. Такое деление обусловлено необходимостью систематизации данных и является условным, поскольку один раздел знаний плавно перетекает в другой, из-за чего становится видна явная их корреляция. Так, инновационно-технологические задачи способны влиять на функционально-процессуальную организацию пространства, которая затрагивает аспекты психоэмоционального состояния человека, находящегося в нем. Необходимо включить в психоэмоциональную категорию и проблематику смысла обитания на других планетах, понимаемую как повседневное ощущение осмысленности бытия "здесь и теперь" - это одна из сложнейших проблем освоения иных миров, это проблема масштабов, превосходящих все, привычные представления, воспитанные земной архитектурой [1].

Каждая из данных категорий стремится решить поставленные перед ней проблемы, помогая другой. Создается процесс поиска идеального варианта «среды обитания» для человека за пределами Земли. Такой обширный спектр задач требует привлечения специалистов разных специальностей, что порождает новые потоки инновационных идей, благодаря глубокому пониманию их взаимосвязей.

На данный момент наиболее прогнозируемым местом для создания среды обитания для человека является Марс, по причине небольшого удаления от Земли и большого количества схожих характеристик. Рассмотрим все три категории на примере компании «SEArch+», специализирующейся на развитии космической архитектуры. Она примечательна тем, что ее команда включает не только архитекторов и дизайнеров, но и представителей космической инженерии.

Функционально-процессуальная категория задач

Данная категория рассматривает основные подходы в образовании объемной структуры объекта, анализируя связи функциональных зон, исходя из происходящих в них процессов. От того, как будет организована среда обитания зависит не только удобство экипажа, но и их выживание. У жилых модулей должна быть четко спроектированная система, которая обеспечит комфортную жизнь и обезопасит на случай возникновения чрезвычайных ситуаций. Структура должна обеспечивать полный спектр жизнедеятельности человека. Важно не забывать, что в ходе решения функционально-процессуальных задач не должно возникать пренебрежение психоэмоциональным состоянием экипажа.

В качестве примера для функционально-процессуальной категории рассмотрим проект «Mars X-House V1» [2] (рис. 1), созданный компанией «SEArch+». Жизненно связывая жителей планеты с видом на марсианский ландшафт, среда обитания синтезирует ключевые конструктивные факторы, фундаментальные для будущего марсианского жилья: эффективность программ и строительства, свет и радиационную защиту. В итоге мы получаем высоко функциональную и защищенную систему для ее обитателей. Проект состоит из трех двухуровневых жилых объемов, соединенных между собой герметичными переходами. Каждый уровень выполняет строго отведенную ему функцию, за счет чего возникает четкое разграничение процессов. Два объема защищаются слоем реголита, напечатанного вокруг них при помощи технология 3D принтера, а последний является частью космического корабля, выполнившего доставку экипажа на поверхность планеты.

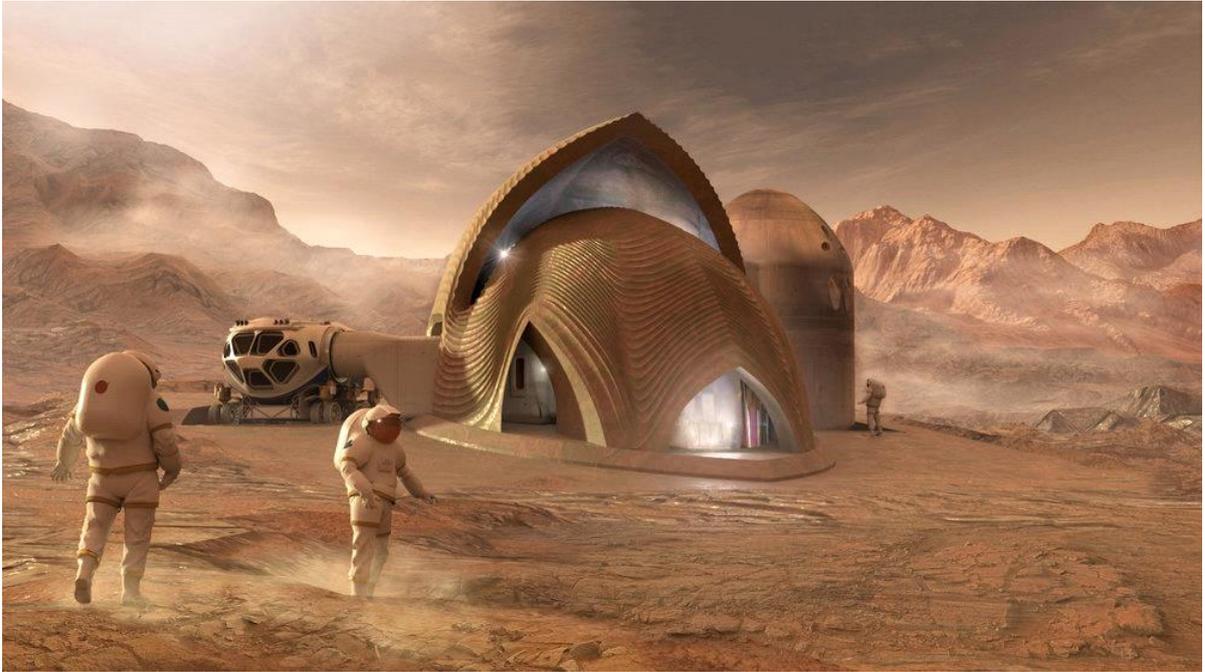

Рис. 1. Проект «Mars X-House V1». Концептуальный проект компании «SEArch+»

Психоэмоциональная категория задач

В область данной категории попадают задачи, связанные с психологическим воздействием окружающей среды на деятельность человека и его эмоциональным состоянием с течением времени нахождения на чужой планете. Важно понимать, что на этот параметр влияет огромный спектр всевозможных трудностей. Экипаж оказывается вдали от дома, там, где пейзаж напоминает Земные пустыни, а средняя температура составляет порядка -60 градусов Цельсия. В таких суровых условиях существует большой риск в возникновении психологических расстройств. Описанные негативные обстоятельства подкрепляются еще и тем, что из-за избытка солнечной радиации появляется необходимость в защите от нее при помощи толстого слоя марсианского реголита, что не дает возможности в достаточном естественном освещении, при традиционном подходе к проектированию жилья на Марсе.

Проект «Mars Ice House» [3] (рис. 2), созданный компанией «SEArch+», помогает решить проблемы, связанные с психоэмоциональным здоровьем команды. Архитектура «Mars Ice House» стремится выразить идею человеческой среды обитания, как маяка света на поверхности Марса. Дизайн возник из стремления принести свет в интерьер и создать визуальные связи с ландшафтом за его пределами, позволяя уму и телу процветать. Вместо поиска синтетического заменителя солнечного света, архитекторы и инженеры «SEArch+» нашли способ, который позволяет использовать естественный солнечный свет. Искусственные заменители не имеют почти такой же способности сбалансировать умственное и физическое здоровье экипажа, как это делает солнце. Решением проблемы стало применение водяного льда [4], который представлен на планете в больших количествах. Он нейтрализует традиционную опасность жизни на поверхности планеты, выступая в качестве радиационного барьера, компенсируя страхи перед солнечным воздействием, которые до сих пор проецировали марсианскую архитектуру в темный подземный мир - погребенный под поверхностью реголита. На этом примере мы видим, насколько тесно связаны категории, поскольку решение вышеизложенной проблемы стало бы невозможным, без технологических инноваций.

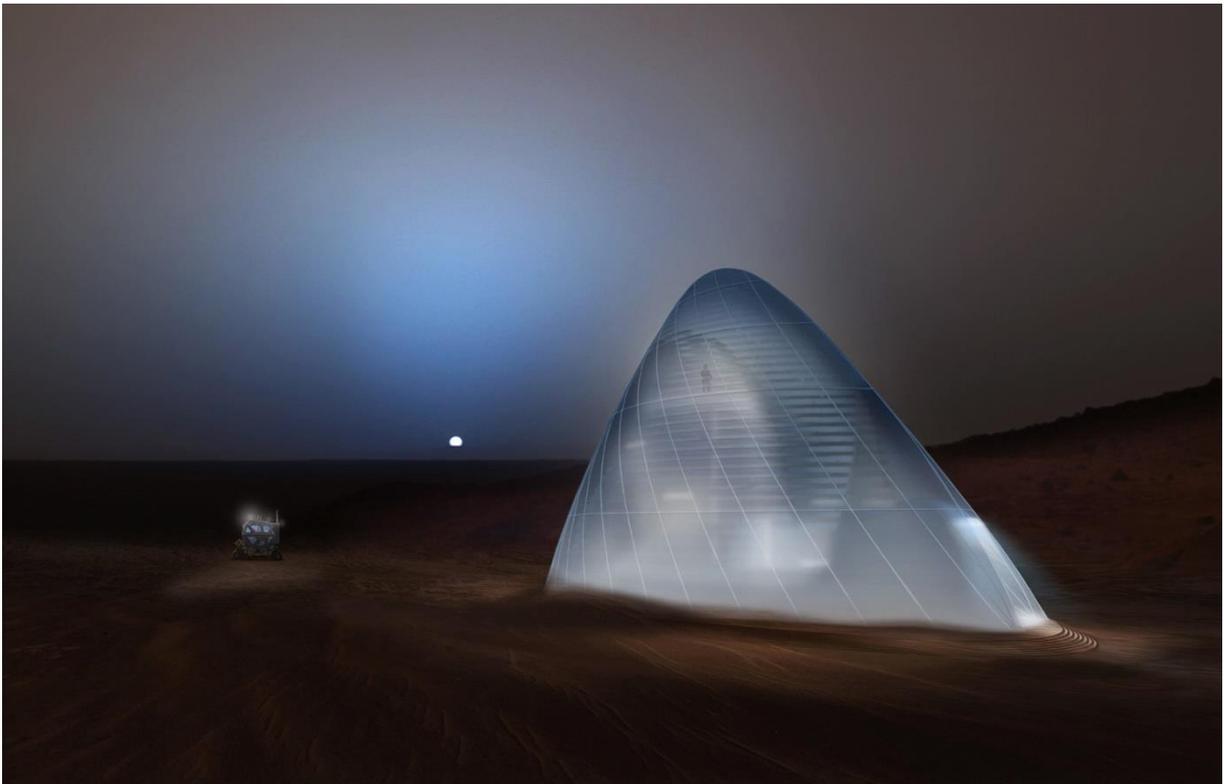

Рис. 2. Проект «Mars Ice House». Концептуальный проект компании «SEArch+»

Инновационно-технологическая категория задач

При рассмотрении предыдущих двух категорий становится понятно, что без технологической мысли их воплощение не стало бы возможным. Стоит отметить, что работа над задачами данной области является не столько причиной возникновения таких высокотехнологичных проектов, сколько следствием разработки идей. Мы привыкли рассуждать, основываясь на достижениях науки и техники, но такой подход не дает стимула для инноваций. Возникновение новых технологий всегда сопровождается идеями, которые подталкивают инженерную мысль.

«Mars X-House V2» [5] (рис. 3) – проект компанией «SEArch+», который концентрирует все инновационные технологии с целью создания идеальной среды обитания. Жилище в форме гиперблоида обеспечивает радиационную защиту и наличие всех необходимых системы жизнеобеспечения. Проект отличителен тем, что предполагает полностью автономный процесс строительства, в котором компоненты, доставленные с Земли, объединяются с элементами здания, созданными с помощью технологий 3D-печати на месте строительства. Итогом становится сооружение, способное обеспечить надежную защиту для человека в условиях высокой разницы давлений, радиации, токсичной пыли и ураганных ветров, возникающих на поверхности Марса. Несмотря на то, что проект направлен на поиск решений для создания обитаемых баз на другой планете, он также может оказаться полезным при разработке подходов к строительству в труднодоступных районах на Земле. Те инновационные решения, которые уже созданы и будут совершенствоваться в процессе заселения Марса, в конечном итоге принесут немало пользы для преобразования эффективных инструментов развития среды жизнедеятельности на нашей родной планете.

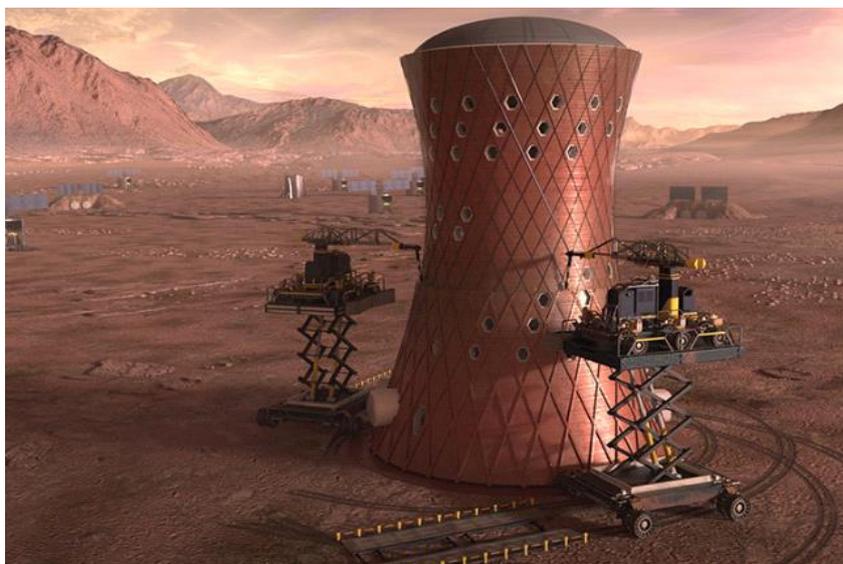

Рис. 3. Проект «Mars X-House V2». Концептуальный проект компании «SEArch+»

С Марса на Землю. Заключение

Работа в области космической архитектуры призвана не только воплощать фантастические мысли о покорении человеком других планет. Пристальное рассмотрение проблем формирования среды обитания приводит к появлению инновационных решений для жизни на Земле. Компания «AI SpaceFactory», как и «SEArch+», занимается разработкой концепции и технологии строительства космической архитектуры.

Рис. 4. Проект «TERA». Концептуальный проект компании «AI SpaceFactory»

В процессе создания своего прототипа марсианской среды обитания «MARSHA» [6] они пришли к выводу, что строительство с использованием 3D-печати при помощи реголита, т.е.

почвы, является ключом в образовании новой ветви в строительстве экологически чистых домов с пользой для окружения. Так появился проект «TERA» [7] (рис. 4), - первый дом на земле, построенный по марсианским технологиям.

Космическая архитектура призвана кристаллизовать все знания, накопленные человечеством и служить новым источником инноваций. Основным катализатором развития на протяжении жизни человечества нередко являлись экстремальные, критические ситуации, ставившие его на грань выживания. Именно поэтому, войны, катаклизмы и глобальные проблемы являлись одной из самых мощных сил, способствующих инновациям и прогрессу. Они стимулировали наше сознание за счет идеи: «одержать победу значит выжить». Поэтому потенциал космической архитектуры, направленной на создание условий для жизни там, где жизни нет, уникален, космическая архитектура способна стать двигателем развития архитектурной мысли и задать новое направление процессам формирования среды обитания человека не только в условиях космоса, но и на родной планете.

Библиографический список

1. Капустин П. В. Масштаб и проектирование: от мерности к смыслу // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - 2016. - № 3 (7). - С. 33 - 41. Режим доступа: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/АИ%20№3-7.pdf>
2. Mars X-House V1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.spacexarch.com/marsxhousev1>
3. Mars Ice House [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.marsicehouse.com/>
4. Stephen G. Warren, Richard E. Brandt, and Thomas C. Grenfell. Visible and near-ultraviolet absorption spectrum of ice from transmission of solar radiation into snow // APPLIED OPTICS Vol. 45, No. 21
5. Mars X-House V2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.spacexarch.com/marsxhousev2>
6. MARSHA [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.aispacefactory.com/marsha>
7. TERA [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.aispacefactory.com/tera>

Bibliography list

1. Kapustin P. V. Scale and Designing: from Dimensionality to the Meaning // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - 2016. - № 3 (7). - pp 33 - 41. Access Mode: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/АИ%20№3-7.pdf>
2. Mars X-House V1 [Electronic resource]. - Access Mode: <http://www.spacexarch.com/marsxhousev1>
3. Mars Ice House [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.marsicehouse.com/>
4. Stephen G. Warren, Richard E. Brandt, and Thomas C. Grenfell. Visible and near-ultraviolet absorption spectrum of ice from transmission of solar radiation into snow // APPLIED OPTICS Vol. 45, No. 21
5. Mars X-House V2 [Electronic resource]. - Access Mode: <http://www.spacexarch.com/marsxhousev2>
6. MARSHA [Electronic resource]. - Access Mode: <https://www.aispacefactory.com/marsha>
7. TERA [Electronic resource]. - Access Mode: <https://www.aispacefactory.com/tera>

SPACE ARCHITECTURE AS A PHENOMENON OF ARCHITECTURAL THOUGHT

T. I. Zadvoryanskaya, R. N. Pupavtsev, S. A. Yudin

Zadvoryanskaya T.I., Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Assoc. Prof., tel.: +79191868626; e-mail: zadvoryanskaya@gmail.com;

Pupavtsev R.N., Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture Assoc., tel.: +79066727572, e-mail: pupavtsev@mail.ru;

Yudin S.A., group bARH-151 student, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh, tel.: +7 9092146958; e-mail: sergeiyudin010697@mail.ru.

Problem statement.

The purpose of the article is to consider the phenomenon of space architecture as a resource for the synthesis of innovative solutions to the problems of forming the human environment not only in space exploration, but also on Earth.

Results and conclusions.

The relevance of research in the field of space architecture is due to its significant potential in achieving the goals of creating a human environment, not only in space exploration, but also on Earth. Space architecture concentrates all the knowledge accumulated by mankind, all the ideas related to creating space for human life and works at the peak of technological capabilities, constantly generating new innovative solutions. That is why space architecture acts as the flagship of architectural thought and allows you to find answers to the most pressing questions of the profession.

Keywords: space architecture; habitat; innovations in architecture; principles of creating a psychologically comfortable environment; Martian housing; space exploration technologies.

О ТЕРМИНЕ "ПРЕДПРОЕКТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ"

П.В. Капустин

Капустин П.В., ВГТУ, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, канд. арх., проф., зав. кафедрой, Россия, Воронеж, тел.: 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Постановка задачи. Термин "предпроектные исследования" стал привычным, его широко используют в организации проектной деятельности, в практико-методических разработках, в образовании. Кажется, он вполне логичен, занимает точно обозначенное место в проектном действии. Но сегодня к таким, казалось бы "очевидным", резонанс накопилось немало претензий, заставляющих посмотреть на термин и на саму технологию "предпроектных исследований" несколько более критично, чем то предполагает традиционная точка зрения.

Результаты и выводы. Обсуждается место, роль и правомерность использования термина "предпроектные исследования" в архитектурном и родственных ему видах проектирования. Показано, что представление о "предваряющем" проектный акт научное знанием несостоятельно типологически и темпорально. Утверждается: исследования, реально обеспечивающие проектирование, могут быть лишь встроены в само проектирование, быть его неотъемлемой и не фиксированной по месту в графике работ частью.

Ключевые слова: проектное мышление, знание в проектировании, научное обеспечение проектирования, предпроектные исследования, проектные исследования, место исследования в проектном акте.

Введение

В последние годы концепт "предпроектных исследований" начинает привлекать внимание: из предмета, значимость которого принимается по умолчанию, он становится предметом обсуждений, и всё более критических. Основной рефрен критики – темпоральная или ритмическая неудовлетворительность концепта. В самом деле, он предполагает, по меньшей мере, два неприемлемых сегодня допущения: поступательность развёртывания проектного процесса и локализацию исследований в этом поступательном развёртывании на его начальном этапе, и даже *до* него. Уже в этих двух допущениях очевиден "генетический код" концепта: он возник в недрах огосударствлённых систем типового проектирования, там стал нормой, а потом норма стала привычкой, закрепились в традиционной, обычной структуре проектного действия. С ослаблением государственных проектных институтов (не только в России) проведение научных предпроектных исследований стало нечастой практикой, и когда на них хватает ресурсов, это рассматривается как достижение и до проблематизации самой схемы и её методологических изъянов дело не доходит. Поэтому говорить сегодня о недостатках или даже порочности "предпроектных исследований", как может показаться, не вполне уместно. Однако это не так: завышенные упования на них сохраняются, за авторитетом "научных исследований" часто прячут низкое качество проектирования, ошибки в его организации, а то и прямое манипулирование доверием заинтересованных участников процесса.

Поступательное движение проектной мысли

Критика представления о проектировании как поступательном процессе, как и критика линейных развёрток проектного акта, началась почти четверть века назад (см., в т.ч. [1 - 3]). Детальные исследования проектного действия убедительно показали, что никакая живая мысль, в т.ч. и проектная, не движется подобно локомотиву - от станции к полустанку, от инстанции к инстанции.

Она, напротив, развёртывается *симультанно*, что при внешнем анализе можно фиксировать как череду возвращений и регрессий, опережений и прогрессий. Сведение проектного процесса к линии и свойственному линии поступательному перемещению делает исследователя совершенно беспомощным в описании феноменов проектной мысли, ведь последние проявляют себя в темпоральных парадоксах - в сбивке и сшивке времён и пространств.

Но стремление к локализации исследований, тем более, когда оно подкреплено методическими предписаниями по их проведению и служебным расписанием, пагубно вдвойне. Исследованию отводится определённое процессуальное место, что означает:

1. явное требование полноты исследования, осуществлённого в этом именно месте проектного процесса;
2. неявный запрет на проведение исследований вне этого места.

Оба эти допущения чрезмерны и нереалистичны. Нет никакой технической возможности (как нет и необходимости) описать ситуацию проектирования с исчерпывающей полнотой до начала осуществления самого акта проектирования. Нет никакого технического смысла в отказе всем последующим этапам проектного процесса в исследовательской или аналитической компоненте, включая этап завершения проекта или даже его рефлексии постфактум. Природа подобных требований заключается в их научном и научно-инженерном происхождении и в долгой и ошибочной ориентации проектирования на стандарты научного исследования (разумеется, в их формализованном и выхолощенном варианте). В инженерном мышлении, которое более счастливо интегрировалось с наукой, нежели проектирование, нет противоречия или сбоя в ритме дыхания "локомотива": сначала узнал, потом сделал. Всё дело в том, что инженерное мышление делает только то, что знает. И ему даже удобнее, если знает кто-то на стороне, прежде всего - заказчик (так, инженерия способна разрабатывать новые материалы с заданными свойствами). Проектирование же всегда потенциально создаёт немислимое, даже занимаясь какой-нибудь "мелочью" - в этом его грех, его риск и его стезя. Делая несуществующее, созидая небывалое, проектирование может опереться на исследования (а они до сих пор и почти всегда - по умолчанию - предполагаются *научными*, то есть объективными, предметными и отчуждёнными) только как на повод, как на временную подножку, причём способ опирания больше похож на исчерпание и преодоление, чем на позитивное утверждение и реализацию. Можно было бы, казалось, в этом смысле, согласиться с мнением о том, что исследования должны предшествовать проектному акту: начальная подножка в безупречном *par excellence* движении, в мюнхгаузеновском вытаскивании себя за волосы - небесполезная подмога, своевременная "подставка под ногу". Здесь верно то, что проектное мышление всё способно использовать для своего движения, однако статус "предпроектных исследований" другой - они претендуют быть сервисом, источником поставки объективных и обязательных знаний. Сервисы в проектировании вообще подобны зверюшкам "королевского крокета" Льюиса Кэрролла: в самый неподходящий момент обнаруживают свою истинную суть.

Истинная роль "внешних" знаний, особенно имеющих статус научных и объективных, в т.ч. результатов "предпроектных исследований", состоит в том, что они стремятся навязать свою предметную логику свободному и беспредметному проектному мышлению; отчуждают "объекты" из мира интенциональностей; преждевременно объективируют содержания, принципиально сохраняемые проектным воображением в необъективированном и распредмеченном состоянии [4]. И начальность "предпроектных" знаний тем более пагубна, а то и фатальна, что, если принять их за несомненную истину, они вымещают из проектного воображения всё непосредственное, живое и подлинное именно на начальном этапе его развёртывания, тем самым, задавая ложный тон всему последующему процессу. К счастью, в проектном творчестве почти никогда и никакие "предварительные" знания не принимаются за истину в последней инстанции, буквально всё подвергается переосмыслению (и чем больше объём переосмысляемого, тем полноценнее проектный акт (см. [3])).

Обеспечение знанием

Требование обеспечения проектирования знанием неявно, но недвусмысленно предполагает, что само проектирование знанием не обладает и формой получения знаний не является. Является ли оно тогда умением или искусством, шаманством или чистым волением - не ясно. Проектирование донныне для многих остаётся чем-то загадочным, не проясненным, похожим на всё сразу и не тождественным ничему; могущим быть и опасным, но, в общем, это что-то полезное, серьёзное (рис.), но вторичное и служебное по отношению к управленческому принятию решений. С другой же стороны предполагается, - и это предполагается уже явно, - что проектирование в знании нуждается, что знание в нём способно найти место и даже отклик, быть функционально востребованным, не вызывать отторжения. То есть: хотя проектирование и не является формой знания, оно соприродно знанию, а именно знанию научному (видимо, в таком предположении сказывается долгий и многотрудный опыт выстраивания проектирования по образцу естественнонаучных дисциплин). Все эти предположения, явные и неявные, как продемонстрировали последние 50-60 лет, не выдерживают критики, а тяжёлый и натужный опыт трактовки проектирования как научного или инженерного занятия закончился провалом (см. [5]).

Притча о слепых мудрецах, взявшихся изучать слона и вынесших каждый своё суждение о нём в зависимости от той части слона, с которой он имел дело, хорошо иллюстрирует восходящую к Платону методологическую схему различия объекта и предмета познания (одной реальности и множества действительностей). Новоевропейское научное знание формировалось по этой схеме - посредством объектных идеализаций, известных как предметы наук. Научное предметное знание может оказаться полезным, но не является объемлющим и не синтетичным для проектирования, всегда имеющего дело с целостной реальностью.

Обращает на себя внимание сама стратегия *обеспечения*. Славянские языки прекрасно разоблачают этимологию слова "обеспечение": сделать беспечным, опустошить, разоружить, обезопасить и обезопаситься от чего-то, подчинить себе, посадить на свою заботу и опеку... Обеспечение предполагает принятие на довольствие, подключение к инфраструктурам, опутывание проводами и шлангами, искусственное вскармливание и впрыскивание, в конечном счёте - инфантилизацию того, что некогда было автономным, и в этой автономии сильным, представляющим определённую (или неопределённую, "туманную") опасность. Европейские языки не отстают: если немецкое "die versorgung" снабжает термин деловитыми тонами поставка, то французское "la garantie" демонстрирует суть забот по обеспечению во всей их циничной наготе, то есть в стремлении отделаться от чего-то, откупиться, гарантировать свою к нему непричастность, а английское "maintenance", согласно Оксфордскому словарю, поддерживает тезис о неполноценности обеспечиваемого.

Тезис о знаниевом обеспечении проектной деятельности содержит в себе такую массу допущений и неявных отождествлений, что полный и исчерпывающий их анализ занял бы огромный объём текста. Тот взгляд на проблематику знания, согласно которому дело можно свести к знаниевому обеспечению, т.е. передачи знания незнающему со стороны, является, безусловно, плодом прагматических умонастроений, столь долго правивших бал в

проектировании, в т.ч. в архитектурном и градостроительном. Согласно этому взгляду, знание это не персонально освоенное и осмысленное содержание, воплощению которого можно посвятить творческие устремления, но то, что должно быть употреблено с пользой и без остатка, что единственно могло бы окупить затраты на содержание институтов теории и исследования, библиотек, архивов и прочих источников знания, откуда оно поступает. Заметим здесь характерное хозяйственное отношение к знанию, которое есть самая суть стандартизированной эпистемологической политики. Для этого взгляда важен постав, а не его источники, поэтому "обеспечение" здесь - вовсе не забота о чистоте и обилии источников или о их воспроизводстве, но требование поддержания процесса в непрерывности и непреткновенности, что выполнимо не столько за счёт полноты использования ресурсов (кажущихся безмерными и естественными), сколько посредством отказа от "лишнего" - сомнительного и опасного знания. Собственно, согласно этому взгляду, знанием является только то, что можно прозрачным (контролируемым) способом использовать, лучше - употребить на месте, здесь и теперь. Знание тут - такой же компонент мегамашины, как и людские ресурсы, сырьевые ресурсы, энергия и т.п. Всё эти ресурсы и прочие составные части легко заменимы, не обладают собственной сущностью, которую стоило бы брать в расчёт, сервилитичны по самой природе своей. Этот утилитарно-пренебрежительный взгляд стал негласной нормой, успел стать чиновничьей привычкой; он вовсе не исчерпал своё "обаяние" для организаторов "проектного дела" и сегодня, но особенно свирепствовал он в годы омассовления проектной деятельности. Для проектирования как "государевой службы" равно недопустимо как бесхозное знание (вспомним тезис о функциональном единстве теории и практики), так и активность, не обеспеченная знанием. "Обеспеченная" здесь - синоним таких качеств (установок сознания), как "обоснованная", "оправданная", "поддержанная", "верифицированная", "утверждённая". Все эти значения указывают на функцию властного принятия решений, озабоченной как эффективностью своих действий, так и наличием инстанции наказания за возможные ошибки - наличием козла отпущения. Наука, в т.ч. т.н. "прикладная" наука, долго в последнем качестве и пребывала, но беды знания в проектировании не ограничиваются, к сожалению, только этим.

Принятие решений

Нельзя не отметить порочность идеи всего "пред" - всего якобы предшествующего проектированию и его, якобы, обеспечивающего. Проектирование средстввально и методологически самодостаточно, если это действительно проектирование. Его можно, конечно, обеспечить материалом для *анофатики* (для обозначения неприемлемого, т.е. для отрицания, опровержения, преодоления), но ведь научное исследование не согласно на такую роль. И уж тем более наивно представление о том, что научное и бесстрастное исследование способно задать основу или канву проектному поиску как чему-то правильному и решающему внутренние проблемы самой науки. Проектное творчество может, в принципе, дать ответ на проблемы того или иного научного предмета, но не в этом его собственная задача: проектирование имеет дело с реальностью, а наука - с организацией знаний в своей собственной действительности.

Однако, наиболее опасным в тезисе о "предпроектных исследованиях", тем более в тех исследованиях, которые осуществляются в строгом соответствии с предметной природой естественнонаучных исследований, претендующих на объективность и на владение "истиной в последней инстанции" (таковы, например, геологические изыскания), это то, что такие исследования выступают в собственно проектном пространстве в качестве готовых, но "свёрнутых" в непроектную по виду форму, непреложных, обязательных к исполнению *проектов*. Такие "проекты" описывают не должное, не желаемое, но прошлое и существующее, то есть в собственно проектном смысле они архаичны и беспомощны, но утвердившаяся система обращения знаний и информации возносит их на незаслуженно высокий уровень. Такие "проекты" задают не параметры будущего, но параметры самой проектной деятельности, которая призвана выйти к будущему, определяют приемлемые

горизонты проектного воображения, связывают его мнимой необходимостью соответствовать "данным" исследований. Это довольно опасно и неэффективно, поскольку выводы научных исследований не опираются и не могут опираться на ценностное отношение к реальности; они описывают не возможное или желаемое, но лишь действительность наличного в предмете безучастного, безынициативного, лишённого всякого воображения взгляда, да ещё в одной единственной доступной ему логике детерминации. В то время, как логика отношения к реальности в проектном мышлении совсем иная: проектирование, как воплощение ценностной рациональности, видит, прежде всего, *возможности*; оно способно интерпретировать всякое "объективное затруднение" как повод для новации, а стратегий действия с реальностью у него несколько. Поэтому не ограничения, но ценностные установки оно рассматривает как "краеугольные камни", которые достойны внимания и осуществления в проектном акте [6]. Типологически научное исследование и проектное воображение (как форма познания) - существенно различны.

Огрубляя: когда вы целиком и полностью доверяете результатам произведённых не вами "предпроектных" исследований, когда рассматриваете их в качестве действительных и единственных оснований принятия решений, отказываясь от надстраивания над ними новых ценностных интерпретаций и осуществляющих исходные ценности стратегий (сколь бы инновационным, традиционными или парадоксальными они ни были), то все решения оказываются уже... приняты за вас. Собственно, такая идеология делает присутствие проектировщика-человека избыточным (а это и есть основная идея и цель теории "принятия решений", Solution Theory) - его легко можно заменить автоматизированной системой принятия правильных решений в их исчислимом множестве. Однако, это иллюзия: попытка узурпации проектного мышления со стороны естественнонаучного или математического (моделирующего) мышления успела показать свою несостоятельность - именно в силу указанного выше типологического различия, в силу принципиальной неисчислимости архитектурно-проектного воображения, основанного не только на рациональности (повторим: не *целевой*, которой посвящены все теории решений, но *ценностной*), но и на понимании, эмпатии, интуиции, эмоциональности.

Здесь нельзя путать результаты "предпроектных исследований" с заданием или заказом, хотя по месту в акте развёртывания проектных интенций они очень близки. "Предпроектные исследования" призваны компенсировать ригоризм заказа и, как правило, научно и "объективно" его "обосновать". То есть они вторичны уже по процедуре. По процедуре, заметим, *принятия решений*, которое само во многом *оппозиционно проектированию и проектному типу мышления*, что до сих пор редко осознаётся. Вот в идеологии *принятия решений* и пользующихся её услугами занятий (менеджмент, инженерия, маркетинг, мерчендайзинг, политика, военное дело и пр.) "предпроектные исследования" и находят себе какие-то оправдания, а обычное смешение понятий переносит их в мир проектирования. Ведь для чиновника всякое проектирование - это реализация принятых им решений, ничего более. То есть присутствие "предпроектных (и якобы научных) исследований" в проектировании - результат бюрократического подлога, обыкновенное проявление чиновничьей привычки доверять собственному "здоровому смыслу", нежели неподвластной им действительности мышления и творчества, а "объективные исследования" использовать для подстраховки. По сути - это формула того варианта технократизма, который правил миром от эпохи жульверновского инженерного романтизма до появления методологии деятельности и т.н. гуманитарных технологий.

Изыскания для строительства

В мире проектирования "предпроектные исследования", однако, никого особенно не воодушевляют. Здесь очевидно, что исследовательская компонента тесно и прямо зависит от "пространства решений", то есть исследуется только то, что нужно под то или иное решение, уже, как правило, принятое. Достаточно давно в строгих методологических исследованиях установлено, что даже данные геологических изысканий под строительство уже исходят из

представления о возможных проектных решениях, которые они якобы должны были предварять и регламентировать, но по факту - лишь "подстраиваются" под предполагаемую по умолчанию проектную стратегию [7]. Со сменой стратегии становятся востребованы совсем иные знания, но смена стратегии не определяется научным объективным исследованием, она - прерогатива субъективного проектного воображения. Тем самым, исследование, уж если оно, в самом деле, проводится до проектного акта, - скорее всего, пустая трата средств и времени. Тем более, если это исследование объективное и отчужденное, то есть отвечающее критерию научности. Оно не нужно в мире проектирования никому вообще (нет уверенности в том, что оно нужно и во всех остальных мирах, кроме ведомостей оплаты труда). Но нужны именно *включённые* в проектное пространство исследования, изыскания и анализы, проводимые как по специальным заданиям проектировщиков, так и ими самими непосредственно и субъективно (ведь проектировщик исследует не для постороннего актора, не для передачи кому-то обезличенного и не прохваченного живой создающей проблематизацией "знания", но для собственного, текущего, акта мышления и творчества, в котором именно он (в т.ч. и коллективный проектировщик) удерживает полноту будущей реальности, за которую именно он отвечает - как она сложится в мышлении, а затем и в убедительных знаковых формах проекта). Самый тип исследования, его предмет (или его беспредметность), его направленность и его связь с движением проектной мысли - вопросы если и не неисповедимые, то уж точно не объективируемые до поры и, несомненно, не предвидимые никаким "предпроектным" сознанием. Здесь надо бы высказать полное недоверие самой претензии на обладание сознанием, способным предвидеть всё возможное или значимое содержание проектирования - таким сознанием в человеческом мире не обладает никто и ничто, и уж тем более наука и её прикладные приложения¹. Кажется, на сегодня уже достаточно ясно, что проектное мышление пока ничто не превосходит в принципе.

Заключение

Мы поставили под сомнение термин, правомерность которого, равно как и правомерность обозначенной им действительности процедур, всё ещё представляется многим очевидной - представление о том, что *проектную деятельность* (ср. [8]) необходимо обеспечивать предваряющими её научными исследованиями и инженерными изысканиями. В самом деле, разве не должно проектирование опираться на надёжные основания, и разве поставлять такие основание не должно предваряющее проектирование исследование, использующее те или иные научные методы получения результатов? Наш ответ отрицательный.

Мы утверждаем, что представление о "предваряющем" проектный акт знаниевом обеспечении несостоятельно, поскольку противоречит природе проектного мышления, способного самостоятельно определять рамки реальности, с которой оно имеет дело, более того - это его прямая обязанность. Типологически, т.е. по самоопределению к процедурам познания и полагания нового, проектное мышление не только многократно опережает исследование, но и представляет собою совсем иной эпистемологический тип, несопоставимо более адекватный задачам целенаправленного движения к должному, - движения, в ходе которого могут принципиально меняться и цели (а, следовательно, средства), и требуемые для их достижения знания и представления. Кроме того, представление об обеспечении собственно *научном* вступает в противоречие с активно-творческой природой проектирования и его темпоральным вектором в будущее, а не в прошлое или существующее, которому принадлежат результаты естественнонаучных исследований и инженерных изысканий.

То, что остаётся за пределами "научного обеспечения проектирования", оказывается гораздо нужнее, но оно не получает до сих пор никакой заботы со стороны инстанций обеспечения. Знание в проектировании имеет смысл лишь тогда, когда оно отвечает на вопросы самого проектирования, возникающие в постоянном развёртывании замысла. Проектирование действительным образом способны обеспечить лишь *проектные* же знания, т.е. ориентированные на ситуации будущего, прежде всего - рефлексивные и "понимающие",

эмпатические. Проектирование, разумеется, способно использовать и знания наук, причём часто весьма неожиданным, причудливым образом. Таково, например, ассоциативное "прочтение" или морфологизация бестелесных категорий науки, или воплощение её моделей и схем. Наконец, проектирование способно, если это требуется, выступать формой инженерной реализации научных положений и гипотез. Проектирование *умеет гораздо больше гитик*, нежели наука. И кто кого обеспечивает - вопрос открытый.

Примечание:

1. При всём количественном размахе программ "научных обоснований" проектирования в те годы, когда такие программы были государственным делом, бросается в глаза их качественная и содержательная скудость. В область научного внимания попадала (и попадает сегодня) лишь малая часть из обширного объёма вопросов, которые приходится решать проектировщикам. Это также можно трактовать как непростительную монополию, как дерзкий вызов науке. Но наука остаётся бессильна в решении проектных задач, а проектирование решать или снимать проблемы науки способно (причём, не обязательно входя при этом в роль сервилистической инженерии).

Библиографический список

1. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. - М.: Стройиздат, 1993. - 295 с.
2. Goldschmidt G. Serial Sketching: Visual Problem Solving in Designing. In R. Trappl, editor, Cybernetics and Systems: An International Journal, 23, 1992.
3. Капустин П.В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 с.
4. Капустин П.В. Авангард и наука, или: ещё раз об освобождении от предметности в проектном мышлении // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2020. - № 1 (21). - С. 4 - 10.
5. Капустин П.В. Опыты о природе проектирования (монография). – Воронеж: ВГАСУ, 2009. – 218 с.
6. Капустин П.В. Ценностная ориентация в проектной культуре // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2020. - № 2 (22). - С. 38 - 43.
7. Рац М.В. Что такое экология или как спасти природу (взгляд методолога). – М.: Касталь, 1993. – 180 с.
8. Капустин П.В., Кармазин Ю.И., Семёнова Н.В. Кризис парадигмы "проектной деятельности" и будущее архитектуры // Актуальные проблемы архитектуры, градостроительства и дизайна: теория, практика, образование: материалы Международной науч. конф., 23 - 29 сентября 2018 г. / ред.-сост. Н.В. Иванова. - Волгоград: ВолгГТУ, 2018. - С. 346 - 350.

Bibliography list

1. Stepanov A.V., Ivanova G.I., Nechaev N.N. Architecture and Psychology. - M.: Stroyizdat, 1993. - 295 p.
2. Goldschmidt G. Serial Sketching: Visual Problem Solving in Designing. In R. Trappl, editor, Cybernetics and Systems: An International Journal, 23, 1992.
3. Kapustin P.V. Design Thinking and Architectural Consciousness. Critical introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Designing (monograph). - Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. - 252 p.
4. Kapustin P.V. Vanguard and Science, or: once again about Overcoming the Subject Form of

- Knowledge and Conceptions in Designing // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2020. - № 1 (21). - pp 4 - 10.
5. Kapustin P.V. Studies on Nature of Designing (monograph). - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE, 2009. - 218 p.
 6. Kapustin P.V. Value Orientation in Culture of Designing // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2020. - № 2 (22). - pp 38 - 43.
- Rats M.V. What is Ecology or how to save nature (view of the methodologist). - M.: Castal, 1993. - 180 p.
7. Kapustin P.V., Karmazin Yu.I., Semenova N.V. Crisis of the Paradigm of "Project Activity" and the Future of Architecture // Actual problems of architecture, urban planning and design: theory, practice, education: Proceedings of the International scientific conf. / Ed. N.V. Ivanova. - Volgograd: VolgGTU, 2018. – pp. 346 - 350.

ABOUT THE TERM "PRE-DESIGNING RESEARCHES"

P.V. Kapustin

Kapustin P.V., Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Prof., Head of Dept. Russia, Voronezh, ph. 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Background. The term "pre-project research" has become familiar, it is widely used in the organization of project activities, in practical and methodological developments, in education. It seems to be quite logical, it occupies a precisely designated place in the project action. But today there are many claims to such seemingly "obvious" reasons that compel us to look at the term and the technology of "pre-project research" itself is somewhat more critical than the traditional point of view suggests.

Results and conclusions. The place, role and legitimacy of the use of the term "pre-project research" in architectural and related types of designing are discussed. It is shown that the idea of a scientific knowledge provision "preceding" a project act is typologically and temporally untenable. It is affirmed: studies that really provide design can only be built into the design itself, be its integral part and not fixed in place in the work schedule.

Keywords: design thinking, knowledge in designing, scientific support for designing, pre-designing studies, design studies, place of research in the designing act.

ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ГОРОДЕ ТАМБОВЕ

Т.В. Толстова, Г.А. Чесноков, Л.В. Кригер

Толстова Т.В., магистрант кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79034200780, e-mail: tanya.petrova515@ya.ru

Чесноков Г.А., канд. архитектуры, профессор кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Воронеж, Россия, e-mail: chesnokov@mail.ru

Кригер Л.В., доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел. +79103429320, e-mail: kriglv@mail.ru

Постановка задачи. В статье рассматриваются основные принципы и опыт создания музеев деревянного зодчества, возможность их устройства и функционирования в условиях современного крупного города.

Результаты и выводы. Деревянное и каменно-деревянное зодчество важный элемент в историко-культурном наследии региона, который в условиях интенсивной застройки необходимо сохранять. Данное исследование нацелено на выявление наиболее оптимального исторического квартала Тамбова, который мог бы послужить основой музея-заповедника деревянного зодчества.

Ключевые слова: деревянное и каменное зодчество, архитектура, реставрация, история.

Введение

Деревянное зодчество Черноземья, несмотря на свою самобытность и значимость для истории архитектуры региона является малоизученным. Такие исследователи как Е.А. Ащепков, А.Б. Бодэ, О.О. Горностаев, И.Э. Грабарь, М.И. Мильчик, А. В. Ополовников, Ю.С. Ушаков изучали деревянную архитектуру, однако их труды посвящены главным образом анализу памятников русского севера. Объектом изучения преимущественно являлась культовая архитектура и архитектура жилища крестьян. Архитектура городских усадебных деревянных домов провинции конца XIX– начала XX столетий, в том числе и Тамбова, практически нигде не рассматривается. Встречается лишь небольшое количество публикаций, где содержатся отрывочные сведения по некоторым объектам деревянной архитектуры Тамбова – краеведческая литература (А.А. Горелов, В.А. Кученкова, Г.Л. Леденева, Ю.К. Щукин, Е.И. Юстова).

Дерево издавна было самым доступным и демократическим строительным материалом. Плюсом этого материала была доступность и хорошая теплоемкость – на отопление деревянного дома требовалось меньше топлива, и деревянный дом гораздо дольше удерживал тепло, в отличие от кирпича. Но, к сожалению, минусы тоже были – горючесть, недолговечность древесины, достаточно затруднительное содержание строений в надлежащем состоянии. На сегодняшний день деревянная архитектура Тамбова, являющаяся неотъемлемой и значительной частью его исторического облика, находится в плачевном состоянии. Ежегодно с улиц города исчезают ценные образцы провинциального зодчества – здания сносятся, уродуются ремонтом или просто оставляются брошенными.

Одним из наиболее эффективных способов сохранения памятников деревянной архитектуры, является создание музеев-заповедников. Такой тип музеев способствует включению исторической застройки в современную жизнь города и может привлечь многочисленных туристов, что положительно скажется на развитии города. Поэтому в Тамбове необходимо создание культурно-досуговой инфраструктуры и историко-культурного заповедника с деревянной и каменно-деревянной застройкой.

Краткая история

Градостроительная реформа Екатерины II значительно повлияла на образ российских городов. Введение регулярных планов в последней четверти XVIII века была в значительной степени продиктована с одной стороны желанием придать городам империи современный «презентабельный» вид, а с другой стороны желанием заменить «случайную» градостроительную систему, чрезвычайно опасную в плане возникновения пожаров на «разумную» систему планировки в условиях развития промышленности и торговли. Стала регламентироваться ширина улиц и качество застройки – в центре рекомендовалось строить каменные здания по красной линии улиц. Однако не смотря на эти рекомендации, в силу того, что каменные дома достаточно долго оставались доступными только богатым гражданам, большая часть застройки все также оставалась деревянной. Наряду с этим достаточно большое распространение получили полуторазэтажные и двухэтажные строения «смешенного» типа, у которых первый этаж был кирпичным, а второй – деревянным. Первый этаж в них использовался под вспомогательные помещения: кухни, кладовые и т.п., а второй являлся жилым.

В значительной степени строительство жилых деревянных и каменно-деревянных домов велось по образцовым проектам. Поскольку квалифицированных архитекторов, способных выполнить качественные планы и фасады в провинциальных городах было крайне мало. Деревянные дома середины XIX века обычно представляли собой сруб или сочетание нескольких срубов со сплошной обшивкой стен тесом и ритмично расположенными окнами. Обычно выполнялась гладкая обшивка либо обшивка «в елочку», однако достаточно часто эта обшивка имитировала каменную рустовку – прием, сохранившийся только в Тамбове и некоторых уездных городах губернии. Тенденция подобного строительства сохранялась вплоть до начала XX века.

В конце XIX – начале XX века архитектурная деятельность в городе определялась процессом формирования местного сообщества зодчих-специалистов (большинство из них были выпускниками столичных архитектурных школ), утверждением профессиональных методов творчества. Вследствие этого в городе стало строиться много зданий в модном стиле модерн, значительная часть которых возводилась в дереве. Наиболее яркими образцами деревянного модерна, к сожалению, на сегодняшний день утраченные, являлись: дом друга семьи Асеевых художника Николая Шевченко, жилой дом семьи Дубасовых. Из сохранившегося деревянного модерна можно привести в пример дачный домик И.И. Толмачева (ул. Гоголя, 5), усадьбу М.А. Турчаниновой (ул. М. Горького, 41), дом Болховитинова (ул. К. Маркса/Державинская, 152/7), рис. 18, 17, 15 соответственно.

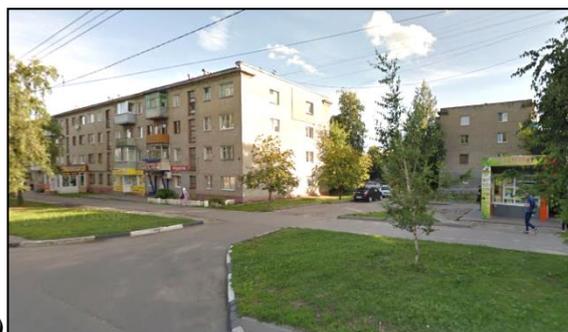
В годы Великой Отечественной войны город не был вовлечен в военные действия. Именно поэтому Тамбов единственный из городов ЦЧР, сохранивший в полном объеме застройку губернского города.

1960-е характеризуются активным строительством многоквартирных жилых домов и интенсивным индустриальным развитием города (рис.1,4). В 1969 г. появились первые девятиэтажные дома в южной части Тамбова, на месте исторических кварталов с деревянной застройкой (рис. 2, 3). В начале 1980-х годов неузнаваемо изменилась одна из главных улиц города – Интернациональная. Подверглась реконструкции Коммунальная улица. В городе обновлялись и реконструировались старые городские парки и скверы, но несмотря на все это Тамбов не потерял свой исторический облик и индивидуальность.

В начале XXI века уничтожение деревянной застройки приняло колоссальный масштаб, все чаще и чаще наблюдается уничтожение жилых деревянных строений конца XIX – начала XX вв., они сносятся, как устаревшие и малоценные (рис.5). Точечная застройка в центре города также оказывает негативное влияние на сохранившуюся архитектурную среду. Это влечет за собой утрату архитектурно-градостроительного наследия, ценность которого до конца не исследована.

а)

б)

Рис. 1. Вид со двора школы №18 (ныне школа № 24/3), ул. Мичуринская, 129. Напротив школы располагался квартал с деревянной застройкой. Сейчас квартал застроен кирпичными четырехэтажными «хрущевками» серии 1-447. а) – фото 1964 г., б) – современный вид.

а.

б)

Рис. 2. Деревянный жилой дом № 40 по улице Набережной. Снесен в конце XX в. На его месте сейчас расположен сквер. а) – фото 1977 г., б) – современный вид.

а)

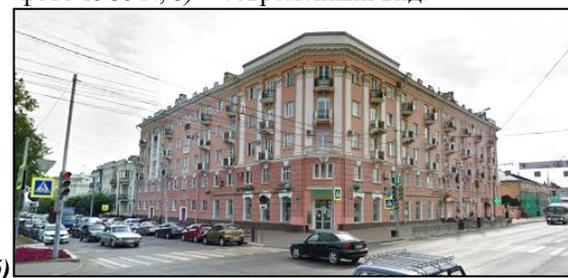

б)

Рис. 3. Дом, в котором проживала семья Дубасовых, ул. Советская, 20. Снесен в начале 1980-х гг. На его месте сейчас торговый центр «Юг». а) – фото 1980 г., б) – современный вид.

а)

б)

Рис. 4. Дом К. К. Вольского на углу улиц Большой (Советской) и Араповской (Максима Горького). Снесен в начале 1950-х гг. На его месте сейчас жилой дом, ул. Советская, 85/12.

а) – фото 1900-1917 гг., б) – современный вид.

Рис. 5. Дом Протасевых, ул. Советская, 104. Снесен в 2005г., на его месте сейчас жилой комплекс «Ветер перемен». а) – фото 1962 г., б) – современный вид.

Что дошло до наших дней

Исторический центр города составляет примерно 1000 га. Чуть меньше половины от этой площади приходится на районы малоэтажной застройки. Именно на этих территориях расположены интересующие нас объекты деревянного жилищного строительства. В городе Тамбове под охраной государства находятся 265 объектов, 32 из них это деревянные и каменно-деревянные здания, из которых в свою очередь 17 – полностью деревянных и 15 – смешанного типа. Окружающая их средовая застройка также представляет достаточно большой историко-культурный интерес. Изучение этой средовой архитектуры необходимо и должно быть проведено тщательным образом.

В настоящее время нами проведено обследование исторического центра города с целью выявления ценных в историко-культурном отношении объектов деревянной архитектуры. Предварительные результаты этого обследования представлены на рис.6. Всего выявлено около 950 деревянных и каменно-деревянных объектов.

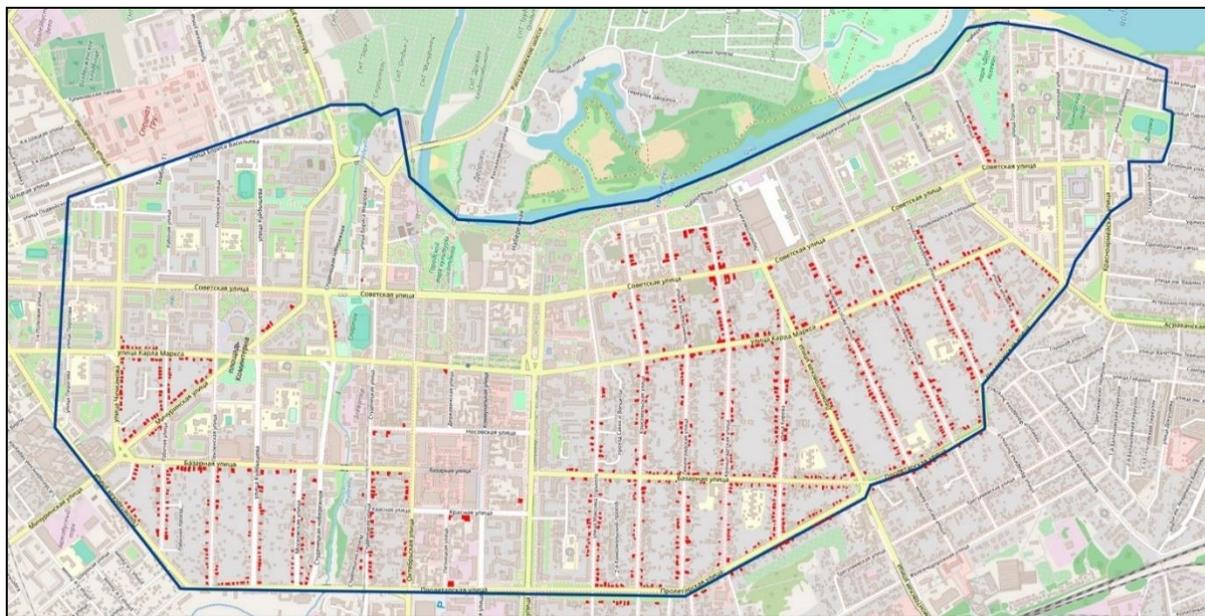

Рис. 6. Исторический центр г. Тамбова. Красным цветом показаны сохранившиеся объекты деревянной архитектуры. Синим обозначена граница исторического города.

В результате проведенного обследования можно сделать вывод, что Тамбов сохранил деревянную и каменно-деревянную застройку периода «образцового» строительства, периода перехода от классицизма к эклектике, а также застройку в стиле модерн. Можно говорить и о том, что деревянная и каменно-деревянная архитектура в значительной степени до сих пор определяет облик исторического центра города. Деревянная застройка сохранилась целыми

кварталами и в ряде случаев она формирует уникальные по своей целостности перекрестки улиц центре города. Это, например, пересечение улицы Советской с ул. Кронштадтской, ул. Карла Маркса с ул. Кронштадтской, ул. Базарная с ул. Ленинградской. Наиболее яркие объекты деревянной архитектуры, сохранившиеся до наших дней, представлены на рис.7-19 .

Масштабы сохранившейся деревянной застройки, определяющей облик Тамбова, требуют разработки путей ее сохранения.

Рис. 7. Дом Нарышкиной, середина XIXв.
Ул. Советска/Кронштадтская, 80/1.

Рис. 8. Усадьба семьи Чичериных, середина XIX века. Ул. Советская, 63.

Рис. 9. Дом, в котором жил революционер Г.А. Усиевич. Дом середины XIXв.
Ул. Советская/ ул. Сергеева-Ценского, 52/23.

Рис. 10. Дом жилой, середина XIX века.
Ул. Базарная/ Куйбышева, 136/76.

Рис. 11. Дом в классическом стиле, середина XIX века. Ул. К. Маркса, 76.

Рис. 12. Дом жилой, середина XIXв.
Ул. Интернациональная, 41.

Рис. 13. Дом жилой, конец XIX века.
Ул. Кронштадтская, 3.

Рис. 14. Бывший дом художника И.И. Гладышева,
конец XIX - начало XX вв. Ул. Тельмана, 24.

Рис. 15. Дом Болховитинова, конец XIX в.
Ул. Карла Маркса/ Державинская, 152/7.

Рис. 16. Жилой дом, XIX век.
Ул. Советская/Тельмана, 15/36.

Рис. 17. Усадьба М.А. Турчаниновой,
конец XIX - начало XX вв.
Ул. М. Горького, 41.

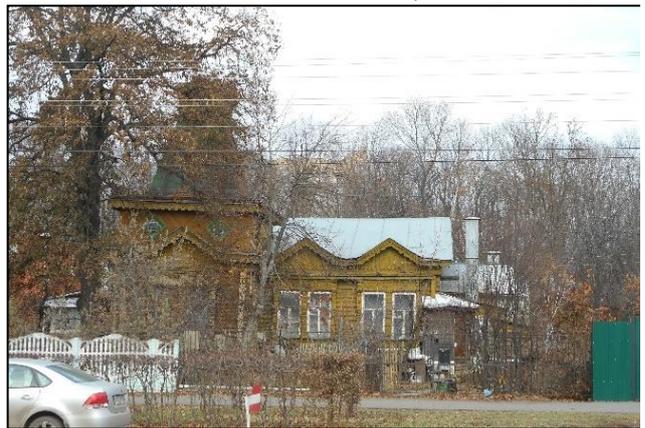

Рис. 18. Дачный домик И.И. Толмачева,
конец XIX - начало XX вв.
Ул. Гоголя, 5.

Рис. 19. Дома конца XIX - начала XX вв. по ул. Мичуринской.

Для того, чтобы город не потерял свою самобытность необходимо сформулировать определенную тактику проведения мероприятий по сохранению ценной застройки и разработать предложения по ее использованию в современных условиях. Одним из возможных путей ее сохранения является музеефикация отдельных зданий с сохранением рядовой исторической застройки.

На сегодняшний день опытом создания музеев деревянного зодчества и

этнографических музеев под открытым небом обладают северные регионы нашей страны. Подобные музеи обычно создавались в виде этнографических деревень или архитектурно-этнографических музеев, на свободной территории за пределами города, на живописных природных территориях или на базе каких-либо исторических сел, куда перевозятся архитектурные памятники из различных мест нашей страны. Как правило проводится полная реконструкция прошлого, исторические строения представляют собой не просто отдельные экспонаты, а образуют взаимосвязанный комплекс, в котором посетители получают возможность погрузиться в историческую атмосферу и получить общее представление об истории и этнографии какой-либо местности. Основным интерес в подобных музеях вызывают культовые постройки. В качестве примера можно привести музей деревянного зодчества в Суздале, музей заповедник «Кижи», «Малые Карелы», «Витославицы» и др.

А вот музейных комплексов в центре городов в нашей стране крайне мало, так как это связано со многими трудностями, обусловленными непрерывно развивающейся городской средой. Однако туристические кластеры детально продуманные и созданные в исторических центрах могут принести огромную пользу городу и дать дополнительный толчок для его развития. Благодаря им можно сохранить хрупкую историческую среду и памятники архитектуры, привлечь многочисленных туристов, создать рабочие места для местных жителей.

Наиболее яркими примерами музейных комплексов в функционирующих центрах исторических городов являются «Город-музей» в Коломне и туристический квартал «Злато место» в Ярославле.

Концепция музеефикации деревянного наследия Тамбова

Сегодня вопрос создания подобного музея в городе Тамбове стоит достаточно остро. Так как на территории города сохранилось много интересных образцов архитектуры, характерной и по своему интересной массовой жилой застройки.

Наиболее подходящим местом для музея-заповедника в Тамбове является пересечение ул. Советской и Кронштадтской. Именно здесь сложился уникальный комплекс, состоящий из четырех деревянных усадебных домов периода классицизма. Одна из этих усадеб является объектом культурного наследия федерального значения «Усадьба семьи Чичериных». На территории квартала, в котором расположена «Усадьба Нарышкиных», и соседних кварталов размещается множество зданий-памятников и исторически ценной застройки.

Рис. 20. Выкопировка схемы границ объединенной зоны охраны объектов культурного наследия в г. Тамбове. Черной линией обозначена граница предполагаемого музея-заповедника.

Рассматриваемая нами территория входит в состав объединенных зон охраны города, утвержденных приказом управления по государственной охране объектов культурного наследия по Тамбовской области от 20.09.2019г №198. Границы объединенных зон охраны

объектов культурного наследия федерального значения: «Церковь Покрова» (пл. Кронштадтская, д.5); «Усадьба семьи Чичериных, кон. XIX – нач. XX вв.» (ул. Советская/ул. Кронштадтская, д. 63/9а, д. 63а/9) и регионального значения, расположенных в кварталах, ограниченных улицами Советская, Кронштадтская, А. Бебеля, Ленинградская, Набережная, Лермонтовская показаны на рис.20. г. В границах данных зон также утверждены требования к градостроительным регламентам.

В границах территории объединенной охранной зоны объектов культурного наследия ограничена хозяйственная деятельность и запрещается строительство объектов капитального строительства, снос, изменение габаритов и исторического фасадного декора, до установления историко-культурной ценности объектов историко-градостроительной среды, использование ярких колористических решений в отделке фасадов зданий и сооружений инженерной и транспортной инфраструктуры. Разрешается лишь применение специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды.

Исходя из всего выше сказанного, в пределах этой охранной зоны предлагается создание музея-заповедника на базе исторических кварталов Тамбова. Организация музея-заповедника позволит сохранить в неприкосновенности уцелевший участок городской среды – кусочка «деревянного» губернского города.

На первом этапе будут включены следующие объекты: «Усадьба семьи Чичериных» (ул. Советская/Кронштадтская, д.63/9а, д.63а/9) – ныне «Дом музей Г.В. Чичерина», «Дом Нарышкиной» (ул. Советская/Кронштадтская, д. 80/11), «Дом жилой» (ул. Советская/Кронштадтская, д. 61/8), Дом жилой» (ул. Советская/Кронштадтская, д. 78/10) – ныне являющиеся жилыми домами. Эти крупные городские усадьбы сформируют основу музея-заповедника (рис.21).

Рис. 21. Схема расположения объектов культурного наследия на пересечении улиц Советской и Кронштадтской.

Центром туристической привлекательности может стать памятник федерального значения, расположенный по адресу ул. Советская/Кронштадтская, д.63/9а, д.63а/9, занятый с 1980-х годов Домом-музеем Г.В. Чичерина. Экспозиция которого посвящена Георгию Васильевичу- наркому иностранных дел, семье Чичериных и самой усадьбе.

Туристов привлечет и расположенная напротив «Усадьба Нарышкиных» - крупных землевладельцев и благотворителей, много сделавших для города Тамбова. В 1914 году в доме побывал император Николай II, оставивший запись об этом в своем дневнике. Семья Нарышкиных очень много сделали для города Тамбова и бесспорно, что они достойны того,

что бы их дом был музеефицирован как мемориальный объект с экспозицией, рассказывающей о Нарышкиных, их культурной и благотворительной деятельности в Тамбове.

На втором этапе в границы заповедника целесообразно включить территорию охранной зоны с объектами культурного наследия и ценной средовой застройкой. Свободные места, на которых не сохранились исторические строения, можно заполнить перенесенными из каких-либо районов города ценными деревянными домами, которые утратили свою историческую среду. Таким образом восстановится единый фронт застройки по ул. Кронштадтской, а перенесенные здания смогут продолжить существование в исторически родном окружении.

Заключение

Тамбов сохранил много интересных образцов деревянной архитектуры конца XIX – начала XX века с участками исторической городской застройки. Однако ежегодно с улиц города эта ценная в историко-культурном отношении застройка исчезает – здания сносятся, уродуются ремонтом или просто оставляются брошенными. Поэтому срочно необходимо разработать стратегию сохранения исторической среды города, важным пунктом которой может стать музей-заповедник.

Музей-заповедник позволит сохранить в неприкосновенности кусочек деревянного губернского города, включить историческую застройку в современную жизнь города и привлечь многочисленных туристов. Поэтому в Тамбове необходимо создание культурно-досуговой инфраструктуры и историко-культурного заповедника с деревянной и каменно-деревянной застройкой.

Библиографический список

1. Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество / Е.А. Ащепков – Москва : Гос. Из-во архитектуры и градостроительства, 1950 – 104с.
2. Бодэ А. Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. / А.Б. Бодэ – Москва : КомКнига, 2003 – 203с.
3. Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала / Е.Н. Бубнов – Москва : Стройиздат, 1988 – 183с.
4. Горелов А. А., Щукин Ю. К. Тамбов: Справоч.-путеводитель (Центральная часть). Тамбов, 1999.
5. Горностаев Ф. Ф. Деревянное зодчество Русского севера» / Ф.Ф. Горностаев, И.Э. Грабарь – Москва : Издание Кнебель, 1969 — 235 с.
6. Двужилова И.В. История тамбовского края / И. В. Двужилова, А. А. Слезин – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 124 с.
7. Кученкова, В. А. Неизвестный Тамбов / В. А. Кученкова. – Тамбов: Пролет. светоч, 1993. – 221 с.
8. Леденева Г. Л. Гражданская архитектура Российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова): Учеб. пособие. Тамбов, 2003.
9. Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства - 4.1. Русская провинция - П-г, "Шиповник", 1916. – 303 с.
10. Мильчик М. И. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории / М.И. Мильчик, Ю.С. Ушаков – Ленинград : Стройиздат, 1981 – 128с.
11. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России XVIII – XIX веках. / С. С. Ожегов. – Москва : Стройиздат, 1984. – 168 с.
12. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония: Образы деревянного зодчества России: Кн. для юношества. – Москва : Фирма «Ополо», 1998 – 207с.

13. Пилявский В.А. История русской архитектуры / В.А. Пилявский, А. А. Тиц, Ю. С. Ушаков – Москва : Архитектура-С, 2003 – 511с.

14. Приказ управления по государственной охране объектов культурного наследия по Тамбовской области от 20.09.2019г №198 «Об установлении объединенной зоны охраны объектов культурного наследия федерального значения: «Церковь Покрова» (пл. Кронштадтская, д.5); «Усадьба семьи Чичериных, кон. XIX – нач. XX вв.» (ул. Советская/ул. Кронштадтская, д. 63/9а, д. 63а/9) и регионального значения, расположенных в кварталах, ограниченных улицами Советская, Кронштадтская, А. Бебеля, Ленинградская, Набережная, Лермонтовская г. Тамбова и утверждении требований к градостроительным регламентам в границах территории данных зон».

15. Проект объединенной зоны охраны объектов культурного наследия города Тамбова [Текст]: научно-исслед. проектн. работа / ООО «Параметр», Е.М.Анохина, Л.В.Кригер, М.Ю.Дьяков, М.С.Федоров. – Воронеж, 2014 – арх № 01-11-16/18

16. Список объектов культурного наследия, расположенных на территории Тамбовской области, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. (по состоянию на 24.10.2019 г.) г. Тамбов (Сайт Управление по государственной охране объектов культурного наследия по тамбовской области- tam.tmbreg.ru Дата обращения 24.11.2019)

17. Юстова Е. И. Тамбов: памятники архитектуры. / Е.И. Юстова, М.М. Максимов – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979 – 60с.

Интернет-ресурсы

1. nalichniki.com – сведения о музеях-заповедниках деревянной архитектуры в России. Дата обращения 01.12.2019;

2. mk.mosreg.ru– сведения о «Городе-музее» в Коломне. Дата обращения 01.12.2019;

3. ru.wikipedia.org– сведения о «Городе-музее» в Коломне. Дата обращения 01.12.2019;

4. openyar.ru – сведения о музее-заповеднике «Злато место» в Ярославле. Дата обращения 01.12.2019.

Bibliographic list

1. Aschepkov E. A. Russian wooden architecture / E. A. Aschepkov-Moscow: State Institute of architecture and urban planning, 1950-104с.

2. Bode A. B. Wooden architecture of the Russian North. The architectural Treasury of Paonia. / A. B. Bode-Moscow: Komkniga, 2003-203s.

3. Bubnov E. N. Russian wooden architecture of the Urals / E. N. Bubnov-Moscow: Stroyizdat, 1988-183s.

4. Gorelov A. A., Shchukin Yu. K. Tambov: Moscow.- guide (Central part). Tambov, 1999.

5. Gornostaev F. F. Wooden architecture of the Russian North " /F. F. Gornostaev, I. E. Grabar-Moscow: Edition Knebel, 1969-235 p.

6. Dusilova I. V. History of the Tambov region / I. V. Dochilov, A. A. Slezin Tambov : Publishing house Tamb. state tech. UN-TA, 2002. - 124 p.

7. Kuchenkova, V. A. Neizvestny Tambov / V. A. Kuchenkova. - Tambov: Flight. Svetoch, 1993. - 221 p.

8. Ledeneva G. L. Civil architecture of the Russian province of the late XIX-early XX centuries (on the example of building Tambov): Studies. benefit. Tambov, 2003.

9. Lukomsky G. K. Monuments of ancient architecture of Russia in the types of artistic

construction-4.1. Russian province-P-g, "Briar", 1916. - 303 p.

10. Milchik M. I. Wooden architecture of the Russian North. Pages of history / MiMilchik, Yu. s. Ushakov -Leningrad: stroizdat, 1981-128c.

11. Ozhegov S. S. Typical and repeated construction in Russia XVIII-XIX centuries. / S. S. Ozhegov. – Moscow : Stroyizdat, 1984. - 168 p.

12. Opolovnikov A.V., Opolovnikova E. A. Tree and harmony: Images of wooden architecture in Russia: KN. for youth. - Moscow: Firm "Opolo", 1998-207s.

13. Pilyavsky V. A. History of Russian architecture / V. A. Pilyavsky, A. A. Tits, Yu. s. Ushakov-Moscow: Architectura-S, 2003-511c.

14. The order of management on the state protection of objects of cultural heritage across the Tambov region of 20.09.2019 No. 198 "About establishment of the joint zone of protection of objects of cultural heritage of Federal value: "Church of the Intercession" (Kronstadt square, 5); " the Estate of Chicherin family, Con. XIX-beginning of XX centuries" (Sovetskaya street/Kronstadt street, d. 63 / 9a, d. 63A/9) and regional significance, located in the blocks bounded by streets Soviet, Kronstadt, A. Bebel, Leningrad, Embankment, Lermontov Tambov and approval of requirements to town-planning regulations within the territory of these zones".

15. The project of the joint zone of protection of objects of cultural heritage of the city of Tambov [Text]: research. projectn. work / LLC "parameter", E. M. Anokhina, L. V. Krieger, M. Yu. Dyakov, M. S. Fedorov. - Voronezh, 2014-arch No. 01-11-16 / 18

16. The list of objects of cultural heritage located in the territory of the Tambov region included in the unified state register of objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation. (as of 24.10.2019) Tambov (Website Department for state protection of cultural heritage in the Tambov region - pam.tmbreg.ru accessed 24.11.2019)

17. Justova E. I. Tambov: monuments of architecture. / E. I. Justova, M. M. Maksimov-Voronezh: Central Chernozem book publishing house, 1979-60s.

Internet resources

1. nalichniki.com -information about museums-reserves of wooden architecture in Russia. Date of access 01.12.2019;

2. mk.mosreg.ru -information about the " city-Museum " in Kolomna. Date of access 01.12.2019;

3. ru.wikipedia.org -information about the " city-Museum " in Kolomna. Dateofaccess 01.12.2019;

4. openyar.ru -information about the Museum-reserve "Zlatomesto" in Yaroslavl. Dateofaccess 01.12.2019.

POSSIBILITY TO CREATE A MUSEUM OF WOODEN ARCHITECTURE IN TAMBOV

T.V. Tolstova, G.A. Chesnokov, L.V. Kriger

Tolstova T.V., master student of the Department of composition and preservation of architectural and urban heritage, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +79034200780, e-mail: tanya.petrova515@ya.ru

Chesnokov G.A., Candidate of Architecture, Professor, Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, Voronezh State University, Russia, e-mail: chesnokov@mail.ru

Krieger L.V., associate Professor of the Department of composition and preservation of architectural and urban heritage, VSTU, Voronezh, Russia, tel. +79103429320, e-mail: kriglv@mail.ru

Statement of the problem. The article discusses the basic principles and experience of creating museums of wooden architecture, the possibility of their device and functioning in a modern large city.

Results and conclusions. Wooden and stone-wooden architecture is an important element in the historical and cultural heritage of the region, which in conditions of intensive development must be preserved. This study is aimed at identifying the most optimal historical quarter of Tambov, which could serve as the basis of the Museum-reserve of wooden architecture.

Keywords: wooden and stone architecture, architecture, restoration, history

ТИПЫ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ТЕНДЕНЦИИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ С УЧЁТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ РАЗВИТИЯ СРЕДЫ

М.С. Молодых, Я.В. Сердюк

Молодых М.С., ВГТУ, старший преподаватель, кафедра основ проектирования и архитектурной графики, Россия, Воронеж, тел.: 8(4732)36-94-90, e-mail: molodix@bk.ru
Сердюк Я.В., ВГТУ, магистр по специальности градостроительство направления «Архитектурно-градостроительные исследования и проектирование экологических систем «наследие-среда», Россия, Воронеж, e-mail: y.s.architectt@gmail.com

Постановка задачи. Выявление типов рекреационных пространств ВУЗов и тенденций их формирования.

Результаты и выводы. В статье рассмотрено состояние, особенности формирования рекреационных общественных пространств высших учебных заведений. Проведен анализ лучшего отечественного и зарубежного опыта организации рекреационных пространств ВУЗов.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, рекреационные пространства, проектирование, организация.

Введение

Обучение в высших учебных заведениях требуют от современного студента больших физических, психических затрат, проявления нравственной силы. Потому формирование особой творческой среды для жизни и работы, единого пространства для взаимодействия преподавателей, исследователей и студентов всегда являлось основной целью высшего образовательного учреждения. Тема создания комфортного пространства университета, которое бы располагало студента к продуктивной умственной деятельности и развитию собственного потенциала не только в учебные часы, но и в свободное время, очень актуальна.

Рекреационные пространства – это отражение человеческих стремлений. В спроектированной среде размещаются, интерпретируются и соединяются самые различные факторы современного социального мира. В настоящее время общественные рекреационные пространства в рамках высших учебных заведений, как объект исследования, активно изучаются, приобретая новые функции, но при этом не теряя своей организации.

Типы рекреационных пространств в высшем учебном заведении.

Территория любого университета - это уникальный объект архитектурной среды, который требует отдельного подхода и особого отношения при планировании.

Рекреация происходит от латинского слова *rescreatio* - «восстановление», «воссоздание», «обновление». Рекреационные пространства – это общественное место отвлечения и коммуникаций, выполняет функцию зрелищности, а также является местом выражения уникальных творческих способностей или потребностей человека. Такие зоны в структуре любых заведений раскрывают потенциал игрового, зрелищного, коммуникативного и иных начал, так как представляет собой особо благодатное для этого пространство. [1]

В рамках функционального подхода можно выделить следующие типы общественных рекреационных пространств в университете и на его территории (Схема 1):

1. Физкультурно-спортивные. Имеют не только рекреационную, но и оздоровительную функцию, так как являются точкой развития физических способностей студентов.

2. Включают в себя спортивные и тренажерные залы, бассейны, игровые и т.д.
3. Предприятия общественного питания.
4. Культурно-зрелищные.
5. Образовательно-познавательные. Это места для встреч, общения и самоподготовки. Состоит из университетской библиотеки, мастерских, зон коворкинга.
6. Развлекательные. Включают в себя парки, скверы, площади при университете, внутренний открытый или закрытый двор, переходные зоны, уличные амфитеатры. Может служить дополнительной площадкой для проведения студенческих мероприятий, летних занятий, мастер-классов, и т.д.
7. Зелёные пространства. В широком проявлении – это сформулированная концептуальная идея места, в узком – создание отдельных зелёных уголков для образования и рекреации. Составной их частью является зимний и ботанический сады, павильоны для естественных наук, зелёные лабиринты.
8. Тихие зоны отдыха. Места полного уединения и тишины для самоподготовки и расслабления.

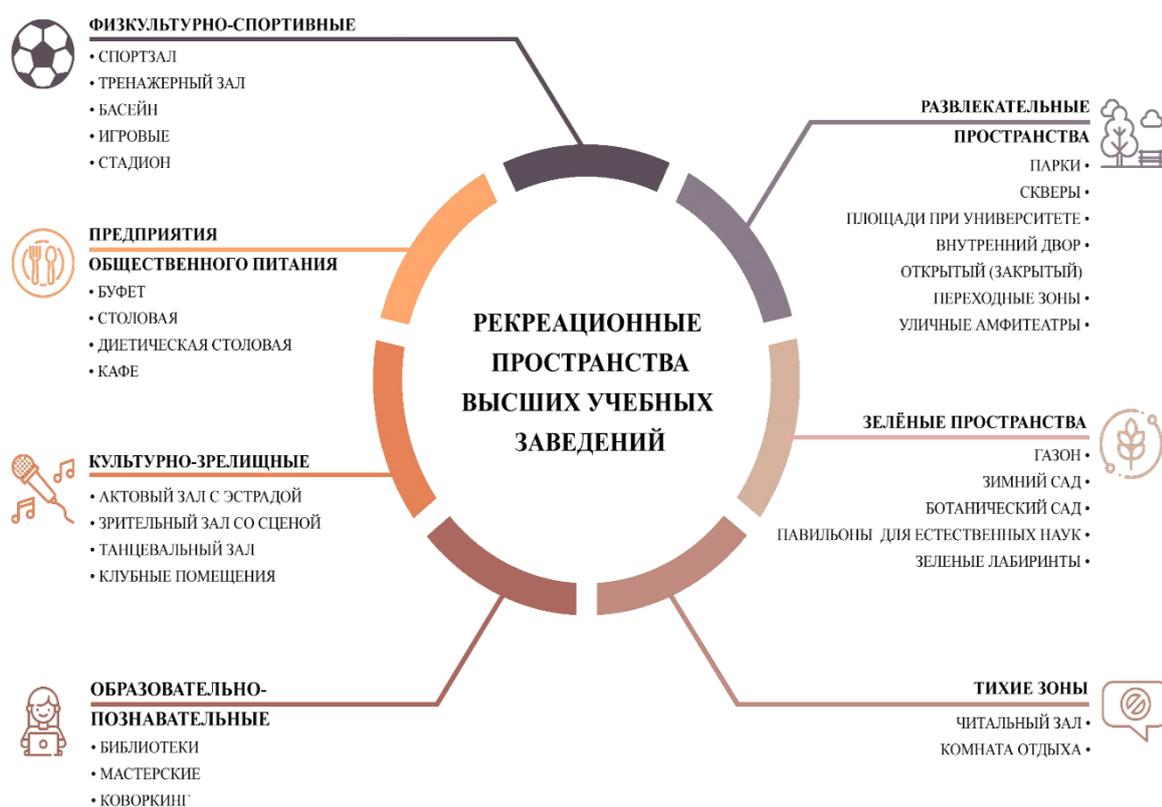

Схема 1. Типы рекреационных пространств высших учебных заведений

Рассмотрим и типизируем несколько примеров отечественных и зарубежных опытов формирования рекреационных пространств ВУЗов.

В Школе Дизайна Мельбурнского университета, что построен по проекту JohnWardleArchitects главной особенностью является Зал Студия. Это огромное атриумное пространство -хороший пример образовательно-познавательной зоны, главная точкой притяжения людей. Все его архитектурно-планировочные составляющие открывают новые

возможности для развития у студентов индивидуальных талантов и созидательных инициатив. Для совместной работы над проектами, общения и отдыха на первом этаже компактно расположены группы столов и диванов. Отдельные мебельные модули для небольших групп студентов спроектированы вдоль просторных галерей атриума, в то время как по периметру установлены протяженные «барные» столы для одиночной подготовки (рис. 1).

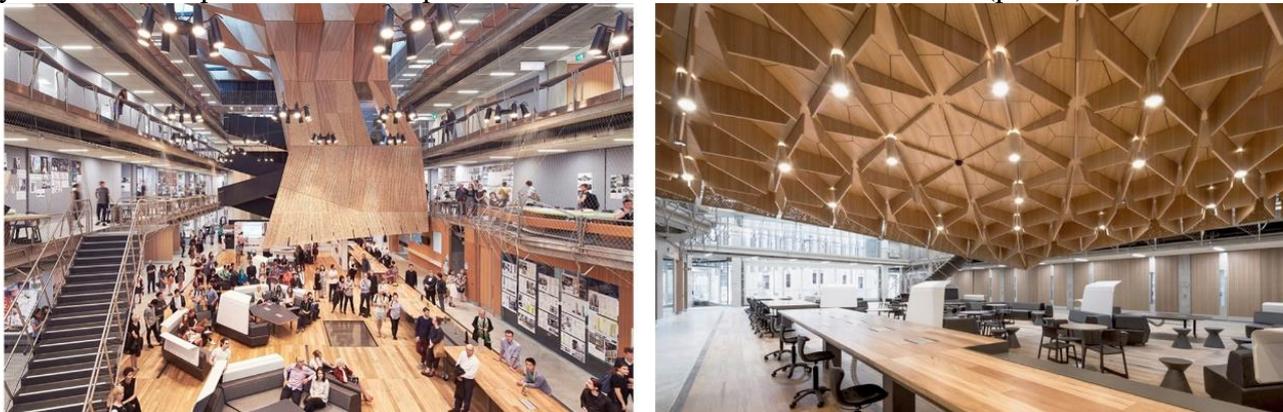

Рис. 1. Зал студия Школы дизайна Мельбурнского университета

Уникальным по качеству проектирования, по мнению Design Awards 2016, является университетский городок Райерсона в Торонто. Все высшее учебное заведение представляет собой общественное пространство. Кампус состоит из восьми этажей с неповторимым дизайном, которые дают студентам и преподавателям благоприятные места для совместной работы, обмена идеями и отдыха.

Каждый этаж данного высшего учебного заведения предлагает различные типы пространств со своей уникальной атмосферой, названием, темой и наполнением. Например, название одного из главных рекреационных пространств – «Берег», отражается в его архитектурных решениях. Для отделки мест отдыха студентов архитекторы и дизайнеры использовали светлые материалы, ассоциирующиеся с белым песком, а отделка пола имитирует морскую поверхность. Для имитации береговой линии был создан амфитеатр бионической формы, а панорамное остекление создало ощущение безграничной дали.

В главном холле университета Райерсона архитекторы использовали современную методику создания «открытых», общедоступных пространств. В учебное время амфитеатр со сценой является платформой для отдыха и реализации творческих потребностей студенческих объединений, а при необходимости выступает в качестве площадки для проведения мероприятий городских активистов.

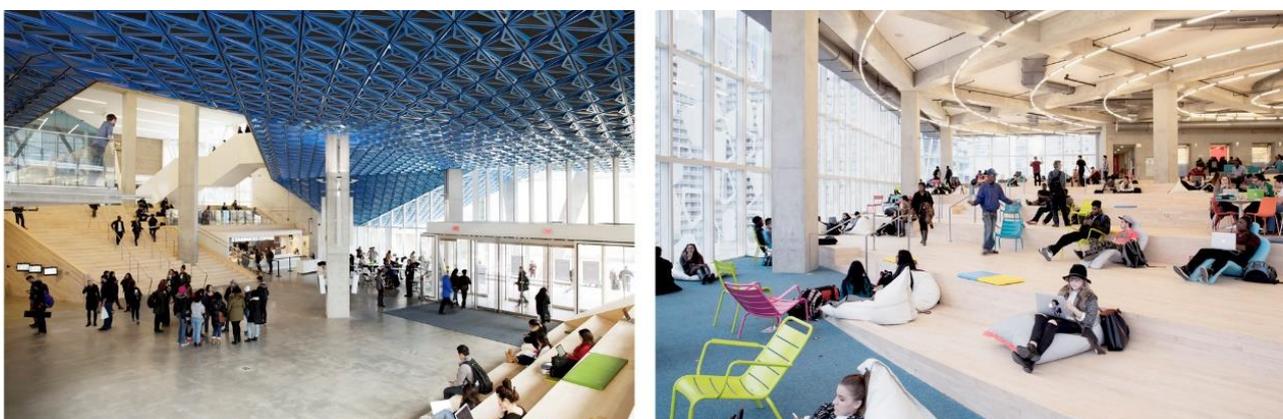

Рис. 2. Многофункциональное пространство Университета Райерсона в Торонто, Канада

Успешно реализованным проектом можно считать Кампус Сингапурского университета технологий и дизайна, созданный архитекторами UNStudio. Главной задачей было объединение людей разных специальностей. В проекте был сделан акцент на развитие совместного творчества, поэтому бóльшая часть аудиторий многофункциональны. Таким образом создаются условия для совместного времяпровождения студентов различных направлений. Кроме того, это отличный пример развлекательного экологичного пространства, так как все коридоры и внутренние дворы насыщены различными видами растений.

Рис. 3. Внутренние дворы Сингапурского университета технологий и дизайна

Автор проекта Бен ван Беркеля говорит: «Основной концепцией проекта было создание кампуса, который продвигает преподавание и учебу в открытой и прозрачной форме. Сетка горизонтальных, вертикальных и диагональных перспективных видов в пределах двойной прямоугольной организации кампуса дает возможность профессорам, студентам и преподавателям видеться и общаться друг с другом». [2]

Интересную концепцию создали датские архитекторы HenningLarsen в своем проекте Университета в Кольдинге. Они сделали акцент на культурно-зрелищной функции пространства, и предусмотрели в системе университета уникальную открытую площадку для городских событий, выставок и концертов.

Основной точкой притяжения и самой большой аудиторией всего комплекса является 5-ти этажный атриум. Площадь первого этажа легко трансформируется в сцену для проведения внутренних мероприятий и занятий, а смещенное положение лестниц и балконов по всей высоте атриума используется как места для просмотра (рис.4). По периметру разбросаны места для отдыха, уединения и самообучения.

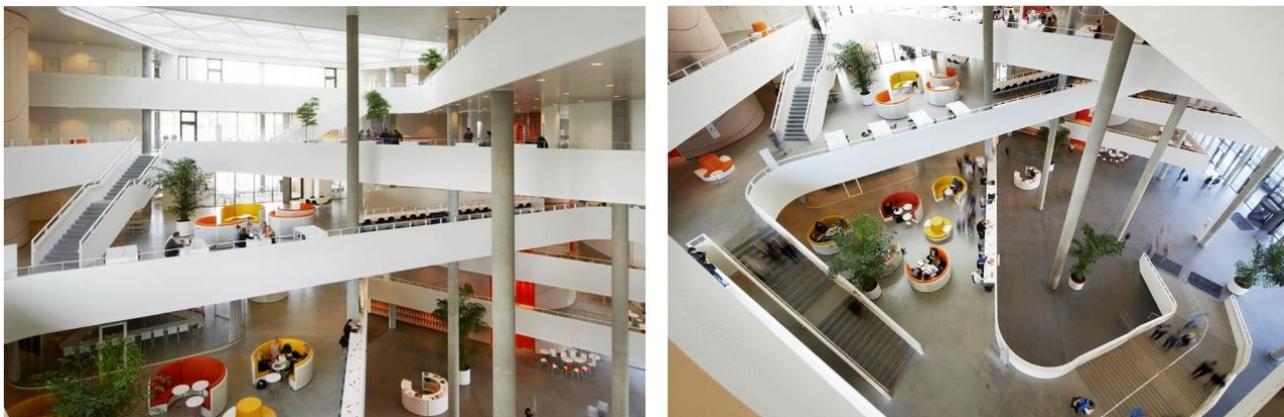

Рис. 4. Пространство Университета Южной Дании в Кольдинге

Известный проект Московской школы управления «Сколково» архитектора Дэвида Алджае отличается сложной пространственной структурой и монументальностью объемов. Для объединения всех корпусов был использован остекленный диск первого этажа. Его прозрачность позволила визуально расширить пространство и создать связь между студентом и природой. Недаром школа располагается в благоустроенном парке у водоема в окружении лесных массивов.

Контрастные объемы сказываются на внутренних планировочных решениях школы. Бионические формы первого этажа предназначены для рекреации и свободного времяпровождения. Все функциональные зоны плавно перетекают друг в друга, что отражается в интерьерных решениях. Это, в свою очередь, противопоставляется строгому членению учебных блоков верхних этажей.

Рис. 5. Московская школа управления «Сколково» в России

Немаловажная тенденция пространственной организации – это открытые места на территории университета. Примером такого принципа является университет Глазго, Шотландия. Студенты и жители города свободно перемещаются по остекленным галереям между зданиями университета, тем самым имея возможность наблюдать за всем, что происходит вокруг и ощущать свою причастность к местной жизнедеятельности.

Тенденции формирования рекреационных пространств в высшем учебном заведении.

Для студента очень важно чередовать свой рабочий процесс с отдыхом. Рекреационные пространства должны быть трансформируемы и разнообразны, а также отвечать потребностям людей и типам их деятельности. Университет должен предлагать разнообразные возможности отдыха для студентов и преподавателей. Благодаря этому создается творческая атмосфера для работы и рекреации вне основных занятий, что способствует продуктивному развитию потенциала каждого человека. Студенты должны чувствовать принадлежность к этим пространствам и ощущать возможность взаимодействия и влияния на них. Среда оказывает воздействие на формирование сознания человека, потому важно создать такую среду, что будет адаптироваться под нужды обучающихся, а также отвечать потребностям времени. На основе анализа, можно выделить следующие современные тенденции формирования рекреационных пространств в высшем учебном заведении (Схема 2):

1. комфорт, 2. безопасность, 3. доступность, 4. трансформируемость, 5. визуальная привлекательность, 6. экологичность, 7. диалектичность.

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ВУЗОВ

Схема 2. Тенденции формирования качественных рекреационных пространств ВУЗов

Пространства порождают различные культурные и социальные отношения. Формирующуюся среду удобно рассматривать как определенный набор неких объектов. Таким образом, ее части образуются в некую систему, благодаря которой можно проследить связи между культурой и обществом, а также лучше понять динамику развития той или иной среды.

Спроектированная среда – это коммуникативная система. Проектирование среды можно частично рассматривать как процесс шифрования информации, которая в будущем может быть легко декодирована любого возраста и миропонимания. Посредством материальной, визуальной культуры передаются впечатление и образ, а грамотное соотношение пространственных и физических свойств места отражает аспекты социальной жизни.

Архитектор Алистер Блит в своих исследованиях отмечает, что «физическая среда помогает образовательному процессу и развитию навыков. Концепция пространства университета должна строиться как часть концепции развития городского пространства. Исследователи, которые занимаются пространствами для образования, видят свою миссию в том, чтобы вывести людей из закрытых пространств, дать им возможность общаться и взаимодействовать, сделать обучение и отдых более общественным». [4]

Важной частью образовательного процесса является не только формальное обучение, но и неформальное познание в процессе отдыха. Доктор педагогических наук и руководитель управления по созданию образовательного комплекса «Сколково» Елена Булин-Соколова в своих исследованиях обращает внимание на то, что «...целью образования становится формирование у студентов комплекса навыков, связанных с несколькими дисциплинами одновременно, на что, безусловно, влияет окружающая среда университета. Но эти навыки требуют других пространств и другого отношения к оснащению этих пространств. Все помещение должно быть архитектурно приспособлено для решения образовательных задач». [5]

Вывод

Исследуя данную тему, можно сделать вывод, что университетам необходимы такие рекреационные пространства, что отвечали бы потребностям времени, трансформировались под нужды студентов, и образовывали в системе университета открытую уникальную среду для длительного времяпровождения. Студенты должны чувствовать комфорт и безопасность, а также свою возможность влияния на окружающее место. Неформальное обучение в процессе отдыха и совместная работа над общими проектами в таких визуально-привлекательных пространствах может стать катализатором развития полезных навыков у студентов, а также способствовать качественному отдыху.

Библиографический список

1. Феномен рекреации в искусстве, архитектуре, дизайне / Легенький, Ю.Г. [Электронный ресурс]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/legenkij.htm
2. Типы общественных пространств в современном университетском кампусе / Полей Е.С. [Электронный ресурс]. URL: <https://elima.ru/articles/?id=76>
3. Архитектурно-градостроительные качества научно-образовательных пространств / Пучков М.В. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnogradostroitelnye-kachestva-nauchno-obrazovatelnyh-prostranstv/viewer>
4. Пространства для обучения: открытость и функционализм / Иванова А.Е. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/65119598.html>
5. Булин-Соколова Е.И. Институт новых технологий образования. Философия и практика // Информатика и образование. – М., 1998. - №2. - с. 19-23.
6. Мукин В.А. Концепция университетского социального пространства.: Кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра философии, социологии и педагогики. – Чебоксары, 2017. – С. 137
7. А.Е. Енин. Инновационные методы формирования образовательной среды высших учебных заведений/ Салько А.В// Архитектурные исследования. 2017. № 2 (10). С. 22-34.

Bibliographic list

1. The Phenomenon of recreation in art, architecture, design / legenkij, Yu. G. [Electronic resource]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/legenkij.htm
2. Types of public spaces in the modern University campus / E. S. Fields [Electronic resource]. URL: <https://elima.ru/articles/?id=76>
3. Architectural and urban planning qualities of scientific and educational spaces / Puchkov M. V. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnogradostroitelnye-kachestva-nauchno-obrazovatelnyh-prostranstv/viewer>
4. Spaces for learning: openness and functionalism / Ivanova A. E. [Electronic resource]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/65119598.html>
5. Bulin-Sokolova E. I. Institute of new technologies of education. Philosophy and practice // Informatics and education, Moscow, 1998, no. 2, pp. 19-23.
6. Mukin V. A. the Concept of University social space.: Candidate of physical and mathematical Sciences, associate Professor, Department of philosophy, sociology and pedagogy. – Cheboksary, 2017. – P. 137
7. A.E. Enin. Innovative methods of shaping the educational environment of higher education institutions / Salko A.V// Architectural research. 2017. No 2 (10). P. 22-34.

TYPES OF RECREATIONAL SPACES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND TRENDS IN THEIR FORMATION TAKING INTO ACCOUNT MODERN REQUIREMENTS OF ENVIRONMENT DEVELOPMENT

M. S. Molodykh, Y. V. Serdyuk

Molodykh M. S., VSTU, senior lecturer of Department of Bases of architectural design and architectural graphics, Voronezh, Russia, tel.: 8(4732)36-94-90, e-mail: molodix@bk.ru

Serdyuk Ya. V., VSTU, master's degree in urban planning, direction " Architectural and urban planning research and design of environmental systems "heritage-environment", Russia, Voronezh, e-mail: y.s.architectt@gmail.com

Formulation of the problem. Identification of types of recreational spaces of higher education Institutions and trends in their formation.

Results and conclusions. The article considers the state and features of the formation of recreational public spaces of higher educational institutions. The analysis of the best domestic and foreign experience in organizing recreational spaces of Universities is carried out.

Keywords: higher education institutions, recreational spaces, design, organization.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ КОРРЕКТИРОВКА ПРОПОРЦИЙ ФАСАДА СУЩЕСТВУЮЩЕГО ЗДАНИЯ

А.А. Шаталов, И.М. Немухина, Л.А. Черепова

*Шаталов А.А., канд. техн. наук, профессор кафедры основ архитектурного и художественного проектирования, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета,
e-mail: shatalov_iarhi@mail.ru, aashatalov@sfnu.ru*

*Немухина И.М., аспирант, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета,
e-mail: iranemuhina@mail.ru*

*Черепова Л.А., студент, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета,
e-mail: liyacherepova97@gmail.com*

Постановка задачи. В предлагаемом исследовании предпринята попытка улучшения визуального восприятия композиции фасада существующего здания за счёт незначительной корректировки его пропорций. Объектом для эксперимента был выбран фасад частного жилого дома «Резиденция у гавани» («Harbour Heights Residence»), Канада, архитектурное бюро Omar Gandhi Architect. Предварительно выполненный анализ исходной композиции не выявил какой-либо единой пропорциональной концепции, что создало для авторов статьи возможность относительно свободной реализации собственных пропорциональных предпочтений. В качестве критерия для оценки восприятия были приняты результаты анкетного опроса.

Результаты и выводы. Проведенный эксперимент показал возможность заметного улучшения визуального восприятия фасада нюансной корректировкой его пропорций (в среднем на 25% по результатам анкетного опроса, охватившего в общей сложности более 100 человек).

Ключевые слова: архитектура, композиция, пропорции.

Введение

Данная публикация продолжает серию работ, посвященных выявлению корреляций между особенностями пропорционально-геометрических структур и уровнем позитивности их восприятия зрителями. Необходимо отметить, что достаточно устойчивые результаты, относящиеся к данной тематике, ранее были получены некоторыми из авторов данной статьи при анализе относительно простых геометрических архитектурно-подобных структур, фотографий архитектурных объектов, а также при анализе реальных исторических объектов, в частности, при исследовании фасадов Северного Зеленчукского храма (см. [6, с. 108-112], [7, с. 23-28], [8, с. 66-69] и другие статьи).

Что касается предлагаемой статьи, то в ней описываются результаты пропорциональной корректировки фасада существующего жилого здания, выполненной без существенного изменения состава его композиционных элементов и при этом с применением главным образом нюансных изменений размеров этих элементов. За критерий оценки позитивности восприятия были приняты результаты анкетного опроса. В качестве респондентов был задействован 101 человек, из которых 66 имели архитектурное или дизайнерское образование либо обучались на соответствующих специальностях (далее «эксперты»), 35 такого образования не имели и им не обучались («не эксперты»).

Принципы корректировки пропорций

Основной задачей вводимых нами корректирующих изменений было увеличение количества углов в 36° и 18° , построенных на характерных точках. Причины этого следующие. Как известно, угол в 36° - это угол звездчатого пятиугольника (пентаграммы), которая, в свою очередь, пронизана отношениями золотого сечения (Φ).

Таким образом, использование угла 36° можно считать опосредованной визуальной ссылкой на Φ . Необходимо отметить, что роли пентаграммы и соответствующего выпуклого правильного пятиугольника было ранее уделено пристальное внимание в широко известных монографиях, прежде всего, Э. Мёсселя и, опосредовано, Н. И. Брунова (см. [2, с. 16-18 и другие] и [1, с. 7]).

Кроме того, вопрос о значимости для позитивного восприятия связанных с пентаграммой углов в 36° и 18° был неоднократно исследован нами ранее (см. уже упомянутые ранее в этой статье публикации [6, с. 108-112], [7, с. 23-28]), [8, с. 66-69] и другие). При этом во всех этих исследованиях были выявлены устойчивые корреляции между количеством таких углов и уровнем одобрения композиционных структур со стороны респондентов.

Примечательно, что анализ полученных нами результатов анкетирования неоднократно показывал даже приоритет структур, основанных на углах в 36° и 18° , над структурами, построенными непосредственно по принципу золотого сечения.

Отметим, что приоритет эстетической значимости непосредственного применения золотого сечения подвергается определённому сомнению также и в работе другого автора [4, С. 188-193].

Исходя из изложенного, приоритет примененных корректировок был связан прежде всего с увеличением количества углов 36° и 18° , достигаемого за счёт сдвижки характерных точек, и, соответственно, изменении пропорциональных характеристик крупных композиционных элементов, однако при этом авторы по возможности старались сохранять уже существующие в композиции пропорциональные отношения.

Выбор объекта для эксперимента

Для экспериментальной корректировки был выбран лаконичный, но обладающий развитым силуэтом боковой фасад частного жилого дома «Резиденция у гавани» в Канаде («Harbour Heights Residence», архитектурное бюро Omar Gandhi Architect [3, с. 1-6]). Дом построен на вершине холма, у него относительно простой, построенный на прямых углах план, основной объем имеет традиционную форму, создаваемую двухскатной кровлей. Стены и кровля снаружи покрыты дранкой из красного кедра, декоративные элементы отсутствуют. Здание расположено на участке с перепадом высот около трёх метров, из-за чего со стороны дороги он выглядит одноэтажным, а со стороны склона - двухэтажным. Предварительно выполненный пропорциональный анализ исходного фасада показал наличие золотого сечения (положение конька кровли, создающего разбивку золотого сечения по общей длине фасада), функции Жолтовского и нескольких прямоугольников, соответствующих принципу динамической симметрии Хэмбиджа, также замечено эпизодическое появление углов в 36° . Изображение принятого для эксперимента бокового фасада приведено на рис. 1-а.

Варианты корректировки

Перейдём теперь к описанию особенностей двух вариантов пропорциональной корректировки. Поскольку целью авторов статьи была попытка улучшить восприятие путем незначительных изменений фасада, мы не прибегали ни к функциональному изменению плана объекта, ни к введению большого количества дополнительных элементов. Таким образом, наши корректировки теоретически не должны были повлечь существенного удорожания строительства. Исходя из этого, нами были разработаны 2 варианта пропорциональной корректировки (рис. 1-б и 1-в).

Первый из них (рис. 1-б) намеренно не включал какие-либо дополнительные композиционные элементы, применялись только незначительные изменения размеров, что естественным образом приводило к изменению взаимного расположения характерных точек на фасаде, а значит, могло создавать дополнительные пропорциональные соотношения в композиции в целом.

Во втором варианте (рис. 1-в) произведённые изменения значительнее, кроме того, в композицию был введён один дополнительный композиционный элемент (небольшой прямоугольный оконный проем на глухой простенке, слева от основного объема, имеющего двускатную кровлю). Его введение породило дополнительные характерные точки, наиболее значимой из которых, в силу небольших размеров окна, можно считать центр соответствующего прямоугольника.

Далее исходный фасад и две его корректировки условно будем обозначать «фасад I», «фасад II» и «фасад III».

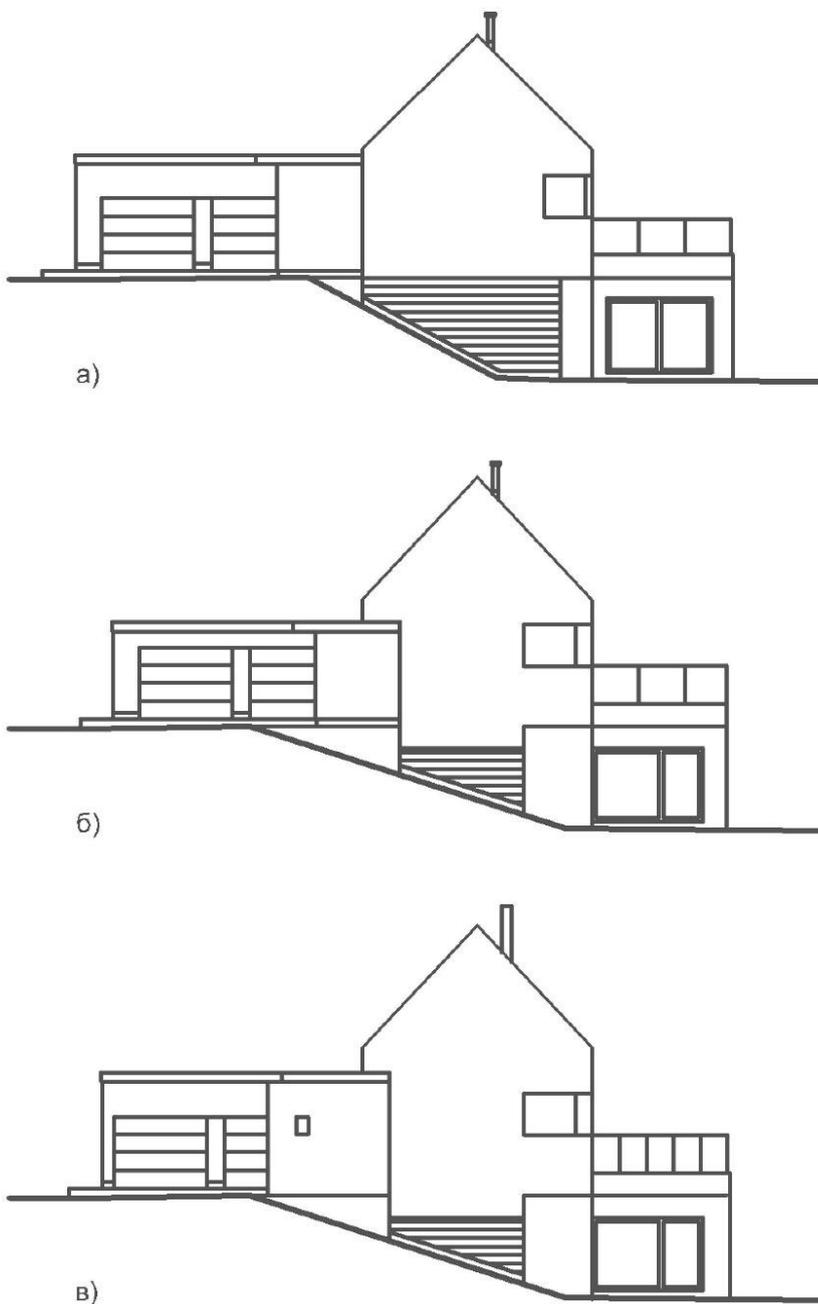

Рис. 1. Исходный фасад и его пропорциональные корректировки:

- а) фасад дома «Резиденция у гавани» («фасад I»);
- б) корректировка без введения дополнительных композиционных элементов («фасад II»);
- в) корректировка с дополнительным композиционным элементом («фасад III»)

Пропорциональный анализ двух выполненных корректировок с показом углов 36° и 18° представлен на рис. 2.

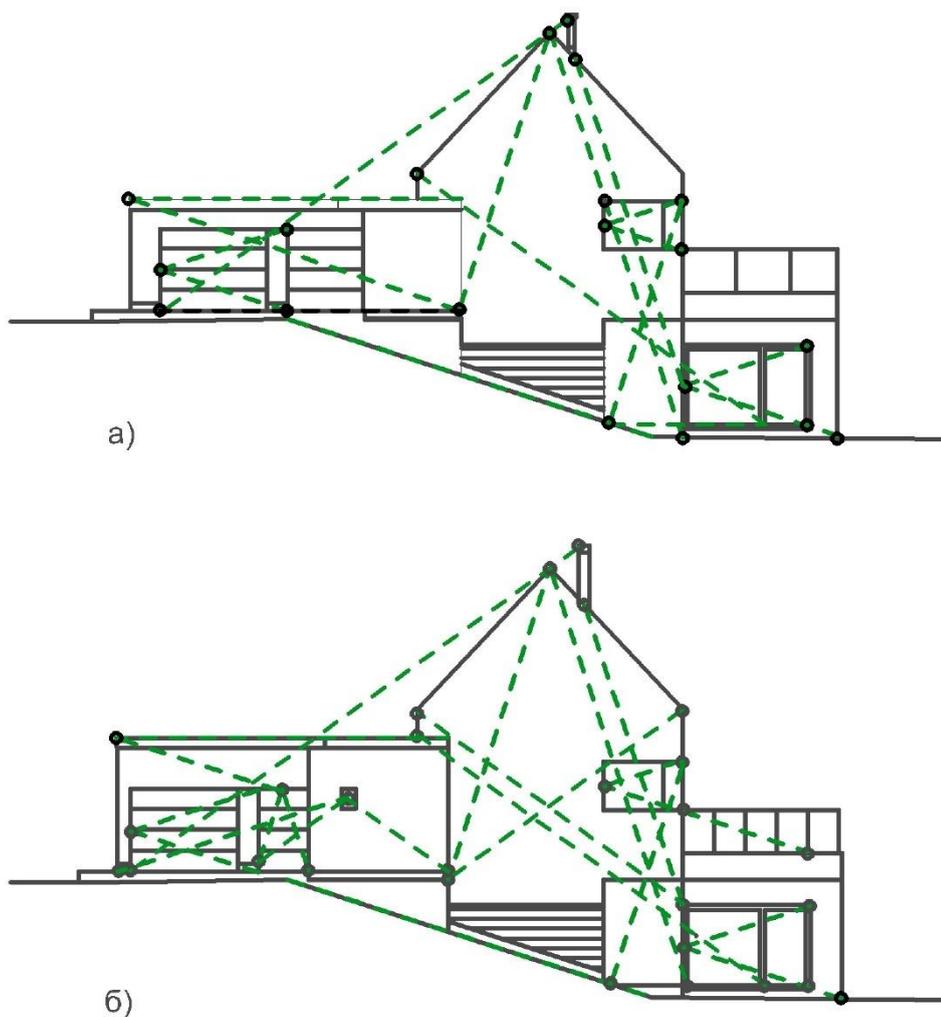

Рис. 2. Пропорциональный анализ корректировок исходного фасада на основе увеличения количества структурных углов величиной 36° и 18° :
 а) корректировка, выполненная с незначительными изменениями и без дополнительных элементов («фасад II»);
 б) корректировка с введением дополнительного композиционного элемента («фасад III»).

Оценка результатов (анкетирование)

В проведенном анкетировании респондентам было предложено оценивать гармоничность исходного и обоих модифицированных фасадов по шкале от 1 до 3 баллов (3 балла – наиболее гармоничный).

В качестве респондентов выступали люди различных сфер деятельности, которых мы условно поделили на "экспертов" – людей архитектурно-художественных, творческих специальностей – и "не экспертов" – людей, не связанных с архитектурой и другими сферами художественной деятельности. Всего был опрошен 101 человек, в числе которых было 66 «экспертов» и 35 «не экспертов». Результаты анкетирования приведены в таблице ниже.

Результаты анкетирования

Фасадные композиции	Сумма набранных баллов		
	Эксперты	Не эксперты	Всего
Исходная композиция (фасад I)	107	66	173
Умеренная корректировка (фасад II)	143	60	203
«Продвинутая» корректировка (фасад III)	146	85	231

Анализ результатов

Как для «экспертов», так и для «не экспертов» фаворитом стал фасад III («продвинутая» корректировка), при этом у «экспертов» лишь немногим меньше баллов набрал фасад II (умеренная корректировка), а оригинальный фасад I набрал наименьшее количество баллов. Примечательно, что всего 12 экспертов из 66 отметили оригинальный фасад как наилучший из представленных. Для не экспертов фаворитом стал так же фасад III, а фасады I и II набрали почти одинаковое количество баллов, причем исходный фасад был оценен даже несколько выше. Таким образом, в целом восприятие композиции оригинального фасада действительно удалось улучшить такой корректировкой положения характерных точек, которая способствовала увеличению количества углов, равных 36° и 18° .

Выводы

1. Проведенный эксперимент показал возможность заметного улучшения визуального восприятия фасада нюансной корректировкой его пропорций (в случае фасада III примерно на 25%).
2. Полученные результаты вполне согласуются с ранее полученными, приведенными, в частности, в наших более ранних публикациях: [6, с. 108-112], [7, с. 23-28], [8, с. 66-69] и других.

Дополнения

При выполнении анализа пропорций применялись стандартные инструментальные возможности пакета AutoCAD и специальные программные средства, разработанные одним из авторов этой статьи для подобных исследований [5, с. 79-84].

Исследование было проведено по плану работы студенческого научного общества "Пропорции и композиция", научный руководитель: кандидат технических наук, профессор кафедры ОАХП ААИ ЮФУ А. А. Шаталов.

Библиографический список

1. Брунов Н. И. Пропорции античной и средневековой архитектуры. М.: Издательство Всесоюзной Академии Архитектуры, 1936. — 135 с.: илл.
2. Мёссель Э. Пропорции в Античности и в Средние века. М.: Издательство Всесоюзной Академии Архитектуры, 1936 – 258 с.
3. Дом-сарай в Канаде [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.magazindomov.ru/2017/10/22/dom-saraj-v-kanade/> (дата обращения: 23.03.2018).

4. Радзюкевич А.В. К вопросу об эстетической значимости пропорции золотого сечения//Региональные архитектурно-художественные школы, 2016, №1. Новосибирск: издательство Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. С. 188-193. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27215848&> (дата обращения: 23.05.2020).
5. Шаталов А. А. Апробация программного LISP-модуля для анализа пропорций участниками СНО «Пропорции и композиция»// Инновации в образовательном пространстве: опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. ст. /отв. и научн. ред. В. А. Адольф. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017.С.79-84. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipi.sfu-kras.ru/images/stories/library/Инновации_в_образовательном_пространстве_2017.pdf (дата обращения: 18.06.2020);
6. Шаталов А.А., Демкина Е.А. Исследование восприятия пропорциональных систем // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: издательство: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала "Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук", 2016. С. 108-112.[Электронный ресурс]– Режим доступа:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26273367> (дата обращения: 23.05.2020).
7. Шаталов А. А., Моисеева А. А. Анализ фотографий современной архитектуры на наличие пропорциональных систем//Художественное пространство XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией М.М. Новиковой. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск), 2020. С. 23-28. [Электронный ресурс]– Режим доступа:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42914009> (дата обращения: 23.05.2020).
8. Шаталов А. А., Немухина И. М., Черепова Л. А. Пропорционирование в храмовом зодчестве Северного Кавказа на примере Зеленчукских храмов в с. Нижний Архыз//Заметки ученого, 2017, № 1 (17). Ростов-на-Дону: издательство Южный университет (ИУБиП). С. 66-69. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29901245> (дата обращения: 23.05.2020).

Bibliographic list

1. Brunov N. I. The proportions of ancient and medieval architecture. М.: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture, 1936. - 135 pp., Ill.
2. Mössel E. Proportions in Antiquity and the Middle Ages. М: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture, 1936 - 258 p.
3. House-shed in Canada [Electronic resource] – Access mode: <http://www.magazindomov.ru/2017/10/22/dom-saraj-v-kanade/> (accessed: 03/23/2018).
4. Radzyukevich A.V. To the question of the aesthetic significance of the proportion of the golden ratio // Regional Architectural and Art Schools, 2016, No. 1. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts. S. 188-193. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27215848&> (accessed: 05.23.2020).
5. Shatalov A. A. Testing the software LISP-module for the analysis of proportions by participants of the SSS “Proportions and Composition” // Innovations in the educational space: experience, problems, prospects: collection of articles. scientific Art. / holes and scientific ed. V.A. Adolf. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017.P. 79-84. [Electronic resource].
6. Shatalov A.A., Demkina E.A. The study of the perception of proportional systems // Actual problems of the humanities and natural sciences. М.: publishing house: Scientific Information Publishing Center and the editorial board of the journal "Actual problems of the humanities and

natural sciences", 2016. P. 108-112. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26273367> (accessed date: 05.23.2020).

7. Shatalov A. A., Moiseeva A. A. Analysis of photographs of modern architecture for the presence of proportional systems // Art space of the XXI century: problems and prospects. Materials of the International scientific-practical conference. Edited by M.M. Novikova. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2020.P. 23-28. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42914009> (accessed date: 05.23.2020).

8. Shatalov A. A., Nemukhina I. M., Cherepova L. A. Proportioning in the temple architecture of the North Caucasus by the example of Zelenchuksky temples in the village. Nizhny Arkhyz // Notes of the scientist, 2017, No. 1 (17). Rostov-on-Don: Southern University Publishing House (IUBiP). P. 66-69. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29901245> (accessed: 05.23.2020).

EXPERIMENTAL CORRECTION OF THE FACADES OF THE EXISTING BUILDING

A. A. Shatalov, I. M. Nemukhina, L. A. Cherepova

Shatalov A. A., Ph.D., professor of the Department of Fundamentals of Architectural and Artistic Design, Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, e-mail: shatalov_iarhi@mail.ru, aashatalov@sfedu.ru

Nemukhina I. M., graduate student of the Department of Urban Planning, Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, e-mail: iranemuhina@mail.ru

Cherepova L. A., student, Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, e-mail: liyacherepova97@gmail.com

Formulation of the problem. In the proposed study, an attempt was made to improve the visual perception of the composition of the facade of an existing building due to a slight adjustment of its proportions. The facade of the Harbor Heights Residence, Canada, Omar Gandhi Architect bureau, was chosen as the object of the experiment. A preliminary analysis of the original composition did not reveal any single proportional concept, this situation created for the authors of the article the possibility of relatively free realization of their own proportional preferences. As a criterion for assessing perception, the results of a questionnaire survey were assumed.

Results and conclusions. The experiment showed the possibility of a noticeable improvement in the visual perception of the facade by nuanced adjustment of its proportions (on average by 25% according to the results of a questionnaire survey, covering a total of more than 100 people).

Key words: architecture, composition, proportions.

К ПОНИМАНИЮ АР-ДЕКО КАК ГЛОБАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

П.В. Капустин

Капустин П.В., ВГТУ, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, канд. арх., проф., зав. кафедрой, Россия, Воронеж, тел.: 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Постановка задачи. В осмыслении процессов становления архитектурно-проектировочной профессии, т.е. перехода, совершённого деятельностью от ремесла к проектно-ориентированной практике, решающим звеном является трансформация авангардных импульсов - во многом разрушительных и нонконформистских - в позитивную и постоянную энергию повседневного функционирования. Новый профессионализм формируется довольно быстро, за первую половину XX в., но его движение сохраняет ещё массу загадок. К их числу относится феномен ар-деко, переосмысление которого стало в последние годы одной из значимых тем теоретико-критической мысли в России.

Результаты и выводы. Показана идейная, концептуальная атмосфера эпохи формирования ар-деко, рассмотрены его отношения с авангардом. Обсуждаются основные существующие тенденции понимания ар-деко, их неудовлетворительность. Утверждается возможность и необходимость рассмотрения феномена ар-деко в значительно большем историческом и идейном контексте, нежели это принято сегодня. Вместе с тем, отмечается несовершенство термина "ар-деко" для обозначения значительного этапа или даже устойчиво воспроизводящегося состояния проектно-художественной культуры.

Ключевые слова: ар-деко, авангард, модернизм в архитектуре, вкус и стиль в архитектуре, китч и кэмп, переосмысление истории архитектуры, теория архитектуры, генезис проектирования.

Введение

Архитектура и искусство ар-деко привлекают в последнее время всё больше внимания. Современные исследователи с удивлением обнаруживают почти полное отсутствие серьезного изучения этого пласта архитектуры XX века в исторических и теоретических сочинениях его современников и их ближайших последователей. Напрасно было бы искать хоть сколь-либо развёрнутые описания ар-деко в многотомной фундаментальной "Всеобщей истории архитектуры". Так, том 11, посвящённый зарубежному XX веку, в главах об архитектуре ключевых для ар-деко стран - Франции, США - обходится без упоминаний и без иллюстраций этого яркого и неоднозначного феномена [1]. Отсутствие квалифицированного осмысления ар-деко, осуществлённого вовремя, привело в наше время к другой крайности - к культу его почитания в качестве высокого эстетического достижения, как направления, стиля или даже эпохи, чьи плоды достойны быть чуть ли не образцами подражания. Тотальное замалчивание и неумеренное превознесение - две стороны одной медали, свидетельствующей о едва ли не полном непонимании феномена ар-деко.

Непонимание охватывает как причины его появления, так и его реальное влияние на архитектурно-художественную культуру XX века, - влияния, достигающего и наших дней. Реабилитация ар-деко, начавшаяся с моды на "стиль" в архитектуре и дизайне интерьеров последнего десятилетия, не проясняет вопросы, а лишь способствует сведению феномена к одному из формально-стилистических ансамблей в арсенале эклектически работающего архитектора или дизайнера. Упомянутый недавний культ ар-деко уже создал миф о нём как о направлении, отличающемся особенно изысканным вкусом и, разумеется, закрепил представление об ар-деко как *стиле*, что не выдерживает критики со стороны историко-теоретического знания. Этимология слова привела к широкому распространению мнения, что ар-деко это, собственно, и есть *декоративное искусство*, и это курьёзное мнение - единственная "расширительная" тенденция в сегодняшнем употреблении термина.

Преобладают же тенденции сужения как ареала распространения ар-деко (до явления, присущего той или иной стране, прежде всего - Франции), так и его хронологических рамок (обычно - 20-30 гг.).

Однако, феномен не поддаётся ни географической, ни политико-идеологической, ни темпоральной локализации. Он не вмещается в категорию стиля, не ограничивается тем или иным набором формально-стилистических признаков. Но, и это главное, - место и роль ар-деко в эволюции архитектуры, дизайна и проектной культуры в целом вовсе не сводится к частному направлению, однажды возникшему, надолго забытому и теперь по прихоти истории вспоминаемому. Напротив, его присутствие в культуре XX в. и его влияние на последующие события фундаментальны, а его место в эволюции современной архитектуры ещё ждёт новых, парадоксальных открытий.

Инверсия света и тени

Апологии архитектурного модернизма таких авторов, как Н. Певзнер, А. Сарторис, Г.Р. Хичкок, З. Гидион, М. Рагон, А. Уиттик, К. Фремpton, Ю. Ёдике, Б. Дзеви, А. Христиани, Л. Беневоло, А. Дрекслер, К. Зигель, Р. Бэнэм, А.В. Иконников, С.О. Хан-Магомедов и др., создают впечатление поступательного и героического шествия новых идей, сметающего на своём пути заблуждения, китчи и ереси. Ар-деко там предстает как частная ересь, одна из многих. Рядом с ним упоминаются неоклассицизм, архитектура итальянского "Литторио", сталинского "ампира", гитлеровского имперского стиля и прочее. Если верить идеологиям модернизма, ар-деко, равно как и неоклассицизм XX в., влачили жалкое существование в тени "рационалистической архитектуры", вершиной которой явилось героическое "Современное движение".

Но если прекратить выстраивать псевдо оппозиции и ложные дефиниции (чаще всего – идеологические в своих истоках) и посмотреть на ар-деко в целом – от тоталитарий до отелей Майами, то мы получим действительность потрясающей силы, не оставляющую от мифа (бэнэмовского, гидионовского и др.) о модернизме камня на камне. Поэтому критики уже более полувека и не дают собраться своим антагонистам во что-то внятно целое, потому и разводят в стороны различные течения и "крылья" ар-деко. Так, противопоставляют всю авторитарную и тоталитарную архитектуру XX столетия легкомысленному стилю "Одеонов", европейский ар-деко конца 1920-х – американскому коммерческому 1930-50-х, стиль А. Шпеера – стилю Б. Иофана, Иофана – Мельникову, тяжеловесность 1930-х – стайлингу 1950-х, массивность архитектуры – стримлайну техники, etc. Ар-деко как целое – лес, который не видно за деревьями.

Эволюция, нюансы, даже противоречия ар-деко очевидны, но это противоречия и нюансы одного эволюционирующего организма. В конце концов, разве "Современное движение" или даже "Интернациональный стиль" так уж целостны? Разве Корбюзье не противоречит Мису и даже самому себе? Разве он (как и Баухауз, как и конструктивисты) не эволюционировал? Более того, в этой очевидной эволюции завзятых модернистов всё ли принадлежит модернизму? Можно вспомнить листы Я. Чернихова 1930-50-х, поздних В. Татлина (с его пафосными установками для демонстраций) или И. Леонидова (с его "иконами"), всех вообще конструктивистов и функционалистов в сталинские годы и бесконечное множество иных примеров. Да что эволюция с её "внешними", иногда и насильственными влияниями, - Ф.Л. Райт никогда не выходил из состояния сознания художника ар-деко, имманентно оно было и К.С. Мельникову, а к лику пионеров авангарда их обоих позволяет причислить лишь флер "героизма", с которым они неизменно подавали себя на рынке тщеславия. В стане модернистов "пятая колонна" декоративистов и сочувствующих угрожающе велика – угрожающе для самосознания модернизма как некоей целостности.

Авангард не только не мог, но и не желал нравиться публике, он был больше склонен к эпатажу и "пощёчинам общественному вкусу", а его строительная практика близка к абсолютному нулю. Молодой модернизм с 1920-х гг. стремился к общественному и коммерческому успеху, но у него это довольно плохо получалось. Виллы Корбюзье и его эпигонов не имели спроса, эстетствующая богема, рассматривала их единичные экземпляры в качестве маркеров причастности к новым веяниям, но жить предпочитала в викторианских особняках. Тем более такое расхождение становится заметно в 1930-е гг. в области общественных зданий и жилищного строительства¹. Плохо получалось и после Второй мировой войны, в эпоху растущей индустриализации. Послевоенное восстановление в Европе и СССР осуществлялось отнюдь не на принципах "рационалистической архитектуры". Поэтому нет ничего удивительного в том, что реальный строительный объём модернистских построек ничтожен по сравнению с тем, что к модернизму не причислено. Глянцевые журналы и книги-манифесты создали иллюзию доминирования модернизма в архитектурно-строительной практике XX в., на самом деле это совсем не так. Только массовое жилищное строительство по всему миру в 1950-60 гг. перевесило чашу весов в пользу "Современной архитектуры" в тех или иных её разновидностях.

Таким образом, складывается картина прямо противоположная официальной "священной истории модернизма", а что пребывало "в тени" чего – вопрос отнюдь не закрытый. Постройки модернистов теряются в массе всего другого, теряют монополию на звание выразителей века так чаемой ими "современности"; на роль самого прогрессивного направления - в таком качестве их далеко не всегда опознавали современники.

Между двух "суперстилей"

Одну из формулировок процессов в архитектуре XX в. дал С.О. Хан-Магомедов, известный советский исследователь-энтузиаст, собиратель архивов конструктивистов, автор множества биографических и обобщающих книг. Он предложил концепцию двух "глобальных стилей", или двух *суперстилей* в истории: вечной "классики", т.е. архитектуры, оперирующей классическим греко-римским ордерами и его вариациями, и сменяющего классику, вытесняющего её "современного" направления, берущего истоки в 1920-е гг., но также, согласно этой концепции, потенциально вечного [2]. Всё остальное - т.н. неостили, эклектика разной степени, модерн (ар-нуво), экспрессионизм, ар-деко и пр. - это всё, по Хан-Магомедову, переходные стадии, что-то вроде временной болезни, недоразумения в эпоху великой борьбы суперстилей, великого перелома в пользу вечно юного модернизма (хотя сам термин в таком контексте автор, разумеется, не использовал).

Подвергать критике эту концепцию сегодня нет особого смысла, о ней сказано уже немало. Однако стоит отметить её несостоятельность с сугубо "количественной" стороны: достаточно сопоставить хронологический ряд классики и её многочисленных реинкарнаций и срок активной жизни модернизма - тысячелетия и от силы полвека. Классика и сегодня не подаёт повода к предположению о её умирании или исчерпании, в то время как модернизм не подаёт признаков жизни². Модернизм, поначалу вообще отказывавшийся мыслить себя как стиль, представляет собою скорее лишь короткое происшествие на долгом пути "ордера". Но гораздо важнее, что "между" "глобальными стилями" этого авторитетного автора оказалось расположено так много сложных и полноценных явлений, доминирующих по популярности и по масштабам строительного производства и над синхронной им "ордерной архитектурой", и над архитектурой "современной", что называть все эти явления "переходными стилями" не представляется возможным. Скорее уж эклектика является самым устойчивым, фундаментальным и жизнеспособным, глобальным состоянием архитектурной практики, недаром она уже не раз претендовала на статус "вечной", "вневременной" или даже "тотальной" (Ч. Мур).

Аналогичные соображения заставили С.О. Хан-Магомедова предложить для советских событий предвоенных лет термин "постконструктивизм". На наш взгляд, термин столь же

неудачный, сколь и концепция "суперстилей". Этот термин был призван камуфлировать факт "падения" советского конструктивизма в ар-деко как всеобщее массовое, фоновое состояние проектно-художественной деятельности тех лет во всём мире. Для С.О. Хан-Магомедова, рьяного поборника конструктивизма и блюстителя его "чистоты", такое падение было неприемлемо, явно очень тревожило его, и он попытался защитить любимый конструктивизм всеми средствами. Признавая эстетические достоинства того, что именовал "посконструктивизмом", он как бы переносил на него доблесть конструктивизма, включая этот "пост-" в обиход исторически и концептуально приемлемого лично для него, а заодно спасая сам конструктивизм от подозрения в сдаче авангардных позиций³. "Постконструктивизм" - это самоуспокоительный и паллиативный термин сугубо персонального использования (а по сути - очень разоблачительный в отношении организации историко-теоретического сознания целой архитектуроведческой школы). Однако, он прижился, его используют серьёзные и авторитетные молодые учёные [3].

Эти "промежуточные" приключения ар-деко очень напоминают историю с приватизацией модернизма ар-нуво (модерна). М.П. Тубли отмечает: "функционалистам модерн очень мешал [как "аномалия", - ПК] в истории архитектуры. Он никак не вписывался в линейную историю, которую они создавали. Поэтому им пришлось трактовать его как предтечу "современной архитектуры" для чего надо было выпятить его рационалистическое направление и игнорировать романтические и символистские тенденции. Бедный Гауди был вообще зачеркнут, как досадная ошибка" (из частного письма, см. также [4]). Тенденция жива и в наши дни: креативность выпренного формотворчества нуждается в постоянной саморекламе, в то время, как классике, по замечанию Квинлана Терри, пиар не нужен⁴.

Локализация и морфологический анализ

Другой тенденцией в отношении ар-деко является устойчиво воспроизводимое стремление во что бы то ни стало локализовать его во времени и на национальной территории какого-либо государства (обычно называют Францию 1920-30 гг., но также и Англию, или только США 1930-40-х). Есть мнение, что вполне соответствует термину лишь западная архитектура, и он по определению неприменим к постройкам в СССР. Более того, указание на очевидную общность советской архитектуры 1930 - начала 1950-х с зарубежным ар-деко взывают упреки в попытке "облагородить" тоталитарную архитектуру и обелить тирана Сталина, единолично придумавшего свой "ампир во время чумы" (основная идеологема Д. Хмельницкого). Аналогичные споры возникают и вокруг архитектуры муссолиниевской Италии и нацистской Германии.

Все подобные историко-теоретические суждения, отрицающие общность явления и форсирующие отличия в пользу той или иной частной, локальной версии "стиля", исходят из одного ценностного допущения, а именно предположения о том, что ар-деко представляет собою высокое достижение, честь быть причастным которому дорогого стоит (и не все её достойны), а лавры основателя "стиля", если удастся доказать приоритет, сулят почёт и славу. Отсюда - бесконечные поиски "предтеч" ар-деко в "северном модерне" или югендстиле, в позднем венском сецессионе или национальном романтизме, в подвергшемся огрублению классицизме и пр. Предтечи и корни, безусловно, есть; нередко они очевидны. Однако ложен сам исходный постулат: никакого достижения в том, чтобы принадлежать стилистике или духу ар-деко нет. Это неизбежное, почти "естественное" следствие дефицита волевых, радикалистских ресурсов, заявленных авангардом, но не обеспеченных им. Запал авангарда и раннего модернизма был силён, но очень быстро закончился, столкнувшись с практическими задачами освоения рынков, выполнения крупных и ответственных заказов, выпуска промышленной продукции большими тиражами, масштабными строительными программами, социальной критической рецепцией своих идей и намерений, политическими реалиями эпохи. И это - ситуация всех цивилизованных стран мира.

В том, что бы принадлежать ар-деко, повторим, нет ничего почётногo - это состояние массовой растерянности и формообразовательной вольницы, противостоящей аскетическому формообразованию правоверного модернизма. Вольница граничит порой с безумием - ведь начинается история нашего предмета между двумя мировыми войнами, в атмосфере истерии и ожиданий неизвестного, провоцирующей гедонизм и идеологические манипуляции (см. об этом [5]).

В таких условиях, считаем мы, традиционный морфологический или формально-стилистический анализ памятников ар-деко различных стран не даст ничего существенного. Разумеется, параллели, подобию или даже взаимные влияния установить удастся. В рамках формально-стилистического анализа можно пребывать долго, выявляя всё больше и больше специфических черт, по поводу которых можно делать глубокомысленные и далеко идущие умозаключения. Метод хорош для проведения различий, для дефиниций и составления каталогов форм. Но он бесполезен для обретения видения целого. Сегодня важнее видеть общее, чем различия, строить синтетические концепции, нежели концепции дифференциации, автономизации, индивидуации. Время собирать камни.

Есть удачная метафора срыва строгой аскезы или диеты, которая хорошо подходит под пописываемые события. Аскеза авангарда достаточно очевидна, включая вегетарианство Баухауза при директорстве Гропиуса, это сугубо вкусовое самоограничение⁵. Оно идейно, как и всё в ареале революционаризма. Оно не держится долго, как и всё в этом ареале. Наступает реакция. И это - ситуация всех стран цивилизованного мира, так или иначе прошедших рубикон между традиционной и современной архитектурой, это откат назад после первых модернистских "залпов". Но официальная история предпочитает считать ар-деко не мировым событием, а очень локальным явлением. Ар-деко как "стиль" - частный и определённый, территориально и цивилизационно локализованный - идея понятная: так проще считать. Западное искусствознание и архитектуроведение в этом вопросе преуспело гораздо более отечественного. Но в самой дефиниции немало скоропалительного разграничения, желания побыстрее разотождествиться с чем-то угрожающе похожим в странах и режимах *non grata*, то есть того же по сути самоуспокоения, что и в хан-магомедовском "постконструктивизме".

Признать, что буквально *всё* было в 1930-50 гг. ар-деко *par excellence* - от Р. Малле-Стевенса до М. Пьячентини, от Ф.Л. Райта до В.А. Щуко - на это пока наша профессиональная мысль неспособна. Такое признание обнуляет массу осуществленных дефиниций, защищенных диссертаций, написанных книг. Оно уничтожает героический миф о современной архитектуре, созданный поколениями его апологетов. "Современная архитектура" тает и испаряется, от неё остаётся совсем немного совсем уж "белых косточек" (ср. "Белая архитектура").

Наша цель - развернуть новую парадигму ар-деко, не стилистическую, а скорее "рефлекторную" в отношении авангардистского и модернистского перенапряжения аскезы, страсти, убеждений... Он торжествует, когда напряжение срывается или слабеет от усталости. Цивилизационные различия тут становятся вторичны. Термином "ар-деко" всё это можно назвать в силу первичной точности термина, а также и за неимением другого.

Китч и кэмп

Дж.Р.Р. Толкиен утверждал, что орки - это мутация эльфов, которые были подвержены долгим и мучительным истязаниям. Примерно такова же одна из интерпретаций происхождения китча - падение высокой художественной культуры в непреодолимых политических, социальных, бытовых обстоятельствах. Сказать, что китч - это *дурной вкус*, значит ничего не сказать, произнести тавтологию. Китч - это не непричастность к высокой культуре вкуса или стиля, не маргиналия вкуса, но самостоятельный стилевой и вкусовой мир, параллельный, альтернативный. В этом мире также есть свои нормы, эталоны, прототипы и

паттерны. Китч сегодня академически изучается, исследования показали, что он далёк от простоты.

Квалификация ар-деко как китча спорит в массовом художественном сознании современности с квалификацией его как изящного и благородного стиля. Но оба определения легко снимаются в понятии *гламура* - оно также есть изобретение ар-деко и его наиболее точная характеристика (не исключая и архитектуру и искусство стран, отнесённых с подачи Х. Арендт к тоталитарным). Шарм, очарование, обаяние - это смыслы слова "гламур", парадоксальная двойственность которого была сполна разыграна именно в 1930-е гг. Это время всеобщей симуляции, когда высокое искусство впервые спустилось в массы, когда благородство стало легко имитируемым в одежде, осанке или интерьере, а богатство стало определяться по степени детализации вещей и зданий (что очень не способствовало продвижению модернистского отказа от орнамента, карнизов и раскреповок).

Безусловно, всё упомянутое в ар-деко наличествует. Но китч можно использовать не только оценочно, но ещё и как метафору. Ар-деко можно интерпретировать как состояние "выпадения" проектно-художественной мысли из довольно напряжённого пространства авангарда/модернизма (прежде всего - конструктивизма в его европейском и советском вариантах). Для революционного и инновационного пространства проектной мысли декоративизм безусловно являлся состоянием отдохновения, снижения композиционной и прочей строгости, чем-то вроде перехода из поста на разговорие (В. Паперный в знаменитой книге "Культура Два" описывал такой переход в терминах К1 / К2 [6]) Утрируя: для "авангардистов" выход в широкое поле свободного формообразования был чем-то вроде "санатория", где можно снять с себя непомерные обязательства по созданию нового, небывалого мира. Особенно убедительна такая метафора в отношении представителей т.н. "левого крыла" ар-деко, т.е. авторов, органично существующих на сознательной стилизации собственно самого авангарда и модернизма: Р. Малле-Стевенс, П. Шаро, Э. Грей, К.С. Мельников и др. Психологически спасительным, а вовсе не насильственным, подобный переход к "освоению наследия" оказался для советских архитекторов, с энтузиазмом его принявших [7, 8].

Быть может, ещё более радикальной могла быть другая, но близкая по сути метафора. Состояние ар-деко (всё ведь начинается с *состояния*, а "стиль" появляется потом) можно назвать состоянием некоего творческого автоматизма, когда нет необходимости особенно напрягать воображение, волю или аскетические способности в отношении чистоты форм; когда нет необходимости в постоянной рефлексии (о которой так много говорили пионеры-авангардисты и которая оказалась не столь уж сильной [9]), когда не проблематизируешь свои идеи или привходящие импульсы (включая импульс заказа), т.е. когда слабеют все собственно проектные качества, погружаешься в сладкий и тёплый бульон легко компоуемых образов... Это царство её величества благородной "Халтуры" - она может быть искренней или даже страстной, может иметь отличное качество исполнения - не важно. Наша мысль должна быть понята безоценочно: речь идет не о работе спустя рукава, не о заработке на скорую руку, не о поиске простых путей и экономии творческой энергии, нет; работа авторов ар-деко почти всегда весьма добротная (не зря антиквары и коллекционеры ценят её), но это действие... без фронта, без установки на прорыв и разрыв со всем и всеми, в т.ч. с прошлым, как это практиковалось (а точнее манифестировалось) в авангарде и раннем модернизме. Качество же, повторим, может быть очень высоким.

Китч - автономный эстетический мир, не впускающий в свои владения строгие требования или принципы "высокого" искусства. Не впускающий не столько из опасения быть ими униженным или уничтоженным, сколько из своеобразного "снобизма снизу", часто свойственного провинциалам - мы, мол, и сами тут управимся. Автономизация провоцирует выработку собственных эстетических норм, критериев оценки и даже теорий. Такой своеобразной теорией, или конструкцией самоосознания, стал феномен *кэмп*. Концепт кэмп,

во многом сформированный во всё ту же эпоху, предполагает осознанное отношение к китчу, культивирование его и доведение до гротеска. Техники кэмп могут быть экстремально вызывающими или подчёркнуто банальными (концепция "обыденного и безобразного" Роберта Вентури, с которой начался архитектурно-дизайнерский постмодернизм, может рассматриваться как творческое развитие, а по сути возвращение, идей ар-деко). Сьюзен Зонтаг, чьи "Заметки о кэмпе" вышли в 1964 году, за два года до манифеста "Сложности и противоречия в архитектуре" Р. Вентури, ввела фактическую практику ар-деко в ареал высокой культурологической мысли. Ар-деко - это абсолютный кэмп, предельно совершенный.

Этот тезис отвергает, а вовсе не подтверждает наивные представления о изяществе и изысканности ар-деко, которые по недоразумению (впрочем, культурологически вполне объяснимому) возникли совсем недавно. Когда у художественного явления есть "второе" и даже "третье дно", представления о его натуральных качествах нельзя принимать за чистую монету. Апологеты ар-деко как высокого искусства заблуждаются типологически (он *средний*), но искатели в нём изысканного ошибаются дважды: эстетически и морально (ибо он *груб и циничен*). Однако в ар-деко есть многослойная игра (ирония, а то и сатира), аллюзии и намёки, он не замыкается на функции или конструкции.

Мельников и расслабление

К.С. Мельников любил яркие, хлесткие фразы, характеризующие его творческое кредо, но один из его принципов особенно парадоксален: "Будь подражателем, а не "подражателем"". Объяснение Константин Степанович даёт следующее:

"Существует такая степень насыщенности мастера культурой прошлых веков, при которой он совершенно произвольно, так сказать, органически функционируя, является подражателем стилевых традиций многих поколений. В этом квинтэссенция всякой культуры, и поэтому понятно, что любой мастер может узнать в себе "родственника" какого-нибудь классика или даже близкого современника. Иное дело "подражатель". Тот только механически копирует, создавая бледные отражения, немощные карикатуры на некогда им виденное или изученное" [10].

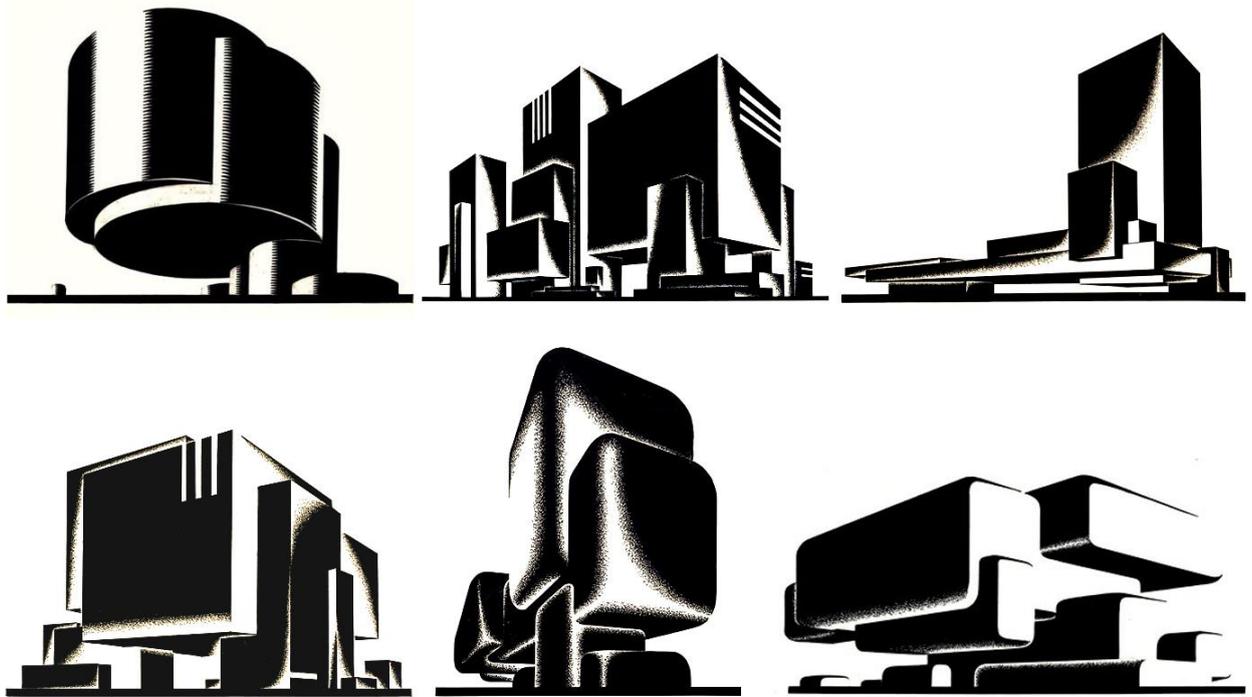
Вот, на наш взгляд, лучшая из возможных формул идеологии ар-деко! "Органически функционируя" - это и есть авторское свидетельство верности описанного нами в предыдущем разделе состояния ар-деко (а то, что К.С. Мельников, ненавидевший конструктивизм и конструктивистов, никогда даже не пробывший писать абстрактные картины, принадлежит ар-деко - в его отечественных вариациях, - сомнений нет). То есть, как бы сообщает нам Мельников, расслабьтесь, вы в уютном и насыщенном пространстве культуры, с её сундуками форм и приёмов, а вовсе не в том выморочном "прекрасном и яростном мире" (А. Платонов), который строят вокруг себя эти оголтелые конструктивисты и иже с ними.

Но, увы, отличие ситуации Мельникова и его современников от предшественников (например, титанов Ренессанса) состоит в том, что расслабление уже не приводит к естественному "плаванию" в культуре и истории: невинность утрачена, мосты сожжены - теперь вернуться можно только туда, откуда начал свой путь. За приобретенный креативный импульс совершенно нового вида приходится платить соответствующим оестествлением, т.е. компромиссами с реальностью, которых счастливо, хотя и не без потерь, избегали герои авангарда (К.С. Малевич, В.В. Кандинский и др.). Платить не по своим счетам - ведь креативный импульс заимствован у авангарда, а "формы" - из "стилевых традиций многих поколений". Но такова планида стилизаторов. На примере Мельникова можно воочию наблюдать ранние этапы профессионализации авангарда - перерастания его романтических завиральных идефиксов в прагматично и расчётливо формируемые рекламные слоганы.

Пример творчества К.С. Мельникова остаётся показателем во всех обсуждаемых нами смыслах. Известна полная креативной гордыни и даже самолюбования фраза Константина

Степановича: "Лучшими моими инструментами были симметрия вне симметрии, беспредельная упругость диагонали, полноценная худоба треугольника и невесомая тяжесть консоли!". Она как нельзя хорошо характеризует и персональное кредо автора, и в целом тип самопрезентации художника ар-деко (в т.ч. в его внешней, коммунальной трудноразличимости с "конструктором" - художником конструктивизма) - мышление материальными вещами, конструкциями и геометрическими абстракциями. Диагональ он, как известно, особенно охотно использовал ("Одно из самых сильных измерений архитектуры - диагональ"). Может создаться впечатление, что перед нами чистый авангардный концепт. Но не тут-то было: Мельников был баптист и не бросал слов на ветер, у него всё было с умыслом. В отличие от этики конструктивизма, где по крайней мере заявлялась детерминированность всех решений функциональной потребностью или конструктивными нуждами, то есть объективной *полезностью*, у художника ар-деко всякая форма есть средство достижения внешней выразительности, эффектной самопрезентации, то есть *самовыражения*, за счёт которого автор и *утверждает себя* (основная интенция высказываний и построек К.С. Мельникова). Форма - знак авторства, она применяется сугубо декоративно (таков первичный импульс, а связь с конструкцией или обоснование становятся вторичны), а точнее символически - в ходе символического обмена на признание авторитета среди коллег, публики и, главное, потенциальных заказчиков. У Жана Бодрийера в "Политэкономии знака..." читаем о диагонали (наклонной линии) в архитектуре, а именно о её меновой стоимости на рынках славы и приоритета (Бодрийер анализировал Баухауз): "...функциональность предмета (линии, формы) в архитектуре наклонных форм заключается не в качестве полезности или уравновешенности, а в наклоне... Только согласованность системы может определить эстетико-функциональную ценность элементов, причём эта ценность оказывается *менной стоимостью*, поскольку она всё время ссылается на *модель как общий эквивалент* (та же самая абстракция выполняется в экономической меновой стоимости)" [11, с. 272].

Перерождение конструктивизма в декоративное стилизаторство не должно вызвать удивления, ведь никаких действительных и действенных оснований удержаться в накале "пуританской этики" (как называет её Ж. Бодрийер) формообразования ("гештальтунг") не было, никто особенно и не озаботился формированием свода канонов или правил "правоверного конструктивизма". Напротив, дело ограничилось сугубо формальными "алфавитами" и вереницей комбинаторных приёмов, которым следует подражать для того, чтобы прослыть современным архитектором. Таковы графические листы Якова Чернихова "Основы современной архитектуры" (1925-30 гг.) или "Конструкции архитектурных и машинных форм" (1925-31 гг.), причём в последних уже очевидны сугубо формальные тенденции ар-деко: формы становятся округлы, углы мягки, нарастает экспрессия, появляются подсечки, вставки "фашин" и пр. Общая жеманность и гламурность очевидны, особенно в сравнении с ещё недавними листами того же автора. И это если не вспоминать более поздние графические серии Я. Чернихова, где наступает уже не просто "постконструктивизм", но фантастическая архаика. Но нам здесь интересны более тонкие изменения: здесь начинается упомянутое "расслабление" - отход от догм авангардистского формообразования (рис.)⁶.

Редко какую тему можно иллюстрировать столь обильно, как ар-деко. Но именно по этой причине мы решили ограничиться лишь несколькими листами из графической серии Я. Чернихова "Конструкции архитектурных и машинных форм" (1925-31 гг.). Хронологически они принадлежат периоду, названному С.О. Хан-Магомедовым "постконструктивизмом", в них видна начавшаяся в это время совсем не конструктивистская по духу игра с конструктивистскими по происхождению формами. Игра эта, как известно, несколько лет спустя заведёт профессию далеко.

Вкус vs. стиль

Наконец, необходимо сказать о странном эстетическом состоянии работы с формально-стилистическими соцелостностями вне категории стиля и о ещё более странном культивировании такого состояния. Это и есть сердцевина состояния ар-деко. Кажется, это культивирование - достижение не одних только музеев и глянцевого журналов. Так существует, в частности, едва ли не весь дизайн и сегодня.

Чувство никогда не совпадает со своим предметом, оно не феномен. Персональное *чувство стиля* не требует наличия стиля как социальной или художественной конвенции: вы просто понимаете, что рисуя эту вот линию, рядом вы уже не можете нарисовать такую вот - совсем другую. Вы воспитаны мирами стилистических соцелостностей, а выпав из них, вы не получаете автоматически "свободу" делать всё, что ни заблагорассудится. Но теперь вам приходится иметь дело с "малыми мирами" - начинающимися с двери и дверной ручки, и заканчивающихся деталями интерьера. "Стиль" теперь имеет адрес, и это дом и улица, а не виртуальное безбрежье, как ещё во времена ар-нуво. Другой дом, пусть и на той же улице, рядом, не переставая принадлежать той же стихии ар-деко, может потребовать другого чувства, другого "стиля" или "вкуса". Оттого и приходится заключать в кавычки слова вроде "стиль" и "вкус", что ни нормой, ни образцом или здоровым состоянием такой вариативный "поэзис" с точки зрения нормативных теорий искусства являться не может. Сегодняшнее культивирование ар-деко как "высокого искусства" (это термин) имеет корни в массовой культуре и конъюнктуре арт-рынка, оно демонстрирует не столько изысканность оценок, сколько непонимание явления и нежелание его понимать. Стоит ли удивляться обилию китча в ареале ар-деко - ведь удержать качество на зыбких песках чувства невероятно трудно. И стоит ли вообще различать "высокое искусство" и китч (или "ширпотреб") в этом обширном и всё ещё действенном ареале формообразования? И не так ли работают ныне буквально *все* архитекторы и декораторы, независимо от их отношения к термину или явлению "ар-деко"? Дизайн всех разновидностей, с самого своего зарождения и доныне, полностью расположен в обсуждаемом ареале (прекрасный пример - т.н. "фирменные стили", запущенные уже П. Беренсом в АЕГ). "Миры" плодятся и множатся. Не отсюда ли ширящийся кризис критики и

оценки качества творимого?

Если применять к ар-деко жёсткий эпитет "отрава" [12], то надо иметь в виду, что мы имеем дело не с простым китчем, а эстетизацией избранных образчиков явления вне осмысления его причин и природы. Имя этой отравы - творчество на энергии распада. Или, иначе: созидание малых и сверхмалых автономных композиционных миров при неспособности чувственного, интуитивного "схватывания" и интеллектуального осмысления целого. По сути - это вариация пресловутого "клипового сознания" в области предметно-пространственного окружения (о *среде* здесь говорить не приходится). Тем и опасна эта отравка, что выглядит красиво и привлекательно (кэмп, в отличие от китча), увлекает частностями, провоцирует на помещение её в музеи и журналы, на подражание или отрицание - на эмоциональную рецепцию артефактов, но не на критическую рефлексия породившего их грозного процесса. Процесса, однажды возникшего, перемоловшего не только современные ему "стили", включая "Современное движение" и саму эклектику, но не закончившегося и донныне как "метод" или как устойчиво воспроизводящаяся конфигурация архитектурно-художественного сознания, а лишь привычно меняющего "формы", насмехающегося над потугами его формально-стилистического анализа и над возведением исторических ограждений, призванных идентифицировать его прошлые частные проявления и удержать его стихию в локализованных "очагах".

Термин. Вместо заключения

В обсуждаемом нами вопросе, убеждены мы, не нужна пресловутая терминологическая чёткость, не нужны, преждевременны строгие дефиниции. Напротив, необходимо вначале увидеть общее, обрести способность нового и масштабного взгляда на большой этап истории и на различные, казалось бы, события не под модернистским пропагандистским углом [12 - 17]. Можно согласиться с теми исследователями, которые не видят смысла в расширительном использовании термина ар-деко. Да, термин имеет специфическую историю, от которой трудно абстрагироваться. Можно и отказаться от него, но беда в том, что иного слова для обсуждаемых масштабных событий и творческих состояний (*не для "стиля"!*) до сих пор нет. Есть неплохой термин - "немодернистская" архитектура, однако он сразу же провоцирует сомнения: так ли резка грань между модернизмом и тем, что по каким-то причинам не включено в его анналы? Где границы всех этих "правых" и "левых" крыльев? В расширенном использовании термина всё ещё есть вызов, чувство открытия, хотя и весьма формального, поверхностного. Это чувство быстро проходит и уже начинает казаться, что термин обкрадывает явления, особенно - явления уникальные. Слов, как всегда, не хватает - ни для ярких индивидуальных феноменов, ни для широкой и всеобщей тенденции. Нам остро нужна терминологическая работа.

В термине сегодня слышна претенциозность (в ней часто обвиняют российских исследователей, якобы обращающихся к теме в силу комплекса неполноценности или генетической травмированности эпохой). Действительно, слышна, но это ложный эффект, возникающий в силу непомерного возвышения ар-деко в некоторых контекстах. Но это не соответствует предмету. С ар-деко стоило бы иметь дело в довольно сложной стратегии, как с большим, экзотичным и опасным, ядовитым цветком - наслаждаться в марлевой маске, не вдыхая.

Упрёки в неправомерном использовании термина не столько репрезентируют компетентность учёных, прочитавших в авторитетных книгах, что такое ар-деко, сколько обнажают их скрытые страхи перед содержанием, "захороненным" в термине (или, с учётом сказанного выше, скорее *в его отсутствии*). Это страх понять что-то неожиданное. Он есть у всех, но у западных коллег, судя по всему, гораздо больший, чем в России, где обсуждение по крайней мере началось. Оттого они не признают случившийся в 1930-е футурошок - коллективное торможение перед грядущим валом "Интернационального стиля". Оттого они и уходят в эстетство искусствоведческого извода, потому - как, впрочем, и некоторые

российские историки - прячутся за тенью Сталина, Гитлера или Муссолини, будто это что-то объясняет. Но обсуждаемое нами в настоящей статье - не о тиранах, не о курьезах, не о перевёрнутых страницах истории. Это что-то о профессии, о том, какие метаморфозы могут случаться с нашей лелеемой проектностью. Тем более, симптомы возвращения этого странного "кульбита" проектности уже проявляются.

Примечания:

¹ Вот показательная цитата: "Развитие рационалистического направления было главным явлением в поступательном процессе развития архитектуры капиталистических стран между 1925 и 1932 гг. Ещё раз следует подчеркнуть, однако, что его произведения и в то время не имели количественного преобладания в общем объёме строительства. Вялый академизм и ремесленническая эклектика ещё занимали основное место" [1, с. 24]. Способ выделения "главного" в историческом процессе, равно как и экспрессивная оценка идейных конкурентов, как и датировка периодов "поступательного развития", предопределены позицией, которую занимает исследователь.

² Разумеется, существуют и уверенно позиционируют себя различные идейные наследники модернистских умонастроений в архитектуре - от минимализма до цифровой архитектуры. Но, если не забывать что установка авангарда/модернизма состояла в тотальном преобразовании мира, в т.ч. всей среды обитания людей, в безальтернативной и бескомпромиссной репрезентации прогресса и модерности, то сегодняшние сторонники с полным правом могут быть названы... имитаторами форм и идей - декораторами несостоявшейся тотальности, морально дискредитированного прогресса и мертворождённой модерности в специфическом наборе узнаваемых формально-стилистических средств.

³ Подозрения отнюдь не беспочвенные. Можно предположить, что нас ещё ждёт история модернизма, описанного как поступательная сдача позиций авангарда, как пролонгированное паразитирование на его радикальном заделе. Задел быстро закончился, но запал и инерция сохранялись долго, подпитываясь идеями и формами "со стороны". Сегодня чрезвычайно важны исследования этих процессов, показывающие как отход модернизма от породившего его импульса, коренящегося в культуре Нового времени (Века Разума), так и наличие в нём осознанных или неосознаваемых связей со столь категорично отвергаемым прошлым - наличие преемственности изначальной или благоприобретённой (например, у Ле Корбюзье и И.И. Леонидова в отношении Древнего Египта [17]).

⁴ Автор выражает благодарность Л. Копыловой (Archi.ru) за привлечение внимание к этому суждению К. Терри.

⁵ Жан Бодрийяр писал: "Подобно капиталистической революции, которая формирует, начиная с XVI века, "дух предпринимательства" и основы политической экономии, революция Баухауза является *пуританской*. Функционализм склонен к аскезе. Это легко увидеть в упрощении, геометрической чистоте его моделей, в его страхе перед украшениями и излишествами - короче говоря, во всей "экономичности" его дискурса" [11, с. 272].

⁶ Заметим: восприятие европейского и советского конструктивизма в США с самого начала было сугубо декоративным и формально-стилизаторским. С подачи Катерины Дриер советский авангард уже изначальным образом принимал в США черты ар-деко. Это видно уже в шрифтах, в графике, в компоновке её популяризаций (книга "Modern Art"). То же можно сказать и о полной грёз книге "Горизонты индустриального дизайна" (1932 г.) Нормана Бел Геддеса, посетившего в 1925 г. Международную выставку декоративного и индустриального искусства в Париже (на которой, по официальному суждению, Америке нечего было показать). Но разве не то же самое происходило на выставке современных европейских архитекторов в МоМА (Нью-Йорк, 1932 г.), кураторами которой были Г.-Р. Хичкок и молодой Ф. Джонсон? Америка "проскочила" этап авангарда, тем самым не пережив, не перековав в его "кузне" те

смыслы, которые были центральными для Европы и России, она лишь экспортировала готовую стилистику первых продуктов модернизма в красивой и декоративной упаковке.

Библиографический список

1. Всеобщая история архитектуры. В 12 т. - Т. 11. Архитектура капиталистических стран XX века / Отв. ред. А.В. Иконников /. - М.: Стройиздат, 1973. - 888 с.
2. Хан-Магомедов С. О. Претензии классицистической концепции на формирование стиля XX века / С. О. Хан-Магомедов // Архитектура мира. – М.: Architectura, 1994. – Вып. 3 : Материалы конференции «Запад-Восток: Античная традиция в архитектуре». – С. 181-183.
3. Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. - М.: БуксМАрт, 2019. - 320 с.
4. Тубли М.П. Эпоха модерна - пример синергетического культурного пространства // Terra Aestheticae. - 1 (1) 2018. - с. 145 - 169.
5. Багина Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. - № 62. - 2019. - С. 120 - 125.
6. Паперный В.З. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 408 с.
7. Бархин М.Г. Метод работы зодчего. Из опыта советской архитектуры 1917 - 1957 гг. - М.: Стройиздат, 1981. - 216 с.
8. Багина Е. Капустин П. Авангард, ар-деко, эклектика. Дискуссионный клуб ПБ // Проект Байкал. - № 62. - 2019. - С. 30 - 36.
9. Капустин П.В. К анализу проектной рефлексии модернизма // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2019. - № 1 (17). - С. 4 - 13.
10. 10 принципов архитектора от Константина Мельникова [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://archspeech.com/article/10-principov-arhitekтора-ot-konstantina-mel-nikova>
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.
12. Капустин П. Ар-деко. Поэтика отравы // Проект Байкал. - № 62. - 2019. - С. 138 - 147.
13. Капустин П. Ар-деко: терпкие плоды забытого сада // Проект Байкал. - № 63. - 2020. - С. 142 - 148.
14. Капустин П.В. Макеты ВХУТЕМАС: проектные интенции и ловушки натурализма // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2019. - № 3 (19). - С. 4 - 10.
15. Капустин П.В. Всемирные выставки: экстремальная территория архитектуры // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2019. - № 1 (17). - С. 24 - 33.
16. Капустин П.В. Принцип "правдивости формы" и этика профессии // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2017. - № 4 (12). - С. 4 - 15.
17. Завадовский П. Иван Леонидов и стиль "Наркомтяжпром" // Проект Байкал. - № 62. - 2019. - С. 112 - 119.

Bibliography list

1. The General History of Architecture. In 12 vols. - Vol. 11. Architecture of the capitalist countries of the twentieth century / Ed. ed. A.V. Ikonnikov. - M.: Stroyizdat, 1973. - 888 p.
2. Khan-Magomedov S.O. Claims of the classic concept on the formation of the style of the XX century / S.O. Khan-Magomedov // Architecture of the World. - M.: Architectura, 1994. - Vol. 3: Proceedings of the conference "West-East: Antique Tradition in Architecture". - pp 181-183.
3. Selivanova A.N. Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR. - M.: BuksMArt, 2019. - 320 p.

4. Tubli M.P. The Art Nouveau Age - An Example of a Synergetic Cultural Space // Terra Aestheticae. - 1 (1) 2018. - pp 145 - 169.
5. Bagina E. Art Deco: Western Hedonism and Soviet Romance // Project Baikal. - No. 62. - 2019. - pp 120 - 125.
6. Paperny V.Z. Culture Two. - M.: New Literary Review, 2011. - 408 p.
7. Barkhin M.G. The Method of Work of the Architect. From the Experience of Soviet Architecture 1917 - 1957 years. - M.: Stroyizdat, 1981. - 216 p.
8. Bagina E. Kapustin P. Vanguard, Art Deco, Eclecticism. Discussion Club PB // Project Baikal. - No. 62. - 2019. - pp 30 - 36.
9. Kapustin P.V. To Analysis of Reflection in Modernism Designing // Architectural studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2019. - № 1 (17). - pp 4 - 13.
10. 10 principles of an architect from Konstantin Melnikov [Electronic resource]. - Access Mode: <https://archspeech.com/article/10-principov-arhitekora-ot-konstantina-mel-nikova>
11. Baudrillard J. Toward a Critique of the Political Economy of the Sign. - M.: Academic Project, 2007. - 335 p.
12. Kapustin P. Art Deco. Poetics of Poison // Project Baikal. - No. 62. - 2019. - pp 138 - 147.
13. Kapustin P. Art Deco: Harsh Fruits of a Deserted Garden // Project Baikal. - No. 63. - 2020. - pp 142 - 148.
14. Kapustin P.V. VKhUTEMAS mock-ups: design intentions and naturalism traps // Architectural studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2019. - No. 3 (19). - pp 4 - 10.
15. Kapustin P.V. World Exhibitions: Extreme Territory of Architecture // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2019. - No. 1 (17). - pp. 24 - 33.
16. Kapustin P.V. Principle of "Truthfulness of Form" and Ethics of the Profession // Architectural studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2017. - № 4 (12). - pp 4 - 15.
17. Zavadovsky P. Ivan Leonidov and the Narkomtyazhprom style // Baikal Project. - No. 62. - 2019. - pp 112 - 119.

UNDERSTANDING ART DECO AS A GLOBAL PHENOMENON

P.V. Kapustin

Kapustin P.V., Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Prof., Head of Dept., Russia, Voronezh, ph. 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Background. In understanding the processes of becoming the architectural-designer profession, i.e. the transition made by the activity from craft to project-oriented practice, the decisive link is the transformation of avant-garde impulses - in many ways destructive and non-conformist - into a positive and constant energy of everyday functioning. New professionalism is forming quite quickly in the first half of the 20th century, but its movement still retains a lot of mysteries. These include the Art Deco phenomenon, the rethinking of which in recent years has become one of the significant topics of theoretical and critical thought in Russia.

Results and conclusions. The ideological, conceptual atmosphere of the era of the formation of Art Deco is shown, its relations with the avant-garde are examined. The main existing trends in understanding Art Deco, their unsatisfactory are discussed. The possibility and necessity of considering the Art Deco phenomenon in a much larger historical and ideological context than is accepted today is affirmed. At the same time, the imperfection of the term "Art Deco" to denote a significant stage or even sustainably reproducing state of designer-artistic culture is noted.

Keywords: Art Deco, avant-garde, modernism in architecture, taste and style in architecture, kitsch and camp, rethinking of the history of architecture, theory of architecture, genesis of designing

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

УДК 712.25

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАРКОВ

В.П. Шевелев, Л.В. Морозова

Шевелев В.П., ВГТУ, профессор, член союза архитекторов России, почетный архитектор России, Воронеж, тел. +7(473)236-94-90

Морозова Л.В., ВГТУ, магистр по специальности градостроительство направления «Архитектурно – градостроительные исследования и проектирование экологических систем «население–среда»», Россия, Воронеж, e-mail: morozvaitd@gmail.com

Постановка задачи. Работа посвящена изучению эффективных инструментов проектирования комфортного пространства тематических парков

Результаты и выводы. Изучен зарубежный и отечественный опыт организации функционального зонирования территорий парков. Выявлены основные приемы реализации данных объектов.

Ключевые слова: парк, городской ландшафт, тематические парки, проектирование, тематизация, сценарный подход

Введение

Тематические парк – это современные парки отдыха, предназначенные для рекреации и развлечения, особенностью которых является комплекс услуг, отвечающий определенной теме. Это обособленное пространство, которое является развлекательным ландшафтно-рекреационным объектом. В основном создается в коммерческих целях, но в рамках определенной темы. Дизайн среды, символика в парке соответствует сути организации данного пространства.

К паркам с выбранной темой относятся предметно ориентированные территории, то есть сегодня тематический парк должен не только выполнять развлекательную функцию, но и познавательную, а также способствовать формированию новых туристических потоков и сохранению прежних. Данное пространство является в основном центром семейного отдыха, но по моему мнению оно должно объединять людей разных возрастов и привлекать взрослое платежеспособное население. Чтобы достичь этой цели необходимо создавать познавательные пространства охватывающие многие направления развития общества, но в одной тематической подаче.

Облик город во многом зависит от общественно-рекреационных пространств, так как именно они формируют впечатление о городе у людей. Такие территории во многом являются символом местности, говорят о ее истории и характере, культуре и развитии. Город нуждается в композиционно выразительных пространствах, которые будут общедоступны и органично включены в архитектурно-ландшафтную систему.

Общественно-рекреационные пространства — это тематические парки, площади, улицы, набережные. Впечатления о городе формируются всегда через призму восприятия этих пространств и этот образ незаметно оставляет отпечаток в сознании, так как управляется той или иной сценарной схемой. Использование сценарного подхода всегда влияет на идентичность места, тем самым усиливая выразительность территории и ее идентичность, что помогает создавать структурированные потоки людей.

© Шевелев В.П., Морозова Л.В., 2020

Социально-культурная среда территории парков

Всегда актуальная тема взаимодействие городского пространства и парковых территорий, комплексов. Данная связь должна формироваться максимально эффективной, так как является культурным диалогом между поколениями.

Этот контакт прямым образом влияет на дальнейшее развитие и сложное преобразование структуры города.

Социально-культурная деятельность – это социально востребованный процесс, который в основном педагогически направленный, который преобразовывает культурные ценности в объект и с помощью которого личность и социальные группы работают на развитие каждого члена общества.

Парки наделены основной функцией – это рекреация. Рекреационные пространства относятся к социально-культурному институту, так как познавательные, информационные мероприятия, физкультурно-оздоровительная работа, организация массового отдыха все это направлено на обеспечение досуга населения, развитие.

Парковые территории на данный момент являются самым доступным способом проведения досуга для населения. Роль таких пространств очень важна. Выполняется основная задача – это оптимальное использование природных условий в интересах укрепления здоровья, культурного развития трудящихся и организации их досуга на открытом воздухе.

Парки обладают большим спектром воздействий относительно населения:

- воспитательная работа;
- культурно-просветительская работа;
- художественная работа;
- оздоровительная работа;
- развлекательная работа;
- работа с детьми;
- рекреационная работа;
- бытовое обслуживание посетителей.

Социально-культурная деятельность при создании парковых территорий должна развиваться по всем направлениям, должна расширять свои границы и работать со всеми слоями населения используя и внедряя различные формы организации культурного процесса.

Рис. 1. Схема формирования социально-культурного городского пространства на примере парковых территорий

Городское социально-культурное поле образовывается за счет взаимодействия парковых территорий и городской культуры формируя единое целое (рис.1). Культурная деятельность населения на парковых территориях всегда выступает как действие активного субъекта, так как взаимодействие состоит в адаптации, приспособлении к парковой среде либо конкретное преобразование которое придает данному пространству новое качество.

Должна формироваться сложная, разветвленная система отношений между компонентами и субъектом, достигается за счет обмена информации, опыта, конструктивных изменений. Информационно-пространственный потенциал территории - это культурная среда социально-культурных и образовательных процессов парка, которая наполнена духовными компонентами деятельности, гносеологических процессов, ценностно-ориентационной деятельностью, природной средой, общением и коммуникациями.

Социально-культурный контекст прослеживается во всесторонне развитой функциональности территории. Организационные процессы парка всегда определяются за счет социально-культурных компонентов. У посетителей развивается деятельность в границах рекреационной территории, а именно происходит соприкосновение с культурными, социальными, психологическими компонентами.

Если развивать тему системного подхода в проблеме развития парков, то можно сказать, что парковые зоны являются не просто «зеленым оазисом» в структуре города, а полноценным градообразующим узловым элементом. В последнее время проектирование парковых территорий частично утратило распространение социальных, культурных и духовных ценностей. Точка зрения проблемного подхода диктует нам, что общественные пространства все больше перестают быть единой динамичной системой, которая передает культурные идеи. Передача ценностных ориентиров для личности является формирующим элементом для образа поведения, для психологического состояния, для смены занятий личности, для формирования жизненного ритма. Распространение социальных ценностей – важная часть развития.

Рекреационное пространство – это в первую очередь территория отдыха, рекреации. С помощью появления технических средств, формирующиеся рекреационные ландшафты, быстро проходят процесс интеграции данной зоны в существующую городскую структуру. В массах все больше растут культурные запросы на объекты садово-паркового искусства, поэтому поиск необычной выразительности объектов ландшафтной архитектуры растет.

Чтобы восполнить недостающие или утраченные городом ценности, в парке крайне важно создать условия и обстановку, при которых были бы сломлены негативные наслоения, владеющие горожанами. В парковой структуре необходимо создать условия в которых человек будет объединён с природой, историей, культурой. Это должна быть городская территория, которая будет формировать иную среду, отличную от городской и будет создавать пространство для творческой и рекреационной деятельности.

Функциональное зонирование территории парков

Парковые территории — это всегда синтез природного ландшафта и искусственных элементов территории, которые объединены различными функциями. Рекреационные пространства влияют на формирование окружающей среды городского пространства – образуя новые функционально-планировочные связи, эстетический вид, формируя экологическую составляющую в структуре города. Парковые территории — это преобразование природных ресурсов, так как эта задача является целенаправленной и рациональной, включая в себя дополнения в виде технических элементов.

Архитектурно-планировочная организация парка требует комплексного архитектурно-планировочного решения, так как элементы образования взаимосвязаны в материальном пространстве. Материальная среда парковых территорий представляет собой природно-территориальный комплекс, образующийся за счет различных природных явлений,

урбанизации, архитектурно-строительных работ. В результате образуются качественно различные природные территории, различные и в оценке экологического состояния.

Использование природных территорий начинается с одного из важнейших этапов градостроительного проектирования – функциональное зонирование. Каждая из функциональных зон является участком с определенными границами, который имеет собственный регламент по использованию. Деление территории на различные зоны использования должно размещаться рационально и назначаться соответственно по видам деятельности.

Тематические парки создаются в двух вариантах. В первом случае организуется на территории парка несколько тематических зон, во втором — парк полностью посвящается одной теме.

Анализ организации как самостоятельных парков развлечения, так и зон развлечения в парках показывает, что сооружения и устройства для активного отдыха целесообразно размещать вблизи подходов и подъездов к парку и устанавливать их достаточно компактно. Однако это приводит к тому, что высокая плотность застройки территории и большая посещаемость зоны могут нанести ущерб состоянию зеленых насаждений. Поэтому для нормального роста деревьев и кустарников, для их сохранения требуется проведение комплекса специальных мероприятий.

Массовым типом функционального зонирования парковых территорий, в том числе и территории тематических парков, можно считать следующие зоны:

- зона тихого отдыха – в основном характеризуется естественными пейзажами территории, а также должна формировать участки для уединения и спокойного, тихого отдыха;

- зона массовых мероприятий – рекомендуется размещать близ входной группы парка, тем самым ограничить транзитные потоки людей сквозь другие зоны парка;

- зона культурно-просветительская – включает в себя места для организации развивающих, образовательных мероприятий, а также размещение на территории должно быть изолированным от шумных форм проведения досуга;

- физкультурно-оздоровительная зона – размещение на открытых территориях и сооружения спортивного назначения размещать сосредоточенными в одном месте;

- зона детского отдыха – размещается изолированно и имеет элементы защиты от пыли, солнца, шума;

- хозяйственная зона – размещают на периферии парка, а также важно наличие отдельного въезда.

Разберем несколько вариантов функционального зонирования отечественных и зарубежных примеров реализации тематических парков.

Парк Деда Мороза в Великом Устюге (рис.2) – это яркий пример тематической организации пространства. Театрализация среды на основе ярко выраженной темы. Парк предполагает проведение гуляний в честь традиционно русских праздников. Функциональное зонирование:

- лесопарковая зона;
- культурно-развлекательная;
- хозяйственная зона;
- детская зона;
- жилая зона.

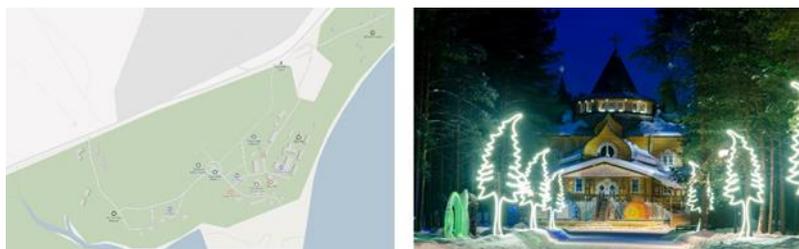

Рис. 2. Парк Деда Мороза в Великом Устюге

Парк развлечений «Мир Уолта Диснея» (рис. 3) - в парке присутствуют этнографические тематические зоны, которые носят зрелищный характер, так же используются аттракционы развлечений научно-познавательного плана. Функциональные зоны:

- «Заповедные джунгли»;
- зона обслуживания;
- «Город будущего»;
- зона развлечений.

Рис. 3. Парк «Мир Уолта Диснея»

Тематический парк «Остров мечты» в г. Москва (рис. 4) - крытый парк, который включает в себя ландшафтный парк, набережную, множество театрализованных аттракционов и торговый центр. Функциональные зоны:

- торговая;
- рекреационная;
- зона тихого отдыха;
- зона развлечений;
- детская зона;

Рис. 4. Тематический парк «Остров мечты»

Парк «Мир» в Днепропетровске (рис. 5) – береговая часть парка отведена под летний театр, большое количество спортивных, детских зон. Функциональное зонирование:

- зона массовых мероприятий;
- рекреационная зона;
- детская зона;
- спортивно-оздоровительная зона;
- развлекательная зона;
- культурно-познавательная;
- хозяйственная;
- зона тихого отдыха;
- прибрежная зона.

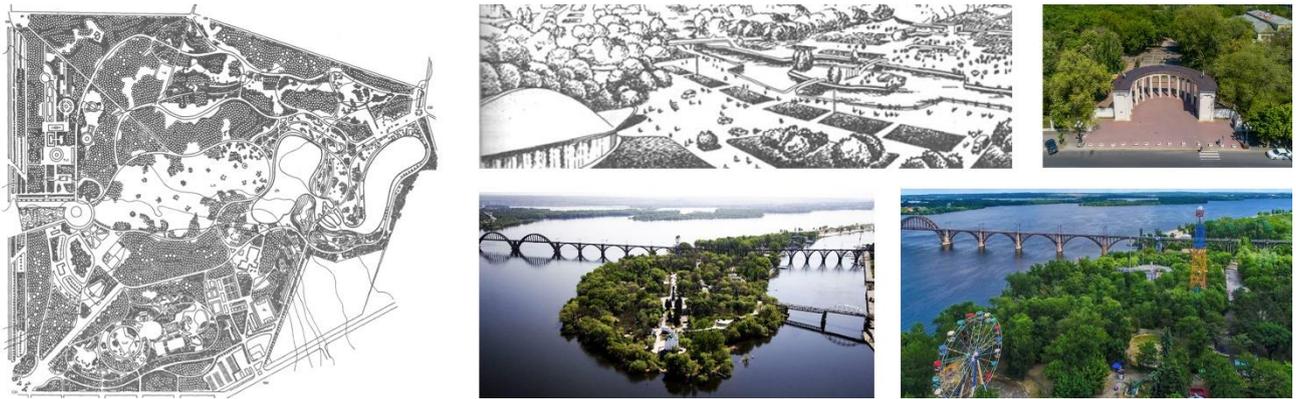

Рис. 5. Парк «Мир» в Днепропетровске

Парк развлечений «НагашимаСпа Лэнд» (рис. 6) - большая часть аттракционов развлечений сконструировано с высоким мастерством инженерного дела. Главные его функции — это развлечения и экстремальный отдых. Функциональное зонирование:

- торговая зона;
- зона развлечений;
- зона отдыха;
- жилая зона.

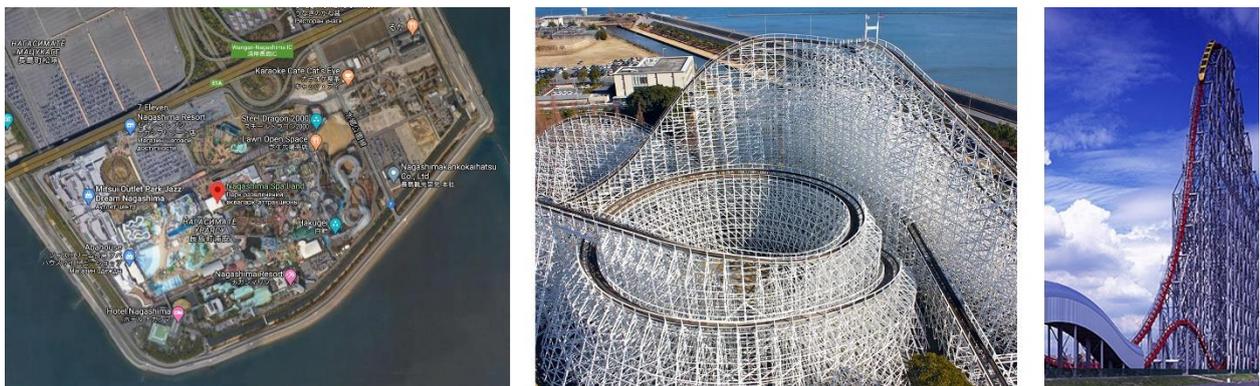

Рис. 6. Парк развлечений «НагашимаСпа Лэнд»

Объемно-пространственная структура тематических парков

Понятие тематический парк напрямую связано с созданием параллельной реальности, которое погружает посетителей в будущее, прошлое, настоящее. В данных пространствах комбинируют сразу несколько сцен и множество способов выразительных средств.

Пространственная структура тематических парков тесно связана, а чаще всего включает в себя сценарный подход в проектировании. Важной частью такой структуры являются объекты показа, которые имеют четкие последовательные связи. С их помощью происходит построение маршрута пространства.

Сценарный подход всегда имеет четкую тему. Сценография используется при организации общественных пространств. Важным элементом в реализации данного способа является пространство, в котором возможно действие.

Сценарный способ моделирования позволяет спрогнозировать эмоции, впечатления у населения от данного объекта. Важной частью создания тематического парка является организация маршрута. Построение маршрута должно учитывать восприятие среды в движении, предметы рассматриваются вне временных рамок, что как раз-таки позволяет «срежиссировать» визуальное взаимодействие с объектом. Маршрут должен быть построен таким образом, чтобы смена сцен влекла за собой и смену эмоций.

Маршрут состоит из нескольких стадий: восприятие парковой среды с помощью визуального прочтения, созерцания, познание объектов и событий, развлечения. Тематический сценарий создается в комплексе определенных факторов: градостроительное окружение, существующие традиции, память места, физические размеры парка, его вместимость и ландшафтные характеристики.

Формирование тематического пространства имеет подготовительные этапы:

1. Определение темы, которая объединит структуру парка с помощью визуально-выразительных средств направленных на создание визуальных посылов и напоминаний.
2. Концептуальная основа, которая вложит основной посыл в реализацию определенной темы.
3. Создание в парковой структуре предметов фокусировки внимания посетителей, это могут быть аттракционы, шоу, малые архитектурные формы.
4. Дизайн-решение, которое полностью визуализирует тему проекта. Играет ключевую роль, так как декорации, архитектурные формы и облик парка в целом зависит от данного решения.
5. Обеспечение базовых потребностей и норм реализации данных объектов, управление потоков посетителей с помощью информационной ориентации, первичных жизненных потребностей, а также вторичных (высших) – это эмоции, впечатления, духовное наполнение.
6. Учет опыта и ожидания посетителей.

Самое важное для создания данного парка – это наличие темы, так как это основной признак идентификации пространства тематического парка. Тема объединяет всю структуру территории и создает определенное впечатление, настроение у посетителей.

Выводы

При изучении способов и приемов проектирования тематических парков были выявлены основные этапы формирования данного пространства, это выбор темы парка, построение маршрута с помощью сценарного подхода, комфортное функциональное для территории проектирования логичное размещение в контексте городской среды.

При рассмотрении примеров тематических парков было выявлено четыре основные темы:

- историческая, в том числе и археологическая: демонстрирует, воссоздает или интерпретирует определенные периоды истории. В археологических парках памятники могут дополняться этнографической экспозицией, современными реконструкциями древних сооружений;

- культурно-этническая: воспроизводит традиции, обычаи, особенности какой-либо культуры (этноса);
- сказочно-мифологическая: воплощает мир сказок и мифов в реальности;
- научно-техническая: демонстрирует достижения науки, высоких технологий, космоса.

Библиографический список

1. Божук В.Н. Анализ понятия тематический развлекательный парк // Актуальные проблемы архитектуры: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и докторантов / СПбГАСУ. - В 5 ч. Ч. 2. - СПб, 2014. - с. 101-105.
2. Спигал Д. Почему Россия созрела для развития тематических парков // Аттракционы и развлечения. Журнал Российской ассоциации парков и производителей аттракционов (РАППА), №20, 2016. – с. 66-67.
3. Методические рекомендации по проектированию парков различных функциональных типов / Сост. О.И. Парьева; Науч. ред. И.В. Барсова. – Л., ЛенНИИПградостроительства, 1988. – 50 с.
4. В.П. Шевелев, Е.Ю. Ступак. Время как основополагающий фактор развития городского пространства // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - № 4 (12). - 2017. - С. 58 - 62.
5. A.Ye. Yenin. Theory and practice of heritage renovation of landscape and recreational spaces in the city of Voronezh. Renovation project for the Park named after A. Durov / T. I. Grosheva and V N Salko.// IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. С. 012079.V.N.
6. Енин А.Е. Методические и практические основы преобразования курортного парка в национальный парк «Кисловодский»/ Шапошников А.В., Грошева Т.И.//Архитектурные исследования. 2018. № 4 (16). С. 119-133
7. А.Е. Енин. Адаптация мирового опыта формирования пространств археологических парков с разработкой научно-исследовательских центров для музея-заповедника «Костёнки» Воронежской области/ О.В. Рогова// Архитектурные исследования. 2018. № 4 (16). С. 38-46

Bibliography list

1. Bozhuk V.N. Analysis of the concepts of a theme entertainment park // Actual problems of architecture: materials of the international scientific-practical conference of students, graduate students, young scientists and doctoral students / SPbGASU. - At 5 h. Part 2. - St. Petersburg, 2014. - p. 101-105.
2. Spigal D. Why Russia is ripe for the development of theme parks // Attractions and entertainment. Magazine of the Russian Association of Amusement Parks and Attractions (RAAPA), No. 20, 2016. - p. 66-67.
3. Guidelines for the design of parks of various functional types / Comp. O.I. Paryeva; Scientific ed. I.V. Barsova. - L., LenNIIP urban planning, 1988. - 50 p.
4. V.P. Shevelev, E.Yu. Stupak. Time as a fundamental factor in the development of urban space // Architectural studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - No. 4 (12). - 2017. -- S. 58 – 62.

5. A.Ye. Yenin. Theory and practice of heritage renovation of landscape and recreational spaces in the city of Voronezh. Renovation project for the Park named after A. Durov / T. I. Grosheva and V N Salko.// IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. C. 012079.V.N.

6. Yenin A.E. Methodical and practical basis for the transformation of the resort park into the Kislovodsky National Park/ Shaposhnikov A.V., Grosheva T.I.//Architectural Research. 2018. No 4 (16). S. 119-133

7. A.E. Enin. Adaptation of the world experience of the formation of archaeological parks with the development of research centers for the museum-reserve "Kostenki" Voronezh region / O.V. Rogova // Architectural research. 2018. No 4 (16). S. 38-46

ORGANIZATION OF SPACE OF THEMATIC PARKS

V.P. Shevelev, L.V. Morozova

Shevelev V.P., VSTU, professor, member of the Union of Architects of Russia, Honorary Architect of Russia, Russia, Voronezh, Tel. +7 (473) 236-94-90

Morozova L.V., VSTU, master's degree in urban planning, direction "Architectural and urban planning research and design of environmental systems" population–environment ", Voronezh, Russia, e-mail: morozvaid@gmail.com

Statement of the problem. The work is dedicated to the study of effective tools for designing comfortable space theme parks.

Results and conclusions. The main methods of implementing these objects have been revealed.

Keywords: park, urban landscape, theme parks, design, thematicization, scenario approach

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

М.С. Молодых, О.В. Воропаева

Молодых М.С., ВГТУ, старший преподаватель, кафедра основ проектирования и архитектурной графики, Россия, Воронеж, тел.: 8(4732)36-94-90, e-mail: molodix@bk.ru

Воропаева О.В., ВГТУ, магистр по направлению градостроительство программы архитектурно-градостроительные исследования и проектирование экологических систем «население-среда», ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8(900)9554684, e-mail: oles.voropaeva@yandex.ru

Постановка задачи. В связи с увеличением внимания к внутреннему экологическому туризму был проведен анализ его особенностей, а также его существующего состояния в области, с целью определения потенциала его развития и выявления основных зон перспективного роста.

Результаты и выводы. В статье рассмотрено современное состояние экологического туризма в области, проведен анализ существующих заповедников и памятников природы и уровень их освоения, рассмотрен потенциал развития экологического туризма в области и выделены перспективные зоны его развития.

Ключевые слова: Воронежская область, экологический туризм, экотуризм, потенциал развития, структурные узлы, памятники природы, экологические маршруты.

Введение

В связи с увеличением количества антропогенных факторов, пагубно влияющих на климат и окружающую среду, в обществе наиболее остро встают вопросы экологии и природоохраны. По этой причине, в стране активно развивается экологический туризм и считается наиболее перспективным, что закреплено в постановлении Правительства РФ от 2.08.2011 № 644 ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)» [1].

Международное общество экотуризма TIES дает определение экотуризму как «ответственное путешествие в природные территории, которое содействует охране природы и улучшает благосостояние местного населения» [2].

Рис. 1. Функции экологического туризма

Ключевой движущей силой в развитии экотуризма можно считать стремление человека расширить собственные познания об окружающем его мире, желание достигнуть духовного и нравственного совершенства. Принято выделять основные виды экотуризма - познавательный, научный и спортивный (рис. 1). Экологические тропы – это специализированные маршруты для обучения на природе, которые считаются основными наиболее распространенным инструментом ознакомления туристов с окружающей средой. Существует классификация, согласно которой экотуризм делится по видам транспорта (рис. 2).

Рис. 2. Классификация экологического туризма по видам транспорта

В настоящее время зарождается новый вид туризма - агротуризм, или агроэкотуризм. Он заключается в том, что путешественники, во время своего отдыха, ведут сельский стиль жизни на фермах и хуторах [3].

Анализ эколого-рекреационного потенциала Воронежской области

Согласно исследованиям, проводимыми ежегодно центром информационных коммуникаций и журналом «Отдых в России», в 2019 году Воронежская область заняла 28 место в национальном туристическом рейтинге из 85 субъектов РФ [4]. Рейтинг оценивал как туристический и рекреационный потенциал субъектов, так и существующее состояние внутреннего и въездного туризма. Учитывая то, что туризм в регионе на данный момент развит слабо и локально, можно сделать вывод, что существенные показатели область получила именно благодаря высокой оценке экспертами потенциала области. Поэтому, необходимо сконцентрировать внимание на развитие туристических центров в области.

Воронежская область имеет благоприятное геоэкономическое положение: располагается в Центральном Федеральном округе и находится на пути как к южным регионам страны, так и к западным областям. Благодаря этому, область пронизана разнонаправленными транспортными магистралями. Через Воронежскую область каждое лето к югу проезжают сотни тысяч путешественников. Это особенность позволяет иметь конкурентные преимущества региона в формировании развитой туристической индустрии.

Воронежская область богата экологически значимыми объектами. Важнейшие из них - это Воронежский государственный биосферный заповедник им. В.М. Пескова и Хопёрский заповедник, основанные в 30-х годах прошлого столетия. За время своего существования они не только сохраняли и изучали природные особенности региона, но и вели активную просветительскую деятельность среди населения. Кроме того, на территории региона расположено 4 природных парка, 16 заказников, 1 дендропарк и 170 памятников природы [5]. Кроме того, в области ведется активное развитие музеев-заповедников, таких как «Костёнки» и «Дивногорье». Эти объекты примечательны не только своими уникальными природными особенностями, но и имеют важнейшее историко-культурное значение. Таким образом, высокий потенциал развития имеют не только приключенческие, образовательные и паломнические туры по области, но и экологические [6].

Развитие экотуризма в регионе должно не только привлечь туристов, но и сформировать особое отношение населения к ООПТ. Это не просто выработка позитивного отношения к окружающей среде, это просветительская работа, целью которой должно стать обеспечение сохранности биоразнообразия и экологического баланса широкими слоями населения. В таком случае заповедник станет связующим элементом между обществом и средой его обитания [7].

Анализ основных узлов экологического туризма Воронежской области

Для создания сети объектов экологического туризма необходима дифференциация территории по функциональному принципу. Холоденко А.В. в своем исследовании предложил выделять следующие основные узлы:

1. Зона познавательного туризма – включает в себя уникальные, особо значимые в экологическом плане природные объекты. Здесь ведется просветительская работа с населением.

2. Заповедные зоны – включают в себя ареалы обитания редких видов, характерные зональные и уникальные ландшафты, на которых ведется научно-исследовательская работа.

3. Историко-культурная зона – включает в себя объекты истории и культуры. Ее целью является обеспечение сохранности исторического облика ландшафтов и самих объектов.

4. Зона рекреации – включает в себя традиционные природные места отдыха населения. Основной задачей здесь стоит обеспечение сохранности коренных природных сообществ в условиях рекреационного использования территории.

Зонирование Воронежской области необходимо, чтобы обеспечивать рациональное использование ресурсов, повысить экологическую ценность и стабильность региона, а также увеличить туристическую активность в области.

В регионе четыре заповедных зоны с уже существующим и активно развивающимся экологическим туризмом: Хопёрский и Воронежский заповедники, заказник Каменная степь и музей-заповедник Дивногорье.

Хопёрский заповедник, основанный в 1935 году, занимается сохранением и изучением природных комплексов реки Хопёр, которые являются местом обитания редкого животного – русской выхухолы. Для посетителей открыт музей природы, проложен экомаршрут «Легенды Хопра» и водный байдарочный маршрут в устье р. Хопер. При активном участии заповедника был открыт первый детский экологический лагерь «Сказки старого Хопра».

Воронежский заповедник считается одним из самых экологически-значимых объектов региона. С самого своего открытия он вел просветительскую работу с населением, устраивал лекции и беседы в учебных заведениях и на крупных производствах, а первую музейную экспозицию заповедник выставил в 1934 г. Используя отечественный и зарубежный опыт, а также собственные разработки, заповедник применяет самые действенные формы и методы эколого-образовательной работы, основной целью которой являются: повышение социальной значимости через внедрение в социально-культурную среду региона; привлечение целевых инвестиций; развитие партнерских отношений со сторонними организациями. На территории работают несколько музейных и развлекательных объектов. Так как непосредственное посещение охраняемой территории туристам запрещено, уже более 70 лет существует музей природы – своеобразное «окна в заповедную природу». Экспериментальный бобровый питомник, бобровый городок, также является важным звеном экологического просвещения. Это уникальный проект, включающий в себя 2-х уровневый аквариум, в котором можно наблюдать за жизнью бобров. На территории также работает музей пожаров, верёвочный парк «Ёжкины дорожки», созданный по особой технологии, не наносящей вред стволам деревьев, и проложено несколько экомаршрутов [9].

Природный заказник «Каменная степь» уникален тем, что демонстрирует посетителям, как человек способен возобновить разрушенную его же деятельностью природу. Интенсивная хозяйственная деятельность, разворачивающаяся в XIX веке, повлекла за собой вырубку леса, уничтожению фауны, обмелению рек, сносу почвы и другим негативным последствиям.

Чтобы улучшить положение, ученые организовали на территории комплекс прудов, орошавших земельный участки, а также полезащитные лесополосы. В наши дни заказник ведет эколого-просветительскую работу и проводит экскурсии по трем экологическим маршрутам.

Воронежская область — один из самых больших регионов в мире по числу рукотворных пещер. Насчитывается около 50 объектов подземной культовой архитектуры. Музей-заповедник «Дивногорье», основанный в 1988 году, считается самым известным пещерным комплексом. Здесь находятся многочисленные памятники археологии IX-X столетий, верхнепалеолитические стоянки, Маяцкий археологический комплекс, пещерные меловые церкви XV века; пещерная церковь «Дивногорская – 3», меловые столбы-Дивы, уникальные ландшафтные образования и курганные группы, реликтовая растительность.

Местный агротуризм развит крайне слабо. В регионе функционирует лишь одно гостеприимное козье хозяйство - «Фермерское качество» с. Бабяково.

Важно также отметить перспективные направления развития экотуризма в области. В данный момент уже идет работа по разработке туристических маршрутов в Подгоренском районе. Предполагается, что туристам покажут меловые столбы и пещеры в селах Белогорье и Костомарово, а также местный монастырь, куда ежегодно стекаются паломники со всей страны [11].

Внутренний туризм воронежские власти активно развивают, в том числе и в Таловском районе. В 2019 году там обустроили уникальную мараловую ферму, где занимаются разведением таежных оленей ради рогов, обладающих лечебными свойствами. Рога срезаются ежегодно, с их помощью туристам готовят целебные ванны. Животных держат как в вольерах, так и в свободных условиях, где посетители могут понаблюдать за их жизнью. С помощью уникальной для области мораловой фермы власти предполагают привлечь туристов в регион.

В 2019 году в Воронеже снова поднялся вопрос о благоустройстве большой воронежской экотропы. Маршрут состоит из трех основных участков - Нагорной тропы, Чертовицкой и Усманской, образующих замкнутый контур. Общая длина свыше 65 км, что соответствует 4 дням пути. Маршрут проходит таким образом, что затрагивает 24 памятника областного значения, проходит через государственный природный заказник областного значения «Воронежская нагорная дубрава» и государственный заказник федерального значения «Воронежский», а также включает 74 объекта историко-археологического наследия - древнеславянские городища и могильные курганы. Планируется создать туристический объект, своего рода природно-археологический музей-заповедник под открытым небом, который поднимет привлекательность региона для туристов. Так, Воронеж станет одним из крупных городов мира, имеющих в своих окрестностях уникальный природный маршрут.

Согласно расчетам интегральной оценки эколого-туристического потенциала, проведенным Р.С. Рощевкиным, особую ценность для целей экологического туризма представляют объекты: степь «Крутцы», урочище «Голик», урочище «Белогорье», урочище «Ореховое», целинные склоны у с. Липовка, проломниковая степь у с. Михнево, степные склоны по р. Толучеевка, меловые склоны у с. Коротояк, урочище «Майдан», Шип-курган [6].

Анализ расположения основных структурных узлов на территории области и их взаимосвязи между собой

А.Н. Азизова-Полужктова в своей научной работе пришла к выводу, что «при исследовании архитектурных туристско-рекреационных систем наиболее эффективным является дедуктивный метод принятия решений, при котором результаты, получаемые на более низких таксономических уровнях, напрямую зависят от выводных данных, принятых на вышестоящих уровнях». Автор отмечает, что системы туризма многоуровневые, с четкой структурой: туристско-рекреационная среда региона, области, муниципального района, города, комплекса [12]. Экологический туризм – это один из ключевых звеньев туристско-рекреационной системы, поэтому при анализе его существующего состояния и при дальнейшем его развитии необходимо также отталкиваться от более общего к частному.

В 2014 году группой ученых (Бочаров В.Л., Дмитриева В.А., Нестеров Ю.А., Нефедова Е.Г., Прохорова О.В., Строгонова Л.Н., Федотов В.И., Федотов С.В.) была проведена работа, целью которой стала оценка потенциала развития экологического туризма муниципальных районов области. Были исследованы: агроклиматические факторы (повторяемость ясных и пасмурных дней, средняя многолетняя температура, распределение сумм активных температур, количество осадков, скорость ветра и др.); водные ресурсы и водный фонд (густота речной сети и др.); рекреационно-туристические ресурсы (ООПТ всех категорий, разнообразие ландшафтов, облесенность территории, обводненность, комфортность природных условий для экотуризма). Суммирование значений полученных частных показателей с весовыми коэффициентами, предложенными экспертами, дало возможность создать карту интегрального показателя благоприятности территории для развития экологического туризма (рис. 3) [13].

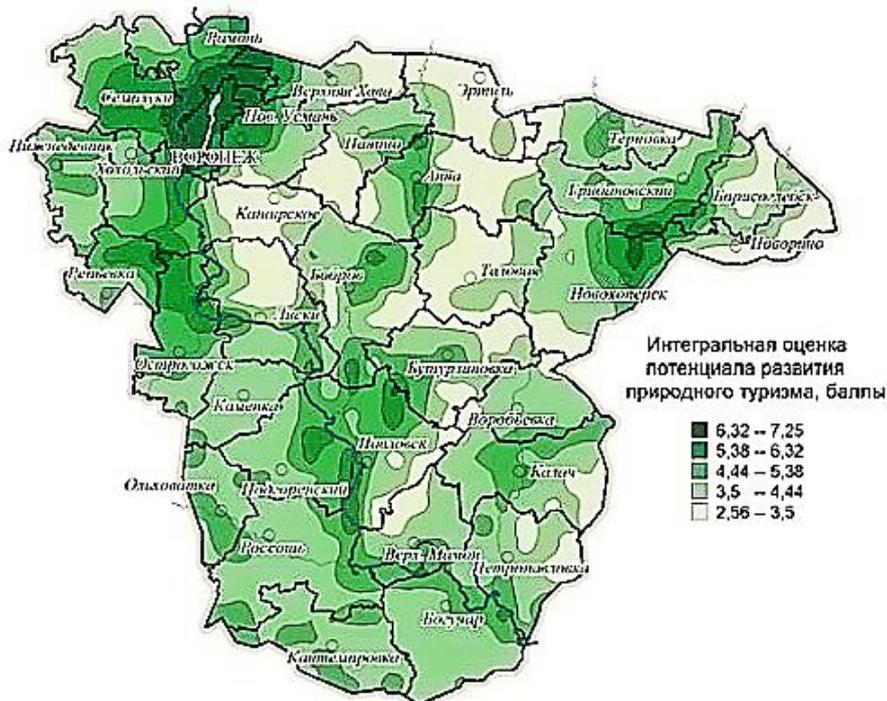

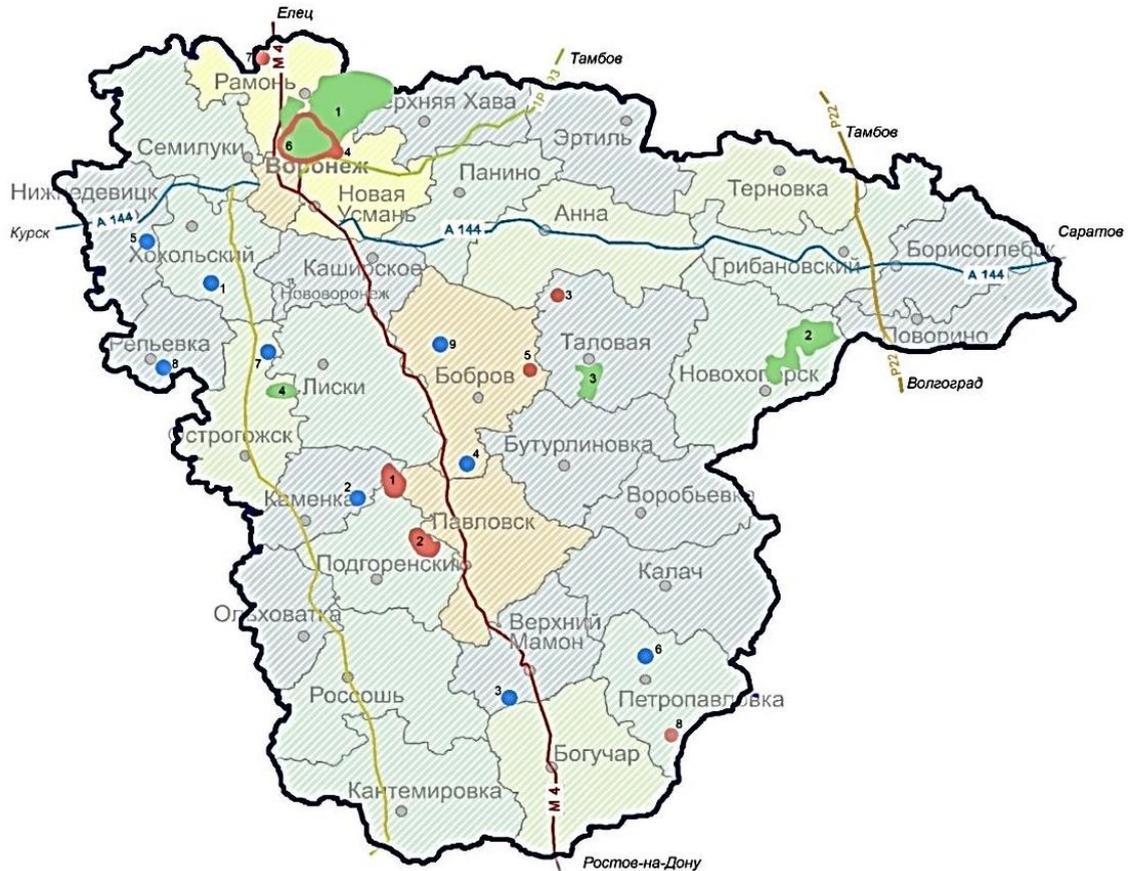
Рис. 3. Карта интегрального показателя благоприятности территории для развития экотуризма

Территория высоких значений интегрального показателя составляет 1490 кв.м или 2,8% площади области. Наиболее значимая область (1189 кв.м) высокого показателя соответствует месторасположению Воронежского заповедника. Также, небольшой центр (153 кв.м) прослеживается на территории Хоперского заповедника. Обе эти области отличаются высоким биоразнообразием, представляют научный и общеобразовательный интерес, имеют свои уникальные особенности и черты, однако, с точки зрения потенциала развития, Воронежский заповедник имеет явные преимущества. Во-первых, по размерам территории он превосходит Хоперский заповедник в более чем 7 раз, что, безусловно, дает пространство для реализации большого количества сценариев развития. Во-вторых, непосредственная близость расположения к административному центру области делает его более доступным для жителей региона, а соседство с основной транспортной магистралью, соединяющей юг России со столицей, делает его более легкодоступным и для приезжих. В-третьих, непосредственная близость к г. Воронежу дает возможность использовать сформированную туристическую инфраструктуру и для целей экотуризма.

Анализ карты интегрального показателя благоприятности территории для развития экологического туризма показывает, что наиболее высокий потенциал имеют районы: Семилукский, Рамонский, Острогожский, Репьевский, Павловский, Подгоренский,

Грибановский, Новохоперский и Воронежский городской округ. Также наблюдается увеличение показателей вдоль рек Дон, Битюг и Хопёр.

Схема расположения выявленных основных узлов экологического туризма (рис. 4) показывает не только их географическое положение в области, но и положение относительно основных транспортных магистралей в регионе. Анализ этих узлов в рамках муниципальных районов позволил увидеть неравномерность и низкий уровень их освоенности в различных частях области.

Заповедники:

1. Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В. М. Пеского
2. Хоперский государственный природный заповедник
3. Природный заказник «Каменная степь»
4. Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»

Объекты активного развития:

1. Меловые столбы и пещеры в с. Костомарово
2. Меловые столбы и пещеры в с. Белогорье
3. Мараловая ферма
4. Козье хозяйство «Фермерское качество»
5. Хреновской конный завод
6. Большая Воронежская Экотропа
7. Кривоборье
8. Донская сахара

Наиболее перспективные объекты согласно расчетам интегральной оценки эколого-туристского потенциала:

1. Степь «Крутцы»
2. Урочище «Голик»
3. Урочище «Ореховое»
4. Целинные склоны у с. Липовка
5. Пролонниковая степь у с. Михнево
6. Степные склоны по р. Толучеевка
7. Меловые склоны у с. Коротояк
8. Урочище «Майдан»
9. Шип-курган

Количество памятников природы областного значения в районе

1 - 3	4 - 6	7 - 9	10 - 12	13+
-------	-------	-------	---------	-----

Рис. 4. Схема расположения выявленных основных узлов экологического туризма

Можно сделать вывод, что наибольшее количество объектов притяжения находятся в районах: Острогожском, Подгоренском, Бобровском, Петропавловском и Таловском и в Воронежском городском округе. Также, большая часть объектов находятся на территории, благоприятной для развития экологического туризма. На схеме видно, что большая часть объектов находится вдоль трассы федерального значения М4 «Дон», которая является крупнейшей магистралью, связывающей столицу с югом России. Транспортная доступность центральной части региона относительно крупных городов и большой поток машин,

проходящий сквозь нее, дает большой потенциал для создания эколого-рекреационного кластера. Также, перспективной для развития является северо-западная часть региона, так как имеет высокие интегральные показатели, насыщена биологическими памятниками природы и находится между двумя крупными городами: Воронежем и Старым Осколом. Еще одним структурным узлом может стать северо-восточная часть региона, которая имеет высокие интегральные показатели, через нее проходит шоссе Р22 «Каспий», соединяющее Москву с Астраханью.

Вывод

Исследуя данную тему, можно сделать вывод, что Воронежская область имеет высокий потенциал развития эколого-рекреационного туризма, который уже начинает формироваться в некоторых частях региона в связи с усилением внимания правительства к развитию внутреннего экологического туризма. Важность его развития обусловлена необходимостью внедрения нового сценария отдыха и просвещения у населения, что позволит не только сформировать положительные отношения к окружающей природной среде, но и поможет улучшить экологическую ситуацию в области. Были выявлены основные зоны перспективного развития экологического туризма: центральная часть области (Павловский, Бобровский и Подгоренский районы), северо-западная часть области (Хохольский, Семилукский, Рамонский районы и Воронежский городской округ) и северо-восточная часть области (Новохоперский, Грибановский районы) (рис.5).

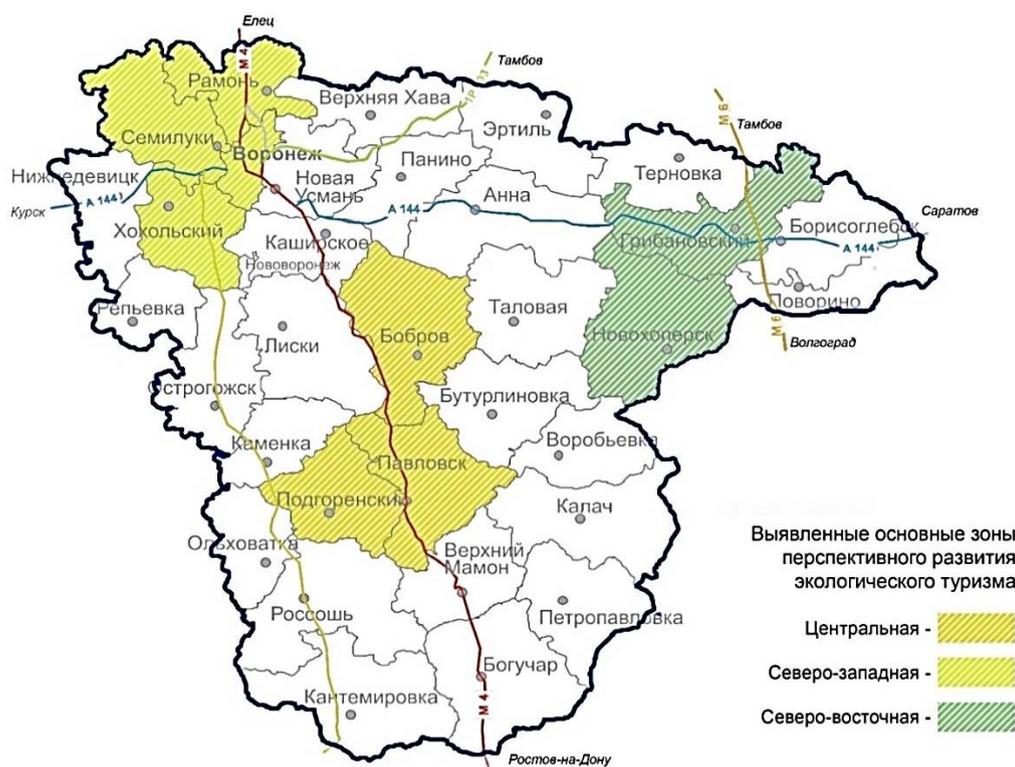

Рис. 5. Схема расположения основных зон перспективного развития экологического туризма в Воронежской области

Развитая система экологического туризма позволит сделать область более экономически привлекательной, а также удовлетворит потребности широких слоев населения в доступном отдыхе и туризме.

Библиографический список

1. О федеральной целевой программе "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)": постановление Правительства РФ от

- 02.08.2011 N 644 (ред. от 07.02.2018) // [Электронный источник]URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/
2. What Is Ecotourism? – The international ecotourism society [Электронный ресурс] – URL: <https://ecotourism.org/what-is-ecotourism/>
 3. Кусков, А.С., Голубева, В.Л., Одинцова, Т.Н. Рекреационная география. / А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова - М.: МПСИ, Флинта, 2005. – 503 с.
 4. Национальный туристический рейтинг-2019 [Электронный ресурс] - URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2019>
 5. Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий областного и местного значения на территории Воронежской области по состоянию на 01.01.2018 года : приказ департамента природных ресурсов и экологии Воронежской области от 19 января 2018 года №40.
 6. Рощевкин, Р.С. Оценка перспектив развития экологического туризма в Воронежской области: дис. ... канд. географ. наук : 25.00.24 / Роман Сергеевич Рощевкин ; Воронеж. гос. ун-т. –Воронеж, 2013. – 186 с.
 7. Кусков, А.С., Феоктистова, Н.В. Социально-экономическая реальность и политическая власть: Монография / А.С. Кусков, Н.В. Феоктистова - Ставрополь: Век кн. - 3, 2006. – 251 с.
 8. Холоденко, А.В. Особенности реализации принципов ландшафтно-экологической оптимизации природопользования в территориальной охране природы / А.В. Холоденко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология – 2011. – Вып. 2(19). – С. 246-252.
 9. Воронежский государственный природный биосферный заповедник имени В.М. Пескова [Электронный ресурс] - URL: <http://zapovednik-vrn.ru/activity/ekologicheskoe-prosveshhenie/struktura-deyatelnosti/>
 10. Зеленина, В.И., Экологический туризм на территории Воронежской области / В.И. Зеленина // Воронеж, 2017 г.
 11. Вахитова, З.Т. Особенности развития экологического туризма в Воронежской области / З.Т. Вахитова// JSRP - 2014. -Вып. 2(6). - С. 53-58.
 12. Азизова-Полуэктова, А. Н. Системные принципы формирования региональной туристско-рекреационной среды: дис. ... канд. арх.: 05.23.20/ Анна Наилевна Азизова-Полуэктова ; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. - Нижний Новгород, 2015.– 206 с.
 13. Материалы по оценке производственных сил муниципальных районов Воронежской области (агроклиматические, водные и рекреационно-туристские ресурсы) / Л. М. Акимов [и др.] //Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2014. – Вып.4. – С. 68-126.
 14. А.Е. Енин. Туризм и отдых в Центрально-Черноземном регионе России (системные основы формирования и развития инфраструктуры)/ Азизова-Полуэктова А.Н.// Воронеж: ООО «Издат-Черноземье», – 2014. – 152 с.
 15. А.Е. Енин. Архитектурная туристско-рекреационная система: структура, свойства, отношения/ Азизова-Полуэктова А.Н.// Юг России: экология, развитие. – 2017. – Т. 12. – № 1 (42). – С. 139-147.

Bibliography list

1. About the Federal target program" Development of domestic and entry tourism in the Russian Federation (2011-2018) :the resolution of the government of the Russian Federation

- from 02.08.2011 N 644 (ed. From 07.02.2018) // [Electronic source] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/
2. What Is Ecotourism? – The international ecotourism society [Electronic resource] - URL: <https://ecotourism.org/what-is-ecotourism/>
 3. Kuskov, A. S., Golubeva, V. L., Odintsova, T. N. Recreational geography. Educational and methodical complex. / -A. S.Kuskov, V. L.Golubeva, T. N. Odintsova, - Moscow: MPSI, Flint, 2005. – 503 p.
 4. National tourist rating-2019 [Electronic resource] - URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2019>
 5. On approval of the list of specially protected natural territories of regional and local importance on the territory of the Voronezh region from 01.01.2018: Order No. 40 of the Department of natural resources and ecology of the Voronezh region dated January 19, 2018.
 6. Rosewkin, R. S. Assessment of development prospects of ecological tourism in Voronezh region : dis. ... cand. geographer. sciences : 25.00.24, Roman Sergeevich Rosewkin; Voronezh st.univ. - Voronezh, 2013/ - 186 p.
 7. Kuskov A. S., Feoktistova N. V. Socio-economic reality and political power: Monograph / A. S. Kuskov, N. V. Feoktistova -Stavropol: Vek kn. - 3, 6 – 251 p.
 8. Kholodenko A. V. Features of implementation of the principles of landscape and environmental optimization of nature management in territorial nature protection /A.V. Kholodenko// Bulletin of Volgograd state University. Series 3: Economics. Ecology. -2011. – Issue 2(19). – P. 246-252.
 9. Voronezh state natural biosphere reserve named after V. M. Peskov [Electronic resource] - URL: <http://zapovednik-vrn.ru/activity/ekologicheskoe-prosveshhenie/struktura-deyatelnosti/>
 10. Zelenina V. I., Ecological tourism on the territory of Voronezh region / V. I. Zelenina// Voronezh, 2017.
 11. Vakhitova Z. T. Features of ecological tourism development in the Voronezh region / Z. T. Vakhitova //Scientific research publications -2014. –Issue 2(6). – P. 53-58.
 12. Azizova-Poluektova, A. N. System principles of formation of regional tourist and recreational environment: dis. ... cand. arch.: 05.23.20/ Anna Nailevna Azizova-Poluektova: Voronezh st. univ. - Nizhny Novgorod, 2015. – 206 p.
 13. Materials for assessing the production forces of the municipal districts of the Voronezh region (agro-climatic, water, recreational and tourist resources) / L. M. Akimov [et al.] // Bulletin of the Voronezh state University. Ser. Geography. Geoecology. – 2014. – Issue 4. – P. 68-128.
 14. A.E. Enin. Tourism and recreation in the Central Black Earth region of Russia (systemic foundations for the formation and development of infrastructure)/ Azizova-Poluektova A.N.// Voronezh: Izdat-Black Earth LLC - 2014. 152 s.
 15. A.E. Enin. Architectural tourist-recreational system: structure, properties, relations / Azizova-Poluektova A.N.// South of Russia: ecology, development. – 2017. T. 12. – No 1 (42). S. 139-147.

CURRENT STATE OF THE ECO-TOURISM SYSTEM IN THE VORONEZH REGION

M.S. Molodykh, O.V. Voropaeva

*Molodykh M.S., VSTU, senior lecturer, Department of fundamentals of design and architectural graphics, Voronezh, Russia, e-mail: molodix@bk.ru
Voropaeva O.V., VSTU, Master in Urban Planning, Architectural and Urban Studies, Ecology and Environmental Systems, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, tel.: 8(900)9554684, e-mail: oles.voropaeva@yandex.ru*

Statement of the problem: Due to the increased attention to internal ecological tourism, it has been analyzed its features, as well as its current state in the region, was carried out in order to determine its development potential and identify the main areas of prospective growth.

Results and conclusions. The article considers the current state of ecotourism in the region, analyzes the existing reserves and natural monuments and the level of their development, considers the potential for the development of ecotourism in the region and identifies promising areas for its development.

Keywords: Voronezh region, ecological tourism, ecotourism, development potential, structural points, natural monuments.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДА КУРСКА

А.М. Подколзин, Г.А. Чесноков

Подколзин А.М., магистрант кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +79107405625, e-mail: tri62@mail.ru

Чесноков Г.А., канд. архитектуры, профессор кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия, ВГТУ, Воронеж, Россия, e-mail: chesnokov@mail.ru

Постановка задачи. В данной работе рассмотрены основные этапы формирования архитектурного ансамбля Красной площади города Курска, подняты проблемы сохранения и функциональной востребованности образующих его объектов культурного наследия.

Результаты и выводы. Рассмотрено современное состояние объектов, их роль в структуре центра города. Выявлено, что здания, составляющие архитектурный ансамбль Красной площади, имеют градостроительную, архитектурно-эстетическую, художественно-эмоциональную, научно-реставрационную, функциональную ценность и являются объектами культурного наследия регионального и федерального значения.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, доминанта, застройка, классицизм, сталинский ампи́р, реконструкция.

Введение

Курск - один из древнейших русских городов. Двадцатое столетие наполнило его историю особым драматизмом. За прошедшее столетие Курск сильно вырос и изменился, стараясь сохранить при этом свой неповторимый, узнаваемый облик.

В центре Курска расположена Красная площадь - главная площадь города, лицо Курского края, его яркая визитная карточка. В XXI веке, пропагандирующем принципы конструктивизма и минимализма, возрастает важность и актуальность вопроса изучения и анализа объектов культурного наследия, существование которых является основополагающим фактором формирования облика города. Именно поэтому архитектурный ансамбль исторического центра города Курска стал объектом нашего исследования. Мы обратимся к истории возникновения Красной площади и проанализируем ее формирование и развитие в середине XX века.

Краткая история Красной площади.

К концу XVIII века в центре Курска было всего лишь обширное пространство, выгоревшее после опустошительного пожара 1781 года, после чего необходимо было восстанавливать город по новому плану. Центральная площадь города Курска образована в соответствии с первым регулярным генеральным планом, разработанным петербургской «Комиссией по делам строений», возглавляемой архитектором И.Лемом, и утвержденному в 1782 г. Екатериной II (рис.1). Площадь, названная Красной, что означает красивая, служила для проведения богослужений перед Крестным ходом, для устройства ярмарок, базаров, смотров войск, массовых гуляний (рис.2).

Облик дореволюционной площади был иным, чем сейчас. Она была узкой и длинной. Здесь находились рыбный ряд, Толкучий рынок и Флоровская площадь. Вокруг располагалось в каменных зданиях более 46 магазинов и лавок. Кроме них на площади было построено 220 деревянных лавок. Повсюду было грязно от разбросанной соломы, навоза, гниющих отходов. Неспроста на ряде дореволюционных почтовых открыток с видами на Красную площадь было напечатано: "Базарная площадь"[7].

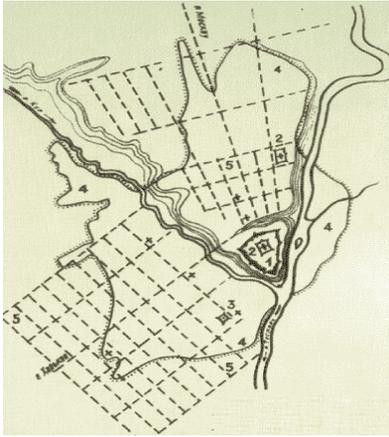

Рис. 1. План
губернского города Курска, 1782 г.
Источник - <http://old-kursk.ru>

Рис. 2. Начало XX века (до 1914 г.)
Вынос Курской чудотворной иконы Божией Матери
Знамение в Коренную пустынь.
*Источник – Теплицкий М.Л. Автографы в камне.
Архитектурная летопись Курска – Курск, 2001 г.*

За свою более чем двухсотлетнюю историю Красная площадь претерпела множество изменений. В северной части её был построен Гостиный двор. В центре - Александровская часовня. Южную часть площади замыкают храмы и здания Знаменского монастыря (рис.3), северную - развернутая панорама светских зданий Гостиной улицы. От Красной площади отходили главные улицы города: Московская (ныне – ул. Ленина) (рис.4) и Херсонская (ул. Дзержинского), а также улицы Гостиная (ул. Марата), Юрьевская (ул. Урицкого), Знаменская (ул. Луначарского), и Верхняя Набережная (ул. Сонины).

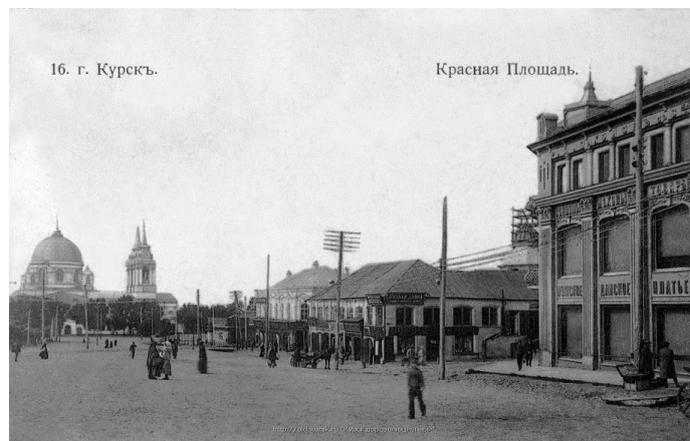

Рис. 3. Фото кон. XIX века. Красная площадь вид на Знаменский собор.
Правее «Петербургская» гостиница на углу Херсонской. Ближе дом купца И.И. Дружинина
и пивная лавка «Л.М. Вильм преемник» на углу Юрьевской.
Источник – Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска – Курск, 2001 г.

Новая жизнь Красной площади началась после революции. Здесь проходили митинги, манифестации, парады войск. Губернская молодежная газета "Молодняк" 18 февраля 1927 года описала демонстрацию на площади: "И вот, когда вечерняя мгла опустилась на город, Красную площадь запрудили толпы рабочего молодняка. Светло. Пылают факелы, пылают огненными языками, глотая тьму. Колонны движутся за колоннами, группы за группой. Многоголосный шум, задорный смех, песни» [14].

Уже в тридцатых годах XX века начинаются работы по реконструкции Красной площади. В 1933 году куряне воздвигают на площади на собранные среди населения деньги памятник В. И. Ленину (скульптор П. П. Яцыно), строят большое по тому времени

административное здание, прочно закрепившее за собой название "шестерка". Тогда же площадь покрывается асфальтом, а купеческие лавки и амбары идут на слом.

Первый проект комплексной реконструкции Красной площади был выполнен архитектором С. С. Ткаченко в 1935 год, однако до стадии реализации он не дошел. В нем предполагалось построить на площади в южной части здание Дома Советов так, чтобы оно обозревалось в перспективе с улицы Ленина. В результате такого решения полностью исключалось из ансамбля площади прекрасное здание бывшего Знаменского собора. Архитектор также предлагал на месте городского сада имени Первого мая строительство крупных административных зданий.

Рис. 4. Северная часть Красной площади. Вид в сторону Московской улицы (Ленина). Слева - Александровская часовня, принадлежавшая Знаменскому монастырю, за ней угловые здания улицы - гостиница Полторацкого, а справа - Городской общественный дом

Источник – Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска – Курск, 2001 г.

Реальным оказался проект реконструкции площади, предложенный в 1936 году архитекторами А. Г. Шуклиным и В. И. Пилявским. В соответствии с ним в 1939 году начинается строительство монументального здания Дома Советов. В том же году на площади, на месте бывших галантерейных рядов, уже работает цирк в одном из лучших в стране цирковых зданий.

В годы Великой Отечественной войны Курск более года был под немецкой оккупацией. За этот период захватчики причинили огромный ущерб Курску. Они полностью разрушили все фабрики и заводы, 440 жилых домов, 17 школ, 9 больниц и поликлиник, здания медицинского и педагогического институтов, клубы, кинотеатры, цирк. Постановлением Совнаркома СССР «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов», Курск был включен в число 15 городов для первоочередного восстановления.

В январе 1946 года правительство утвердило генеральный план развития города на 10-25 лет. Планировка центра по этому плану в целом сохранялась, расширение города предусматривалось за счет включения в его границы прилегающих сел. Послевоенный период ознаменован грандиозным объемом восстановительного строительства. Именно в эти годы были реконструированы и построены заново целый ряд общественных зданий и жилых домов в центре Курска. Стилевой особенностью большинства из них была советская неоклассика с элементами эклектики.

В 1967 г. Совет Министров РСФСР утвердил новый Генеральный план города, рассчитанный на 20-25 лет. Этот план предусматривал значительное преобразование центральной части города, укрупнение масштаба его застройки, объединение и укрупнение кварталов, создание новой системы доминант. В проекте охрана объектов культурного наследия решалась лишь в виде сохранения отдельных немногочисленных зданий. Однако каких либо масштабных переустройств, за редким исключением, в реальности выполнено не

было. Благодаря этому в историческом центре Курска до наших дней сохранилось значительное количество объектов культурного наследия.

Рассмотрим отдельные объекты, входящие в сложившийся архитектурный ансамбль Красной площади.

Знаменский собор

Первое упоминание о сооружении на месте современного здания собора относится к XVII веку. Здесь возник деревянный «обетный» храм в честь освобождения города от польско-литовского войска. В 1615 году на этой территории был построен Богородицкий монастырь из камня. Впоследствии он стал называться Знаменским, в честь иконы Знамение Пресвятой Богородицы, которая в нем хранилась и как гласит предание способствовала возрождению Курска.

В 1631 году монастырь сгорел от удара молнии, однако быстро отстроился — правда, ненадолго: в 1634 году, в ходе русско-польской войны, его сожгли поляки. Казалось бы, такое начало жизни не предвещало храму ничего доброго, но Пресвятая Богородица, чей чудотворный образ пребывал в обители, не оставила ее своей помощью [2].

В конце XVIII века Знаменский монастырь посетила Екатерина II, следовавшая через Курск из Крыма в Москву. Перед входом в Знаменский собор её торжественно встречала делегация курского духовенства во главе с архимандритом Амвросием, державшим в руках крест и чашу с освященной водой. В соборе Екатерина II приложила к Курской Коренной иконе Божией Матери «Знамение» [2].

До приезда в Курск (в 1782 году) Екатерина II утвердила регулярный план застройки Курска, согласно которому предстояло «правильно» застраивать город достойными зданиями, а центр города выпало обозначать именно Знаменскому собору. Прежний, достаточно скромный храм для такой роли не годился. Новый каменный храм простоял в центре Курска около полутора веков, но обветшал, на прихожан с купола собора стала целыми кусками осыпаться штукатурка. Было принято решение построить вместо старого собора новый, лучшей архитектуры и большей вместительности.

«Обветшалый» Знаменский собор был разобран и в 1816 году началось строительство нового, который горожане воспринимали как памятник победе русского народа в Отечественной войне 1812 г. По решению архиепископа Курского и Белгородского Феофтиста (Мочульского) руководство строительством было возложено на архимандрита Курской Коренной пустыни Палладия, а также на губернского архитектора П.К.Шмита. Постройка собора обошлась курской епархии в огромную сумму – 600 000 рублей. Строительство заняло десять лет и было завершено в 1826 году (рис.5).

Рис. 5. Знаменский собор, 1898 год

Источник – Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска – Курск, 2001 г.

Советская эпоха доставила Знаменскому собору немало скорби. В годы Гражданской войны он лишился своей главной святыни – Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение». Её забрали с собой священнослужители, ушедшие с отступающей Белой армией. Позже чудотворный образ оказался в США.

Знаменский монастырь большевики упразднили в 1924 году, однако официально зарегистрированный Знаменский приход, в ведении которого оставался собор, просуществовал до 1932 года. После ликвидации прихода храм принялись методично обезобразивать. В сентябре 1937 года Знаменском соборе был открыт звуковой кинотеатр «Октябрь».

Отступая в 1943 году из Курска, фашисты подожгли храм, вследствие чего оказалась уничтожена вся внутренняя отделка, рухнули перекрытия и сильно пострадал купол. После освобождения города советскими войсками в соборе размещался склад, потом содержались военнопленные, впоследствии его передали электрозаводу.

В 1948 году завод вернул здание городу, и храм принялись в очередной раз перестраивать в целях возобновления кинотеатра. По проекту курских архитекторов С.И. Федорова, Л.А. Литошенко и инженера-конструктора С.Ф. Сурина в 1949 году началось восстановление здания и его реконструкция. 12 августа 1956 года первые зрители заполнили Красный и Зеленый залы лучшего на тот период кинотеатра города (рис.6).

Рис. 6. Кинотеатр «Октябрь», 1982 год

Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Это было недавно, это было давно..... Курск, 2017.

Лишь в 1992 году Знаменский собор был возвращен русской православной церкви и вскоре начались работы его возрождению. Разобрали «фальшивый» внутренний купол, вместе с поддерживающими его колоннами, убрали полукруглые лестницы, тем самым увеличив внутреннее пространство. Были восстановлены четыре малых купола, по периметру храма, крышу покрыли медью, пристроили колокольню с северо-западной стороны. Колокольню решили поставить рядом, на свой фундамент, а не возводить на крыше трапезной, как было первоначально. На колокольню подняли 11 колоколов, общим весом 3 тонны. Внутреннее убранство храма, украшение и лепнину, восстанавливали по сохранившимся фотоснимкам и рисункам. От дореволюционного внутреннего убранства Знаменского собора к моменту его передачи Церкви ничего не сохранилось – все пропало в ходе советских перестроек и в устроенном фашистами пожаре.

В настоящее время собор является кафедральным собором Курской и Рыльской епархии, памятником историко-культурного наследия федерального значения. Из Знаменского монастыря ежегодно совершается крестный ход с перенесением иконы «Знамение» в Курскую Коренную Рождество-Богородицкую пустынь. Эта традиция берет начало с 1618 года (рис.7).

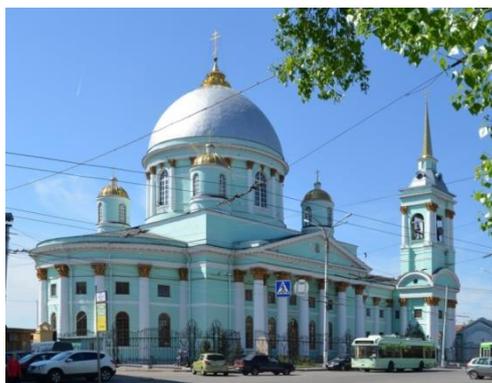

Рис. 7. Знаменский собор, 2020 год
 Источник- <http://photogoroda.com>

Здание «Дом Советов». Арх. А. Г. Шуклин.

Архитектором Дома Советов стал Алексей Григорьевич Шуклин (1908-1977), главный архитектор г. Курска с декабря 1943 по июнь 1946, старший архитектор-эксперт, заведующий бюро экспертизы проектов и смет, учёный секретарь в отделе по делам строительства и архитектуры Курского облисполкома [12].

Проект Курского Дома Советов был составлен «Облпроектконторой» в 1939 году и утверждён НТС НККХ РСФСР 25 июня 1939 года, протокол №134. Здание предусматривалось шестиэтажное, Е-образное в плане, общей площадью застройки - 1821 м², объёмом - 47221 м³. В «Доме Советов» предполагалось разместить обком ВКП(б) и обком комсомола.

Согласно плану организации работ, здание должны были возвести в течение 2-х строительных сезонов, то есть с мая 1939 года по ноябрь 1940 года. При этом не учитывались дополнительные трудности, обусловленные значительным понижением рельефа территории с северо-запада на юго-восток (на 2, 66 метра). В насыпном грунте были найдены остатки полуразрушенных подвалов разобранных зданий бывших торговых рядов, что также осложняло процесс строительства. Все земляные работы велись вручную, вывоз земли из котлована осуществлялся тачками, с площадки — гужевым транспортом. Тем не менее, строительство велось быстрыми темпами, и уже в конце 1939 года начались работы по отделке фасадов (рис.8,9).

Рис. 8. Начало строительства Дома Советов, 1939 г
 Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Это было недавно, это было давно..... Курск, 2017.

Рис. 9. Дом Советов, 1940 год
 Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Это было недавно, это было давно..... Курск, 2017.

По проекту первый этаж здания должен был быть отделан полированным гранитом, а четыре верхних этажа – бетонными плитками под натуральный вид камня светлого тона. Дом Советов должен был венчать герб республики, а по его сторонам должны были установлены пятиметровые скульптуры рабочего и работницы. Основные строительные работы были завершены в мае 1941 года.

Здание Дома Советов значительно пострадало от бомбежек и артобстрелов в период немецкой оккупации города Курска (1941-1943 года): сгорело южное крыло, а сохранившейся части здания были нанесены значительные повреждения (рис.10). Общий объем утрат составил 62%. Однако если судить по аэрофотосъемке 1943 года, можно с уверенностью сказать, что основной объем здания (капитальные стены, крыша и перекрытия центральной части и северного крыла) устоял.

Рис. 10. Дом Советов, 1942г.

Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Мой город во все времена - Курск, 2013.

В марте 1943 года решением № 965 Исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся была утверждена резолюция: «Восстановить Дом Советов». Финансирование работ по его возрождению было обеспечено постановлением правительства РСФСР. Новый проект архитектурного оформления фасадов «Дома Советов», составленный проектной мастерской города Курска, предусматривал некоторые изменения в ордерном оформлении главного фасада и устройство фронтона в центральной части здания. Его разработал автор первоначального проекта А.Г. Шуклин.

В 1947 году архитектор А.Г. Шуклин, совместно с производителем работ С. Алмазовой, за проект нового архитектурного оформления фасадов «Дома Советов» на Красной площади Курска был удостоен III Республиканской премии России в области архитектуры. Вариант фасадного оформления «Дома Советов», разработанный курским архитектором, выгодно отличался от московских разработок экономичностью и больше соответствовал основной идее проекта реконструкции центра города.

Здание «Дом Советов» стало главной достопримечательностью города Курска. Каких бы почетных гостей ни принимал Курск, будь то главы государства, прославленный полководец Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, космонавт Г. Титов или выдающийся композитор Г. Свиридов – все они были неперенными гостями «Дома Советов». На массивном цоколе здания укреплены две белые мраморные доски с текстами Указов Верховного Совета СССР о награждении Курской области орденами Ленина.

Решением исполнительного комитета Курского областного Совета народных депутатов № 49 от 16.02.1989 г. в 1989 году здание было принято под государственную охрану. В соответствии со ст.64 Федерального закона от 25.06.2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» включено в Единый Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. С момента восстановления (1951 г.) и

до нынешнего времени в здании Дома Советов располагается администрация Курской области (рис.11,12).

Рис. 11. Дом Советов, 1951 г.
Источник - <http://www.oldkursk.ru>

Рис. 12. Дом Советов, 2020 год
Источник- <http://photogoroda.com>

Здания администрации г. Курска и гостиницы «Центральная».

Арх. П. Стенюшин, Н. Власенко, А. Иванов.

Здания горсовета и гостиницы запроектированы в соответствии с проектом центра в конце 1940-х годов и скорректированы в начале 1950-х. Здания построены с учетом расширения улицы, по новой красной линии.

Главные входы этих зданий предусмотрены с Красной площади. По своему архитектурно-композиционному решению эти здания являются пропилями, подчеркивающими начало улицы Ленина от Красной площади, и представляют собой симметричные объёмы с двух её сторон.

В здании администрации города со стороны главного входа – просторный вестибюль с парадной лестницей. На втором этаже в угловой части расположен конференц-зал на 200 мест с колоннадой и балконом по периметру. Двухсветный зал занимает угловой объём здания. Имеется и малый зал на четвертом этаже (рис.13).

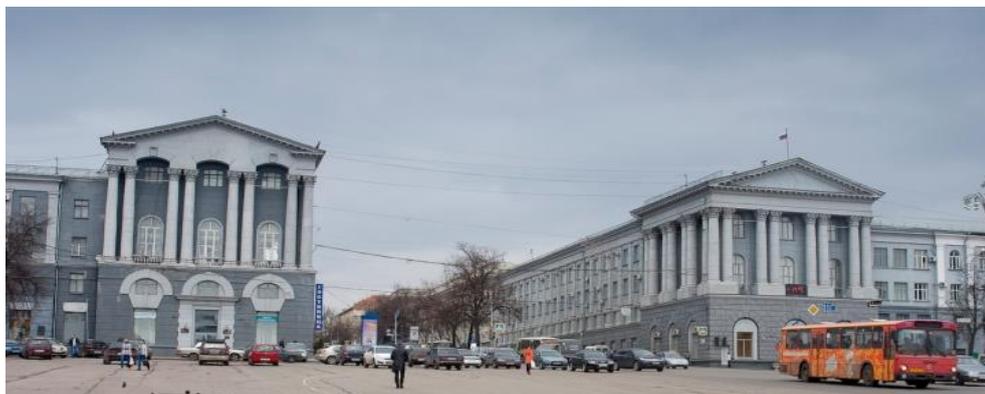

Рис. 13. Здания администрации г. Курска и гостиницы «Центральная».
Источник- <http://photogoroda.com>

Гостиница «Центральная» была построена по проекту архитектора П. Г. Стенюшина при участии архитектора А. Н. Иванова. Она располагается по красной линии улиц Ленина и Марата и обращена главными фасадами на ул. Ленина и Красную площадь. Гостиница представляет собой кирпичное здание с цокольным этажом, состоит из трех объемов. Два нарядных портика с парными колоннами коринфского стиля украшают угловую часть здания башенного типа, объединившую два гостиничных корпуса на улицах Ленина и Марата. По проекту угловую башню должен был венчать бельведер, но в годы борьбы с архитектурными излишествами строители сочли его возведение нецелесообразным [9].

Застройка на месте рассматриваемого здания сформировалась в XVII веке как посад при крепости. С востока проходила дорога на Москву, с юга размещалась площадь перед уже стоявшей здесь церковью. Регулярный план 1782 г. и современные кварталы при Красной площади (ул. Марата) несколько отличаются. При реализации генерального плана кварталы вытянули в южную сторону «захватив» территорию, предназначенную для гостиных дворов (рис.14)

Рис. 14. Выкопировки из плана 1782 г. Слева – с показом дорегулярной планировки, справа –регулярной. Красным выделена территория современного квартала.
 Источник - <http://www.etomesto.ru/kursk/>

На месте здания гостиницы «Центральная» уже в XIX веке размещалась гостиница. Так, на многочисленных фотографиях Курска показана гостиница Полторацкого в доме, принадлежащем Л.М. Наумову, а до 1910 года вдове генерала от кавалерии Н.Ф. Монтрезор, урождённой Полторацкой. Здесь размещалось 60 номеров с ваннами, буфет и ресторан. На 1-м этаже гостиницы Полторацкого были торговые заведения: мануфактурный магазин «М.А. Наумова сыновья и К», бакалейной и колониальной торговли Аксентьева, погребок русских виноградных вин П.В. Недригайлова и др. [7] (рис.15).

Рис. 15. Дореволюционный вид здания
 Источник – Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска – Курск, 2001 г.

После революции гостиница была национализирована. С 1920-х и по 1941 год здесь была также гостиница, но уже «Ленинград». В годы войны здание было полностью разрушено. На освободившемся месте (с отступом на 15 метров от старой красной линии) было выстроено новое здание гостиницы "Центральная", которая некоторое время называлась гостиницей «Курск» (рис.16,17)

Рис. 16. Фото 1944 года. Здание гостиницы "Ленинградская" на углу улиц Ленина и Марата, разрушенное

Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Мой город во все времена - Курск, 2013

Рис. 17. Вид со стороны нижней части улицы Марата. Здание гостиницы достраивается.

Источник - В. Крюков, О. Радин. Курск:

Мой город во все времена - Курск, 2013.

В девяностые годы XX века часть помещений гостиницы, на третьем и четвертом этажах, была передана под размещение департаментов и комитетов Администрации г. Курска и Курской области. На первом этаже расположился ресторан «Центральный». В 2017 году ресторан закрывается, а помещения решили сдать в аренду для размещения продуктового магазина «Пятерочка». Куряне выступили против данной идеи. Прислушавшись к мнению общественности, городские власти убедили владельца помещения не делать этого. В настоящее время у помещения сменился собственник, который принял решение возродить ресторан «Центральный» с размещением его в объеме первого этажа и подвала, именно так, как изначально было предусмотрено в проекте строительства гостиницы.

В 1989 году здание было принято под государственную охрану Решением исполнительного комитета Курского областного Совета народных депутатов № 49 от 16.02.1989 г. и является объектом культурного наследия регионального значения.

Памятник В.И. Ленину, ск. М.Г. Манисер, арх. И.Е. Рожин.

Интересна история создания памятника Ленину. После известия о смерти вождя «Курская правда» опубликовала 25 января 1924 года обращение губкома, губисполкома и губсовпрофа «Ко всему населению Курской губернии!» Там говорилось: «...Желая запечатлеть в памяти всего населения образ любимейшего из любимых, великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина, многолюдное общегородское собрание граждан Курска, состоявшееся 23 января с. г. в Рабочем Дворце (теперь гарнизонный Дом офицеров), постановило воздвигнуть Владимиру Ильичу памятник на Красной площади и в месячный срок построить самолет «Ильич» от лица Курской губернии...» [13].

Рис. 18. Памятник В.И. Ленину (скульптор П. П. Яцыно)

Источник - <http://old-kursk.ru>

Рис. 19. Памятник В.И. Ленину (М.Г. Манисер)

Во время фашистской оккупации памятник сооруженный в 1933 году был разрушен (рис.18). После войны над новым памятником работал Народный художник СССР,

выдающийся советский скульптор Матвей Манизер. Летом 1956-го, примерно на том же месте, где монумент стоял до войны, на постаменте, который создали архитекторы А. П. Великанов и И. Е. Рожин, появилась одна из лучших скульптур вождя в «Лениниане» М.Манизера. Планировку и благоустройство сквера вокруг памятника осуществил архитектор И. Федоров (рис.19). Распоряжением губернатора Курской области №925-рг от 25.11.2013 г. «Об отнесении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, к объектам культурного наследия регионального значения» памятник имеет статус объекта культурного наследия регионального значения.

Здание «Дом связи». Арх. Д. Гаркуша, А. Иванов.

Здание Дома связи размещено на противоположной от Дома Советов стороне площади, на равном удалении от продольной оси ул. Ленина. В архитектуре фасадов Дома связи применён ритм выступающих пилястр на всю высоту в четыре этажа, основанием для которых служит рустованный цокольный этаж. Фасады отделаны цветной штукатуркой с мраморной крошкой и прорезными рустами [9]. Дворовая часть со стороны ул. Радищева выглядит более скромно, здесь размещён открытый хозяйственный двор со складом для обслуживания и эксплуатации здания.

В интерьерах центральных залов почтамта применены лепные украшения и орнаменты на колоннах с грибовидными капителями. По периметру стен и капителей колонн выполнена скрытая подсветка потолков.

Здание было построено по проекту курских архитекторов Д.И.Гаркуши и А.Н.Иванова. В ходе строительства здание несколько упростили по сравнению с разработанным архитектурным проектом – был убран фронтон с острым шпилем (рис.20)

Рис. 20. Проект Дома связи

Источник – В. Крюков, О. Радин. Курск: Это было недавно, это было давно..... Курск, 2017.

В старину на этом месте располагались торговые ряды и соляные склады. В 1937 году здесь был открыт цирк, одно из лучших цирковых зданий того периода. В годы войны оно было полностью разрушено. В послевоенное время руины оставались в центре города до начала пятидесятых годов.

В 1960 году на этом историческом месте было возведено четырехэтажное здание Дома связи, в котором сейчас располагается Центральный почтамт, телеграф, междугородная телефонная станция и другие службы связи (рис.21).

Рис. 21. Дом связи *Источник*- <http://photogoroda.com>

С учётом градостроительных требований было бы правильнее расположить это здание более компактно по конфигурации, что улучшило бы застройку Красной площади с её асимметричностью, как предполагалось в довоенных разработках и в проекте центра. Но среди множества эскизов архитектурного решения Дома связи такой вариант не разрабатывался.

В 1989 году здание было принято под государственную охрану Решением исполнительного комитета Курского областного Совета народных депутатов № 49 от 16.02.1989 г. и является объектом культурного наследия регионального значения.

Вывод.

Анализируя историю формирования архитектурного ансамбля Красной площади г. Курска, можно сделать вывод о том, что её планировочная структура прошла длительный период эволюционного развития и в основном сохранилась до наших дней.

Сегодня Красная площадь является главным градоформирующим комплексом центральной части города Курска, который имеет вид законченного архитектурно-градостроительного ансамбля периода советского классицизма, созданного из монументальных зданий сталинской архитектуры. Их облик перекликается с классическим стилем архитектуры Знаменского собора. Масштаб площади и основных объемов: Дома Советов, Дома связи, гостиницы «Центральной», Горсовета, поддерживаются двумя зданиями с более скромной архитектуры, поставленными по западной стороне улицы.

Здания горсовета и гостиницы «Центральной» принимают активное участие в создании силуэта, панорамы площади, являясь градоформирующими элементами исторически ценной планировочной схемы и архитектурно-пространственной композиции. Архитектура сходная по масштабу и пропорциям пространственных и планировочных характеристик, декоративному убранству объединяет два угловых здания в самостоятельную ансамблевую пространственную композицию, замыкающую архитектурный ансамбль Красной площади с севера и открывающую въезд на главную магистраль г. Курска.

Здания, составляющие архитектурный ансамбль Красной площади, имеют градостроительную, архитектурно-эстетическую, художественно-эмоциональную, научно-реставрационную, функциональную ценность, являются объектами культурного наследия регионального и федерального значения и стали своеобразной визитной карточкой города.

Библиографический список

Источники:

1. ГАКО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д 22
2. ГАКО. Ф. Р-347, Оп. 1
3. ГАКО. Ф. Р-623, Оп.4 с.39
4. ГАКО. Ф. Р-886 Оп.1 Д. 266, лист 70

Литература:

1. Донченко Ю.В. Губернский Курск на старой открытке. – Курск, 2008.- С.- 15-18
2. Златоверховников Н.И. Краткий исторический очерк курского края. Курск, 1912.- С.15-

- 20.
3. Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.- С.10-12.
4. Курск: Краеведческий словарь-справочник / Под ред. Ю.А. Бугрова. Курск, 1997.- С.2
5. Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII- XIX вв. – М., 1984.- С.56
6. Склярук В.И., Логачев Н.Ф., Озеров Ю.В. Старые курские открытки каталог иллюстрированных почтовых карточек 1899-1930 годов с объяснением видов города. – Курск 2005.- С.16-20
7. Степанов В. Пешком по городу. Путеводители по историческому центру г. Курска. – Курск: МБУ «Издательский центр "ЮМЭКС", 2006. – С.25-78
8. Степанов В. Путеводитель по историческому центру г. Курска. – Курск: МБУ «Издательский центр "ЮМЭКС", 2002.- С.38-64
9. Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска. – Курск, 2001.С.- 253-279
10. Улицы города Курска. Справочник по истории площадей и улиц города. 1782-2000 гг. Сост. Травина А.С. – Курск, 2000.- С. 5-7
11. Федоров С.И. Архитектурные очерки Курского края. – Воронеж, 1982.- С.56-60
12. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII-XXI веков : ил. биограф. словарь / Елена Холодова ; Кур. гос. ун-т. - Курск : Крона, 2003. С. - 179 .
13. Виктор Крюков, Олег Радин. Мой город на все времена. - Курск, 2013.- С.40
14. Виктор Крюков, Олег Радин. Курск: Это было недавно, это было давно..... Курск, 2017.- С.25,27,35-37

Интернет ресурсы:

1. <https://primo.nlr.ru> Книга чертежей и рисунков (Планы городов).
2. <http://old-kursk.ru/>
3. <http://photogoroda.com>
4. <http://www.etomesto.ru/kursk/>

Bibliography list

Sources:

1. GAKO. T. R-200. Op.1 D 22
2. GAKO. T. R-347, Op. 1
3. GAKO. T. R-623, Op.4 of page 39
4. GAKO. F. P-886 Op.1 D. 266, sheet 70

Literature:

1. Donchenko Yu.V. Provincial Kursk on an old postcard. - Kursk, 2008.- S.-15-18
2. Zlatoverhovnikov N.I. Brief historical essay of the Kursk region. Kursk, 1912. - Page 15-20.
3. Zlatoverhovnikov N.I. Monuments of old and new times and other worthy of the Kursk Province. Kursk, 1902. - Page 10-12.
4. Kursk: Local history dictionary/Under ed. Yu.A. Bugrov. Kursk, 1997. - Page 2
5. Ozhegov S.S. Typical and re-construction in Russia in HVIII- XIX centuries - Moscow, 1984.- С.56
6. Sklyuruk V.I., Logachev N.F., Ozerov Yu. V. Old Kursk postcards catalogue of illustrated postal cards of 1899-1930 with explanation of city views. - Kursk 2005.- С.16-20
7. Stepanov V. Walking around the city. Guides to the historical center of Kursk. - Kursk: MBU Publishing Center "YUMEX," 2006. - С.25-78
8. Stepanov V. Guide to the historical center of Kursk. - Kursk: MBU "Izda-Tel Center" YUMEX, 2002.- С.38-64
9. Teplicki M.L. Autographs in stone. Architectural record of Kursk. - Kursk, 2001.С.- 253-279
10. Streets of Kursk. Guide to the history of squares and streets of the city. 1782-2000 Sost. Travina A.S. - Kursk, 2000.- S. 5-7
11. Fyodorov S.I. Architectural essays of Kursk Krai. - Voronezh, 1982.- С.56-60

12. Kholodova E.V. Zochie of the Kursk region of the XVII-XXI centuries: il. biographer. Dictionary/Elena Kholodova; Hens. State. un-t. - Kursk: Krona, 2003. C. - 179.
13. Victor Krukov, Oleg Radin. My city for all times. - Kursk, 2013.- C.40
14. Victor Krukov, Oleg Radin. Kursk: It was recent, it was long ago....Kursk, 2017. - Page 35-37

Internet resources:

1. <https://primo.nlr.ru> Book of Drawings and Drawings (City Plans).
2. <http://old-kursk.ru/>
3. <http://photogoroda.com>
4. <http://www.etomesto.ru/kursk/>

ARCHITECTURAL ENSEMBLE OF RED SQUARE OF THE CITY OF KURSK

A.M. Podkolzin, G.A. Chesnokov

Podkolzin A.M., master's degree student of the Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Planning Heritage, VGTU, Russia, Voronezh, tel. 79107405625, e-mail: tri62@mail.ru

Chesnokov G.A., Candidate of Architecture, Professor of the Department of Composition and Preservation of Architectural and Urban Heritage, VGTU, Voronezh, Russia, e-mail: chesnokov@mail.ru

Statement of the problem. The article describes main stages of the formation of Red Square's architectural ensemble of the city of Kursk and touches upon the issue of preservation and functional demand of the cultural heritage sites which are forming the ensemble.

Results and conclusions. Present state of sites, their role in the structure of the city are considered. It has been Identified that the buildings that make up the architectural ensemble of Red Square have an architectural and aesthetical, artistical and emotional, scientific and restorational, functional value and provides are cultural heritage sites of regional and federal significance cultural heritage of regional and federal significance.

Keywords: cultural heritage sites, dominant, development, classicism, Stalin's empire, reconstruction.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Научный журнал

№ 3 (23)

2020

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка: Азизова-Полуэктова А.Н.

Дата выхода в свет: 05.10.2020
Формат 60 × 84 1/8. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 13,1.
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84